

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І. І. МЕЧНИКОВА

Строг

533

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУМІЙ МЕЛНІКОВА

Александр Строганов

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ
ОБЪ
ИННОКЕНТИ АРХІЕП. ХЕРСОНСКОМЪ
И
ТАВРИЧЕСКОМЪ.

И. У. ПАЛИМПСЕСТОВА.

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА «СТРАННИКЪ».

Строганов

СТРОГАНОВ
533
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
и типографія С. Добродѣва, Ковенскій пер., собств. д. № 14.
1888.

*Милостивому моему другу
и другу моему Гр. Александру Григорьевичу
Степанову*

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

*и памятн.
о памятн. моемъ*

ИННОКЕНТИ АРХІЕП. ХЕРСОНСКОМЪ

и Иннокентіи

ТАВРИЧЕСКОМЪ.

и таврич. епископ.

М. У. ПАЛИМПСЕСТОВА.

П. Палимпсестова

*30 Авг.
1883*

ИЗДАНИЕ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА «СТРАННИКЪ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Хромолятографія и типографія С. Довродева, Ковенскій пер., собств. д. № 14.
1883.

СТРОГАНОВ
533

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ІМ. ПАНТИКОВА

С о д е р ж а н і е.

СТРАИ.

I. Отличительная черта добродетельности Иннокентія. — Князь М. С. Воронцовъ приглашаетъ Иннокентія въ Алуку на 5-е сентября—день имения княгини—и присылаетъ за нимъ пароходъ.—Государственный умъ князя. — Иннокентій беретъ меня съ собою.—Самъ отправляется сухимъ путемъ.—На морѣ страшная буря.—Въ Ялтѣ разговоръ Иннокентія съ известнымъ Фирковичемъ о народностяхъ Крыма 1

II. Наканунѣ Елизаветина дня. — Изящество, какъ отличительная черта Иннокентія. — Припоминаются митрополитъ Филаретъ и архіепископъ Гурій. — Нравоученіе.—Общая любовь къ князю М. С. Воронцову. — Удивительное умѣнье владѣть собою.—Паннаги Иннокентія. — Завтракъ у князя. — Прогулка Иннокентія по саду. — Его знанія растительности. — Виноградная ягода.— Слово Иннокентія въ день имения. — Его взглядъ на свободу совѣсти 18

III. М. П. Шогодинъ справедливо называетъ Иннокентія великимъ гражданиномъ русской земли.—Мнѣніе Иннокентія о кн. М. С. Воронцовѣ.—Раздѣленіе рода человѣческаго на языки.—Взглядъ Иннокентія на югъ Россіи, на западный край и остзейскій. — Русскія задачи. — Могометанство въ Россіи.—Многое изъ предположеній и желаній Иннокентія сбывается. — Почему мы мало цѣнимъ замѣчательныхъ лицъ при жизни ихъ. — Заключение этой главы 36

IV. Выѣздъ изъ Алуки.—Массандра.—Газели.—Моисей и геологи.— Злословіе. — Аюдагъ и мысли Иннокентія о водныхъ токахъ.— Ночлегъ въ Алуштѣ. — Крымскія горы на дачѣ Иннокентія. — Путешествіе къ Косьмодемьяновскомъ источнику.—Природа этого урочища по Иннокентію. — Святыни Крыма, возстановляемыя Иннокентіемъ. — Состояніе ихъ въ настоящее время. — Что думала и думаетъ толпа известнаго направленія объ Иннокентіи, какъ возстановителѣ святынь Крыма. 72

V. Побужденія для Иннокентія къ усиленію православія на югѣ Россіи и частице въ Крыму. — Достояншіе преемники Иннокентія—архіепископы Дмитрій и Гурій.—Труды послѣдняго въ Таврической епархіи. — Памятники этимъ архипастырямъ. — Мысль объ увѣковѣченіи памяти Иннокентія въ Крыму.—Молебенъ при Космодемьяновскомъ источникѣ. — Путешествіе на Четырдагъ. — Иннокентій одинъ на вершинѣ этой горы. — Напутствіе. — Видѣнія 96

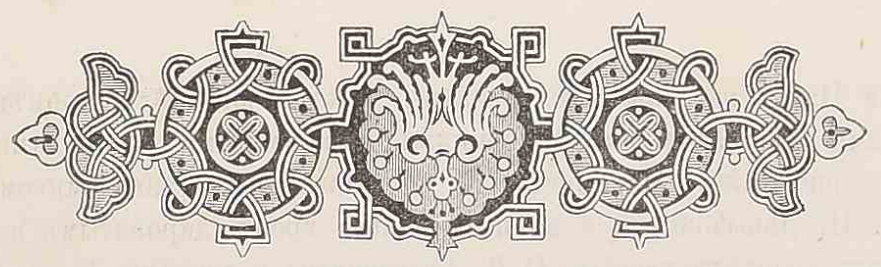
Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной цензуры печатать дозволяется.
С.-Петербургъ 3-го апрѣля 1888 года.

Цензоръ Архимандритъ *Инокент.*

Синор
533.

VI. Иннокентій беретъ меня въ степи и для наблюденія солнечнаго затмѣнiя. — О. протоіерей, профессоръ философіи И. М. Скворцовъ. — Онъ ревизуетъ Херсонскую семинарію и отправляется съ нами въ Бобрынецъ. — Рекреаціи и экзамены при Иннокентіи. — Мысли, высказанныя Иннокентіемъ въ дорогѣ. — Астрономъ А. Н. Савичъ. — Диктованіе И. М. Скворцовымъ отчета о солнечномъ затмѣнiи. — Прощаніе учителя и ученика. — Чумацкая дорога и ливень. — Обѣдъ у одной помѣщицы. — Мнѣніе Иннокентіа о бытности лѣсовъ на югѣ Россіи. — Теорія образованія земли	146
VII. Иннокентій въ имѣнiи извѣстнаго лѣсовода и хозяина В. П. Скаржинскаго. — Мнѣніе его о важности лѣсной растительности для степей юга Россіи и значеніе въ этомъ дѣлѣ власти. — Взглядъ Иннокентіа на крѣпостное право въ Россіи. — Задачи для государственной мудрости. — Значеніе для Россіи дворянства. — Совѣтъ Иннокентіа редактору «Записокъ» Общества сельскаго хозяйства южной Россіи. — Взглядъ на русскій языкъ и инокъязычіе	141
VIII. Кабинетъ Иннокентіа. — Прекраснѣйшая душа о. архимандрита Пароенія, въ послѣдствіи архіепископа Иркутскаго. — Небольшой грѣшокъ за Иннокентіемъ и таковой же за другимъ архипастыремъ. — Иннокентій въ полномъ блескѣ своей учености предъ бывшими своими учениками — М. К. Павловскимъ и І. Г. Михневичемъ, бесѣдуя съ Д. Н. Струковымъ. — Твердость воли Иннокентіа. — Посѣщеніе имъ Крыма во время крымской войны. — Разговоръ его съ А. Г. Троицкимъ	163
IX. Мнѣніе Иннокентіа о графѣ А. Г. Строгановѣ. — Лагонизмъ послѣдняго объ Иннокентіи. — Взглядъ Иннокентіа на крымскую войну. — Его высокое мнѣніе о Государѣ Николаѣ Павловичѣ. — Школа дѣвиць духовнаго званія на взглядъ Иннокентіа.	187
X. Преемники Иннокентіа — архіепископы Дмитрій и Гурій. — Сравненіе послѣднихъ между собою. — Дарованіе и доброта Дмитрія. — Императоръ Николай Павловичъ и о. ректоръ кievской духовн. Академ. Дмитрій. — Заключеніе	204

I.

Отличительная черта благожелательности Иннокентіа. Князь М. С. Воронцовъ приглашаетъ Иннокентіа въ Алупку на 5 сентября — день пмянiнъ княгини и присылаетъ за нимъ пароходъ. Государственный умъ князя. Иннокентій беретъ меня съ собою. Самъ отправляется сухимъ путемъ. На морѣ страшная буря. Въ Ялтѣ разговоръ Иннокентіа съ извѣстнымъ Фирковичемъ о народностяхъ Крыма.

СЛИ ВЫ, мой благосклонный читатель, въ извѣстныхъ времена вашей жизни соприкасались съ личностію, которая неизмѣримо выше васъ стояла по богатству дарованій своего духа, по многосторонности образованія или учености, по глубинѣ и широтѣ своего ума и сердца и по той особенной печати Дара Духа Святаго, которая даетъ высшую власть и права, какія только могутъ быть даны человѣку, — власть надъ душою человѣка, надъ его судьбою — и здѣсь, и за гробомъ, — то вы поймете трепеть руки моей, взявшей перо, чтобы написать нѣсколько страницъ о такой высокой и свѣтлой личности въ нашей православной церкви и отечествѣ, какою признается личность преосвященнаго Иннокентіа, почившаго въ санѣ архіепископа Херсонскаго и Таврическаго. Дивный образъ этого глубокаго и свѣтлаго мыслителя, того неподражаемаго витія, котораго слова въ стѣнахъ Акаде-

міи Наукъ названы безсмертными, — уже начертанъ достойнѣйшими дѣятелями наукъ, нашими незабвенными историками: митрополитомъ Макаріемъ, М. П. Погодинымъ, академикомъ Н. И. Давыдовымъ, а въ позднѣйшее время даровитымъ нашимъ молодымъ ученымъ О. Т. Буткевичемъ и другими. Краски, употребленныя ими для этого образа, отличаются особенною яркостію и жизненностію; освѣщеніе его самое обильное. Но кому не извѣстно, что для полноты извѣстнаго изображенія, или картины, мало однѣхъ красокъ, хотя бы и самыхъ яркихъ, мало одного свѣта, хотя бы и самаго обильнаго; нужны тѣни и оттѣнки, даже самые тонкіе, едва уловимые. Не припомню кто и гдѣ, но очень хорошо помню, что одинъ изъ нашихъ почтенныхъ историковъ приблизительно выразился такъ: и одна черта, найденная въ лицѣ даннаго историческаго лица, имѣетъ важное значеніе для исторіи или историка.

Эти слова даютъ мнѣ смѣлость собрать нѣкоторыя — если не черты, то слабыя тѣни для полноты образа именитаго архипастыря нашей церкви Иннокентія. Свѣтлая или свѣтившая историческая личность есть своего рода свѣтильникъ, поставленный на высокомъ свѣщникѣ. Но пламя свѣтильника слугается изъ мельчайшихъ свѣтящихся частицъ; слѣдовательно, чѣмъ больше будетъ собрано этихъ частицъ, тѣмъ ярче будетъ свѣтъ свѣтильника какъ для освѣщенія собственнаго его существа, такъ и той среды, въ которой онъ свѣтился или долженъ свѣтиться въ будущемъ. Дѣйствительно, чѣмъ болѣе собирается историческихъ данныхъ, хотя и самыхъ мелкихъ для освѣщенія даннаго, выдававшихся своими высокими дарованіями и заслугами лица, тѣмъ болѣе свѣтъ его увеличивается и обильнѣе свѣтитъ для другихъ.

И такъ, смотря съ этой точки зрѣнія на мою смѣлость написать нѣсколько страницъ объ именитомъ Иннокентіи, могутъ ли осудить меня за нее? Задача моя самая скромная: прибавить нѣсколько самыхъ мелкихъ частицъ историческаго свѣта къ тому свѣту, который уже пролитъ исторіею на этотъ свѣтлый образъ, — прибавить, если позволено будетъ мнѣ выразиться, нѣсколько искорокъ къ тому пламени, которымъ горѣлъ, свѣтилъ и согрѣвалъ пламенный духъ этого святителя. Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки! Уносить эти исто-

рическія искорки въ могилу, которая такъ недалеко и отъ меня, я считаю для себя грѣхомъ, проступкомъ противъ родной земли, которой дороги лучшіе сыны ея, избранники ея народа. Могу ли я присоединить сюда, что желаніе оставить по себѣ нѣсколько страницъ объ именитомъ Иннокентіи исходить и изъ другаго источника, — изъ чувства моей глубочайшей благодарности за все доброе, которое онъ сдѣлалъ для меня. А это доброе я одинъ только, въ глубинѣ моего сердца, могу цѣнить или чувствовать.

Благотворное вліяніе солнца, когда оно освѣщаетъ и согрѣваетъ лично насъ, только мы можемъ чувствовать и цѣнить, но никто другой. Именитый Иннокентій былъ своего рода свѣтъ и свѣтящій, и согрѣвающимъ. Довольно было войти въ среду лучей этого свѣта, чтобы почувствовать въ себѣ искорки свѣта и теплоты, таящіяся въ глубинѣ нашего духа и сердца. Въ Иннокентіи воистину была какая-то сила, которая какъ бы невольно передавалась другимъ, конечно если эта сила не встрѣчала душевной пустоты, если находила сочувствіе и удобоприемлемость. Едва ли я преувеличу, если скажу, что достаточно было одной бесѣды съ этимъ свѣтлымъ мыслителемъ, согрѣвавшимъ свои слова всею искренностію сердца, чтобы почувствовать себя инымъ, чтобы самому просвѣтлѣть и ощутить толчки къ чему то высшему или лучшему. Воистину, какъ выразился въ своей рѣчи академикъ Н. И. Давыдовъ, „это былъ какъ бы нѣкій зиждительный духъ, оживлявшій собою всѣхъ, ободрявшій унылое, возвышавшій низменное, наполнявшій собою весьма многое и удаленіемъ своимъ всегда и вездѣ производившій ощущение пустоты“. Такія только личности могутъ создавать школу, поколѣніе съ болѣе или менѣе свѣтлыми идеями, съ болѣе или менѣе благородными стремленіямъ сердца, съ жаждою честнаго труда, съ сознаниемъ призванія развиваться и служить своими силами другимъ. И эта школа, какъ извѣстно, создана Иннокентіемъ. Смѣю думать, что духъ этого высокаго и обаятельнаго учителя еще носится не только въ стѣнахъ Кіевской Академіи, создавшей Дмитрія, Макарія, Теофана, Іоанникія, Сильвестра и множество другихъ свѣтильниковъ науки и добра, но и во всемъ нашемъ духовномъ пастырствѣ или учительствѣ. Его дивныя слова, или поученія заучивались даже

свѣтскими людьми; и сколько пастырей православной церкви проникались и воодушевлялись ими и чрезъ нихъ восходили на высоту своего служенія. Мы помнимъ время, не для многихъ оно и теперь существуетъ, когда въ дни Великаго поста Страстная Седмица Иннокентія была настольною книгою въ лучшихъ домахъ нашихъ свѣтскихъ людей. „Тѣ—говоритъ митрополитъ-историкъ Макарій,—кто были современниками изданія этихъ (разумѣется Собраніе словъ и бесѣдъ въ 2. т., Страстная, Свѣтлая и Первая седмица В. П.) словъ и седмицъ, тѣ помнятъ, съ какимъ нетерпѣніемъ, восторгомъ, жадностію читались и перечитывались они людьми всѣхъ сословій отъ самаго высшаго до низшаго, и какъ имя Иннокентія огласилось во всѣхъ концахъ неизмѣримой Россіи“.

Изъ моихъ воспоминаній объ Иннокентіи читатель увидитъ, что добраго сдѣлала для меня эта высокодобродетельная душа. Если я не закопалъ своихъ талантовъ, которыхъ, можетъ-быть, на мою долю досталось не болѣе двухъ; если я не сдѣлалъ изъ себя тунеядца,—то этимъ едва ли не всецѣло обязанъ Иннокентію. Объяснюсь въ короткихъ словахъ. Прежде скажу, что переходъ мой изъ Саратова въ Одессу состоялся согласно желанію Иннокентія. Это было въ концѣ весны 1851 года. Еще въ первыхъ годахъ моей юности я, можно сказать, ушпвался дивными поученіями Иннокентія ¹⁾ и разказами о немъ бывшихъ его слушателей, и когда было рѣшено перейти мнѣ

¹⁾ Какъ мы, собственно питомцы духовныхъ семинарій, воодушевлялись дивнымъ словомъ именитаго витія, его духомъ, его теплою сердца, я упомяну о слѣдующемъ случаѣ, но прошу моего благосклоннаго читателя: да не подумаетъ онъ, что привожу этотъ случай изъ нѣкоей гордыни,—она не къ лицу моему чуть не семидесятилѣтнему старческому убожеству. Въ первомъ году, или правильнѣе въ первую же треть Богословскаго класса, мнѣ была назначена проповѣдь на Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова. Знанія, конечно, было немного, но воображеніемъ я былъ не бѣденъ, и вотъ въ приступѣ была мною изображена картина природы на о. Патмосъ, и среди дикихъ скалъ и волнъ бушующаго моря возлюбленный ученикъ Спасителя пишетъ свое «Въ началѣ бѣ Слово», и т. д. и т. д. Въ то время былъ въ Саратовѣ епископомъ Іаковъ (Говорковъ) — самъ витія, дивно говорившій и оставившій по себѣ пять (?) томиковъ проповѣдей; прочитавши мой первый опытъ, онъ сказалъ ректору: да это нашъ второй Иннокентій. Конечно, не былъ бы я Иннокентіемъ, если бы и пошелъ по слѣдамъ его. Но здѣсь важно то, какъ мы пропитывались его духомъ. *Авт.*

въ Одессу, скажу со всею искренностію сердца, что самую сладкою мечтою было для меня: увидѣть дивнаго витія, дивнаго мыслителя, дивнаго мужа по глубинѣ и теплотѣ сердца. И вотъ моя сладкая мечта осуществилась: я предъ лицомъ Иннокентія. Смотритъ онъ на меня своими умными и дышащими добротою очами и слышу первыя слова его: „я знаю, вы ¹⁾ кое-что печатали. ²⁾ Нѣтъ-ли у васъ подъ руками чего-нибудь изъ напечатаннаго; принесите мнѣ“. Далѣе владыка разспрашивалъ—какими путями я доѣхалъ до Одессы. Разказъ мой, повидимому, занялъ его, особливо мое плаваніе на собственной утлой лодченкѣ отъ ст. Качалино (что противъ пос. Дубовки) до Ростова на Дону. На другой день я принесъ Иннокентію что могъ найти—довольно пространную статью, напечатанную въ журналѣ М. Г. И.: „Взглядъ на правое побережье Волги отъ Саратова до Царицына“. — Придите ко мнѣ завтра, сказалъ владыка. Я пришелъ и вотъ что услышалъ: „вы можете писать; есть наблюдательность, есть и научная подкладка. Поле дѣятельности для васъ самое обширное; жатвы много, дѣлателей же мало. Но надо съ этимъ полемъ познакомиться, — мало, надо изучить его. Я буду вашимъ руководителемъ въ этомъ дѣлѣ; постараюсь познакомить васъ съ нашими степями, а дастъ Богъ—покажу вамъ и иной міръ—лѣсныхъ горы нашего Крыма. Помните одно: если будете трудиться, то во мнѣ вы всегда найдете и совѣтника, и искренняго друга. Сельское хозяйство, кромѣ того, что служитъ къ удовлетворенію первѣйшихъ потребностей нашей жизни, представляетъ собою такую область, которая можетъ открыть самую обильную жатву и для ума, и для сердца. Здѣсь человекъ имѣетъ дѣло съ природою, а природа неисчерпаема и для пытливости ума, и для наслажденій сердца. Я съ дѣтства любилъ природу; но подъ старость еще болѣе сталъ любить ее, а потому люблю и сельское хозяйство. Надѣюсь, что вы не скроете своихъ талантовъ въ землю, будете трудиться, и Господь благословитъ труды ваши. Вы знаете,

¹⁾ На первыхъ порахъ и при постороннихъ Иннокентій называлъ меня—вы; но впоследствии, одинъ-на-одинъ, всегда—ты, нерѣдко съ прибавленіемъ конечно, въ шутку: мой ученый мужъ или профессоръ.

²⁾ Вѣроятно Иннокентій видѣлъ въ моемъ формулярѣ, что за нѣкоторыя писанія И. В. Э. Общество наградило меня серебряною медалью.

что здѣсь есть общество сельскаго хозяйства. Оно издаетъ свои Записки, чрезъ которыя на первый разъ вы можете познакомиться съ краемъ, съ его сельскимъ хозяйствомъ“.

Когда я вышелъ отъ Иннокентія, то, какъ говорится, земли не чувствовалъ подъ собою; какъ будто у меня росли крылья. Таково вліяніе этого дивнаго мужа!

Но доброе сѣмя, брошенное въ этотъ разъ и въ послѣдующія времена такою доброю рукою такого мощнаго сѣятеля, проросло-ли *на селѣ семѣ* и дало ли какой-нибудь плодъ? Рѣшать этого вопроса мнѣ самому не приходится да и неумѣстно. Скажу, однако, что я читалъ свой предметъ, въ качествѣ наставника, въ мѣстной духовной семинаріи, нѣкоторое время въ Главномъ Училищѣ Садоводства, въ Ришельевскомъ лицѣѣ и потомъ въ Новороссійскомъ университетѣ¹⁾—безлѣбно. Теперь какъ-то въ обычаѣ вошло ссылаться на собственные убѣжденія, и ссылаются на нихъ даже дѣти 12—15 лѣтъ обоюго пола, т. е. такія личности, которыя ни во что не успѣли вдуматься и ничего порядочнаго не читали; позволительно было и намъ, людямъ стараго времени, имѣть свои убѣжденія и эти убѣжденія были такого рода: получать казенное жалованье и не исполнять своихъ обязанностей—тоже, что заниматься самымъ постыднымъ, самымъ низкимъ промысломъ—присвоеніемъ чужой собственности, т. е. своего рода воровствомъ.

Прислушиваясь къ голосу моей совѣсти, я могу сказать, что лучшимъ воспоминаніемъ изъ прожитой жизни едва-ли не должна быть поставлена моя 17-ти лѣтняя дѣятельность въ Императорскомъ обществѣ сельскаго хозяйства южной Россіи, въ качествѣ его дѣйствительнаго члена, секретаря и редактора

¹⁾ Я имѣю основаніе думать, что занятіе мною кафедры сельскаго хозяйства въ лицѣѣ было дѣломъ Иннокентія. Въ 1853 году прибывшій въ Одессу министръ Народнаго Просвѣщенія А. С. Норовъ для обозрѣнія въ этомъ округѣ учебныхъ заведеній призвалъ меня къ себѣ и предложилъ занять кафедру сельскаго хозяйства въ лицѣѣ. Я отвѣтилъ, что, желая посвятить себя сельско-хозяйственной литературѣ, предложенія этого принять не могу. На это Министръ сказалъ мнѣ: «Здѣсь есть лицо, котораго вы послушаетесь. Дается вамъ день подумать». Я пошелъ за совѣтомъ къ Иннокентію, который отказъ мой назвалъ глупостью и прибавилъ: «одно другому не мѣшаетъ: я и училъ, и писалъ. Лишь стало-бы охоты». Такимъ образомъ и рѣшилось это дѣло.

его Записокъ,—дѣятельность, за которою слѣдили Иннокентій и отчасти направлялъ и поддерживалъ ее своими совѣтами. По чистой совѣсти скажу, что работа въ этомъ Обществѣ была нѣчто въ родѣ увлеченія и притомъ безъ чаянія какого-либо вознагражденія. Много-ли хорошаго было сдѣлано, написано и напечатано мною, объ этомъ судить не мнѣ; но что я трудился и написано и напечатано не мало—это провѣрить не трудно. Иннокентій все читалъ въ печати, что писала моя рука. Когда я явился къ нему съ своимъ „Словаремъ сельскохозяйственныхъ растений“, надъ которымъ трудился около пяти лѣтъ и который представляетъ собою томъ мелкаго шрифта почти въ 1000 страницъ и доселѣ имѣетъ право назваться единственнымъ въ своемъ родѣ на отечественномъ языкѣ,—онъ сказалъ: „это трудъ десятерыхъ; теперь по крайней мѣрѣ на годъ брось перо; наши силы могутъ дойти до такого предѣла безсилія, что уже поздно бываетъ думать о возвратѣ ихъ“. Конечно, я не послушался великаго моего учителя; скажу даже, что на этотъ разъ и благо сдѣлалъ.

Въ 1878 году это общество праздновало свой пятидесятилѣтній юбилей, на которомъ добрымъ словомъ помянули и мои посильные труды, а по одной части этихъ трудовъ въ изданномъ отчетѣ о пятидесятилѣтней дѣятельности общества, между прочимъ, сказано: „мы не считаемъ себя вправѣ входить въ разборъ трудовъ этого почтеннаго ревнителя лѣсоразведенія въ южной Россіи, да и вообще врядъ-ли наступило уже время для безпристрастной оцѣнки его дѣятельности. Это дѣло будущаго“. Что скажетъ это будущее—мы не можемъ знать, но, что я трудился на пользу края—между прочимъ и по этой отрасли сельскаго хозяйства,—это видно изъ приведенныхъ словъ, и толчекъ къ этому труду мнѣ данъ моимъ незабвеннымъ Иннокентіемъ, какъ это объяснится ниже.

Свои воспоминанія я начну съ нашей поѣздки въ Крымъ, хотя ей и предшествовала поѣздка по Херсонскимъ степямъ. Почему я съ этого начинаю, а не съ другаго? На это есть основанія, которыя впоследствии и выяснятся, по ходу моего не короткаго разсказа.

Читатель не имѣетъ права заподозрить меня въ какомъ-нибудь измышленіи, но можетъ заподозрить въ пристрастіи.

Каюсь, я доселѣ всей душой люблю свѣтлую и добрую личность именитаго Иннокентія, благоговѣю передъ ней и молось за нее, какъ тому научили насъ наши добрые отцы, и какъ почему-то мы не умѣемъ или не хотимъ научить нашихъ дѣтей. Таково, видно, нынѣшнее смутное, безцѣльное, безпредметное или чрезчуръ много-предметное время. Мы какъ будто бы сбились съ дороги. Но Богъ милостивъ: поправимся, и имѣемъ основаніе сказать, что поправляемся. Побольше вѣры въ священные завѣты нашей исторіи, вѣры въ собственные силы, вѣры въ міровое значеніе широко-даровитаго славянскаго племени, и самой глубокой, чуждой лжи и лицемерія любви къ родной землѣ, и все пойдетъ стезею правды, мира и благоденствія.

Въ послѣднихъ числахъ августа 1851 года именитый архипастырь, котораго я уже успѣлъ полюбить всею полнотою моей души, соединяя эту любовь съ невольнымъ, но и сознательнымъ благоговѣніемъ къ этой по истинѣ высокой личности, пригласилъ меня къ себѣ и сказалъ: „дня черезъ два или три я ѣду въ Крымъ; меня приглашаютъ служить въ Алушкѣ 5-го сентября—это день ангела княгини Елизаветы Ксаверіевны Воронцовой, ты поѣдешь со мной; я представляю тебя князю и покажу тебѣ Крымъ“.

Пойми и оцѣни, благосклонный мой читатель, всю благодать этого дивнаго мужа. Итого уже много, что хочеть взять меня съ собою, дать мнѣ возможность слышать его, познакомиться съ Крымомъ, чтобы я могъ сознательно служить своему назначенію: все это еще какъ бы въ порядкѣ вещей; но представить меня, еще ни чѣмъ не заявившаго себя, знаменитому изъ русскихъ князей М. С. Воронцову—это именно свойственно только такимъ благостнымъ душамъ, какова была у именитаго нашего Иннокентія. Впрочемъ, по отзыву всѣхъ, знавшихъ этого дивнаго мужа, отъ начала его служенія наукѣ, церкви и отечеству и до послѣднихъ дней жизни, отличительная черта его души была та, чтобы дать ходъ всякому, въ комъ онъ видѣлъ хоть и небольшіе проблески способностей и желанія трудиться. Онъ не принадлежалъ къ тѣмъ гасителямъ

талантовъ, которые измѣряютъ другихъ своею мѣрою,—мѣрою своихъ силъ, и поддерживаютъ только выдающіеся таланты. Иннокентій вѣрилъ, конечно и на основаніи личныхъ опытовъ, что иногда и въ навозной кучѣ можно открыть алмазное зерно ¹⁾. Поддержать, направить слабое и неустановившееся, придать вѣру въ себя, убѣдить, что при желаніи, при трудѣ можно достигнуть и того, что съ перваго раза представляется недостижимымъ: вотъ одна изъ свѣтлыхъ сторонъ прекраснѣйшей души Иннокентія. Припоминаю собственную школу, припоминаю школы, пройденныя другими, и не могу не сказать, что не мало погибло и погибаетъ истинныхъ талантовъ, именно въ слѣдствіе того, что на первыхъ порахъ они были подавлены или осмѣяніемъ, или грубыми выходками тѣхъ, которые должны бы были поддерживать, а не убивать. Не мало приходилось мнѣ встрѣчаться съ людьми, въ послѣдствіи сдѣлавшимися достойными дѣятелями на томъ или другомъ поприщѣ, которые сказывали, что въ юности они иной разъ бросали книги, и переставали заниматься или отъ грубыхъ насмѣшекъ педагоговъ, или прямо отъ потери вѣры въ свои силы, постоянно слыша отзывъ о полной неспособности на какое-бы то ни было порядочное дѣло. Иннокентій, поддерживая меня или подобныхъ мнѣ, конечно, не видѣлъ ни во мнѣ, ни въ подобныхъ мнѣ какихъ-нибудь блестящихъ способностей, отъ которыхъ можно ожидать чего-нибудь особеннаго; нѣтъ, но онъ очень хорошо понималъ, что не геніями движется человѣчество на пути своего развитія; для этого движенія нужны силы среднія, но дружно и съ любовью къ дѣлу относящіяся. Вполнѣ сознаю, что незабвенный архипастырь подмѣтилъ во мнѣ одно, что я готовъ по мѣрѣ силъ трудиться, и для него достаточно было, чтобы приблизить къ себѣ и возвысить меня въ собственныхъ глазахъ моихъ. Думается мнѣ, что Иннокентій, желая представить меня такому именитому государственному мужу, какимъ былъ и останется въ нашей исторіи свѣтлѣйшій князь М. С. Воронцовъ, имѣлъ въ виду придать мнѣ вѣру въ собственные силы и при этой вѣрѣ заставить трудиться, сознавая при томъ, что я одна изъ посредственностей, но посредственностей не бесполезныхъ для дѣла.

¹⁾ Конечно, здѣсь я не на себя намекаю. Авт.

Но думаль-ли я такъ о себѣ? О, молодость! какъ ты умѣешь обольщать сама себя! Но съ другой стороны, если бы ты не любила самое себя, если бы не вѣрила въ свои силы, если бы только и видѣла въ своихъ силахъ одну слабость, одно убожество, то могла-ли бы ты вырости въ мѣру возрасти мужа совершенна?.. Когда я услышалъ отъ Иннокентія, что онъ желаетъ представить меня князю, откровенно скажу, что этому я не удивился, какъ будто это въ порядкѣ вещей. Но кромѣ этого, я уже зналъ, что и князь С. М. Воронцовъ также готовъ всякаго ободрить, поддержать, обласкать, въ комъ только видѣлъ охоту трудиться и особливо на пользу того края, который онъ такъ любилъ, и для котораго такъ много сдѣлалъ, т. е. для юга Россіи.

За владыкою Иннокентіемъ князь М. С. Воронцовъ прислалъ пароходъ „Петръ Великій“, припоминая который и сравнивая его съ плавающими теперь громадными и великолѣпными пароходами О. П. и Т., невольно скажешь: справедлива поговорка: отъ малаго до великаго — одинъ шагъ. Убожество, нѣсколько разъ сколачиваемое — и такое великое имя! Но эти пароходы (было-ли ихъ въ то время два или три?) ставили въ нѣкій укоръ такому свѣтлому и дальновидному уму, какимъ обладалъ свѣтлѣйшій князь М. С.; это-де прихоть, забава, желаніе кататься при помощи пара въ очаровательную Алушку. Князь смотрѣлъ на Черное море какъ на русское озеро, и всѣ мѣры употреблялъ, чтобы развести на немъ, а равно и на Азовскомъ морѣ и впадающихъ въ нихъ рѣкахъ русское судоходство; съ каковою цѣлю и возросъ при немъ русскій каботажъ, въ позднѣйшее время почти на повалъ убитый Обществомъ, именующимъ себя Русскимъ, а равно и другими неблагопріятными русскому судоходству условіями. О, если-бы слушались этого геніальнаго государственнаго человѣка! не струсилъ-бы надъ русской землею такая бѣда, какъ Крымская война, уничтожившая нашъ флотъ, превратившая Севастополь въ развалины, потребовавшая на закланіе не одну сотню тысячъ кровныхъ сыновъ русской земли, приведшая насъ къ государственному долгу, который пошатнулъ наши финансы до такой степени, что до Крымской войны въ Одессѣ мы буквально видѣли груды золота и серебра, и

ливороссійскіе землевладѣльцы, какъ милости просили у негоціантовъ разсчитывать ихъ бумажками, а не мѣшками съ цѣлковыми и талерами; а послѣ войны на имперіаль или цѣлковыми мы смотрѣли какъ на рѣдкость. Еще въ 40 годахъ князь ходатайствовалъ о проведеніи желѣзной дороги изъ глубины Россіи до Одессы, и Государь соглашался съ мнѣніемъ князя; но сѣверное легкомысліе, подкрѣпляемое завистью, помѣшало этому дѣлу, по осуществленіи котораго едва-ли была-бы крымская война, а если-бы и была, то скорѣе на погибель нашихъ враговъ. Но оставимъ эту скорбную страницу нашей исторіи.

Утромъ, 28 августа, является къ Иннокентію капитанъ онаго „ботика Петра Великаго“ и докладываетъ, что пароходъ готовъ, уже разведены пары.

— А море каково, капитанъ?

— Не много рябитъ; но увѣряю в. в—во, что бури и качки не будетъ; я доставлю васъ въ полномъ благополучіи.

— Вы думаете, что бури не будетъ? Пусть будетъ по вашему; но мнѣ лучше сухимъ путемъ отправиться; я успѣю по дорогѣ осмотрѣть нѣкоторыя церкви; на пароходъ возьмите мою свиту.

— Какъ жаль, в. в—во, что вы лишаете меня удовольствія доставить васъ, такого именитаго архипастыря, въ Крым!

— А я, капитанъ, думаю, что вы рады будете, что не взяли меня съ собой.

Подумаешь, какой далекій взоръ былъ у этого по истинѣ дальновиднаго мужа! Впрочемъ, наступало равенство, обыкновенно бурное на Черномъ морѣ. Послѣдствія показали, что Иннокентій лучше зналъ море, чѣмъ капитанъ парохода. Къ чему было безъ нужды подвергать себя и мучительной качкѣ, и даже опасности? Иннокентій такъ и рѣшилъ этотъ вопросъ; велѣлъ готовить экипажъ и позвать меня.

— Ты поѣдешь на пароходѣ со свитой, въ числѣ которой будетъ и мой протодіаконъ; въ случаѣ опасности, ты держись за него: онъ, ты знаешь, дѣтина дюжій и ты на немъ выплывешь изъ самой разъяренной пучины морской. Сказавши это, владыка слегка улыбнулся. Ты моря не боишься? Скажи мнѣ откровенно.

— Я плылъ изъ Ростова до Одессы и не могъ налюбо-

ваться, глядя на эту дивную зыбь. Думаю; что плавать по морю одно из величайших наслаждений.

— Но вѣдь оно бываетъ и грознымъ; оно самые большіе корабли превращаетъ въ щепы. Еще разъ спрашиваю тебя: не боишься-ли ты?

— Мнѣ-ли, владыка, бояться, вскормленному широкою матушкой Волгой, гдѣ я не разъ и тонулъ; но, вѣрно, меня вода не принимаетъ. Вы уже спрашивали меня, какъ я доѣхалъ изъ Саратова до Одессы, и слышали, что изъ ст. Качалино до Ростова я доплылъ на убогой ладѣѣ.

— Удадь у тебя есть; но предваряю тебя, если что случится на пути, не теряй надежды на Господа Бога и бодрости духа. Благословляю тебя и надѣюсь, что увидимся.

Какъ не подивиться такой заботливости, такой нѣжности сердца!

Ну, и задалъ-же намъ трещку Понтъ Эвксинскій! И теперь морозъ пробѣгаетъ по всему тѣлу. Я испыталъ такое мученіе, что право желалъ, чтобы бурныя волны поглотили меня. Самъ капитанъ впоследствии говорилъ, что пароходъ былъ близокъ къ опасности; онъ могъ быть или выброшенъ на берегъ, или разбитъ въ щепы о береговыя скалы крымскихъ горъ. Всѣ мы были привязаны къ своимъ койкамъ, иначе насъ бросило-бы въ трюмъ парохода, какъ мячики; волны хлестали выше трубы. О. протоіаконь относилъ эту трещку къ тому, что первый разъ въ жизни наѣлся скоромнаго въ день Усѣкновенія главы Іоанна Крестителя. Мы раздѣляли его мнѣніе. Но что было дѣлать? Жалуются и теперь православные люди на наши пароходы и желѣзныя дороги, что въ постные дни на нихъ нечего ѣсть желающему соблюдать постановленія церкви. Но, вѣроятно, начальство оныхъ имѣетъ въ виду сослаться на то, что въ церковныхъ уставахъ ничего не говорится ни о пароходахъ, ни о желѣзныхъ дорогахъ. Преосновательно!!

Хотя и съ грѣхомъ пополамъ, однако, нашъ утлый, пыхтѣвшій и скрипѣвшій пароходъ благополучно прибылъ въ Ялту.

Прощаясь съ капитаномъ, который такъ хорошо накормилъ насъ 29 августа, и такъ крѣпко велѣлъ привязывать къ койкамъ, храня наши оскоромившія души, мы поблагодарили

его и услышали отъ него слѣдующія слова: „а каковъ Иннокентій? вѣдь только рябило море, а онъ зналъ, что худо будетъ; и какъ я радъ, что владыки не было съ нами. Что я сталъ бы съ нимъ дѣлать? Неужели и его пришлось-бы привязать къ койкѣ? А привязать пришлось-бы; вѣдь чего добраго, онъ бросился-бы къ рулю. Натура у него кипучая; но рулемъ управлять сумѣетъ не всякій златоустъ“.

Мнѣ вѣрно было въ Ялтѣ остановиться у тамошняго о. протоіерея, о гостепріимствѣ котораго я и теперь вспоминаю съ чувствомъ глубокой благодарности. Послѣ испытанныхъ страховъ и болѣзней, очутиться точно подъ роднымъ кровомъ— это было великое счастье. На третій день прибылъ и владыка, и также на первыхъ порахъ остановился у о. протоіерея, котораго, видимо, онъ цѣнилъ и любилъ. Но кого эта любвеобильная высокая душа не любила и какой цѣнности не придавала цѣны? Кажется у о. протоіерея мы прожили сутокъ двое или около того. Въ это время я буквально упивался беседами владыки, впрочемъ, большею частію относившимся до красоты Крыма; но особеннаго ничего здѣсь не было. Являлись нѣкоторые маленькіе люди изъ маленькой и бѣдненькой въ то время Ялты; но въ числѣ ихъ была и нѣкоторая извѣстность въ ученомъ мірѣ,— это собиратель и даже будто бы знатокъ древнихъ хартій—г. Фирковичъ изъ мертваго караимскаго города Чуфуть-Кале. Фирковичъ имѣлъ коренастую, очень степенную наружность; взглядъ его былъ не безъ ума, но и не безъ подобострастія; сѣдая борода придавала большую смѣлость говорить съ авторитетомъ знатока края и еврейскихъ древностей. Думается, что беседа владыки съ Фирковичемъ длилась болѣе двухъ часовъ. Иннокентій былъ чистая пчела; онъ отовсюду, подобно пчелѣ, бралъ „взятку“ для своего душисто-медоваго сота. Много было говорено; но владыка больше слушаль, чѣмъ говорилъ. Это его былъ обычай или правило, и большею частію онъ раскрывалъ свои воистинну золотыя уста, когда другіе наговорятся и есть достойные слушатели. Нѣкоторые изъ примѣровъ этого молчанія и говоренія я приведу въ своемъ мѣстѣ. Главною темою разговоровъ были мѣстныя народности, изъ которыхъ, конечно, Фирковичъ на первомъ планѣ поставилъ караимовъ, какъ людей честныхъ, трудолю-

бывших и преданных Россіи, чего, впрочемъ, — можетъ быть, и не въ полномъ составѣ, — отвергать нельзя. Между прочимъ Фирковичъ старался увѣрить владыку, что они, караимы, самыя древніе аборигены Крыма, что они попали сюда послѣ перваго плѣненія Вавилонскаго; а слѣдовательно — прибавилъ онъ — можетъ быть, желая расположить къ себѣ христіанскаго архипастыря, — и слова: „кровь его на насъ и на чадѣхъ нашихъ“ не относятся къ караимамъ, которые, по его мнѣнію, совершенно неповинны „въ крови сего Праведника“.

Во время этого разговора позволилъ себѣ и я вставить словечко: если такъ, сказалъ я, то, вѣроятно, ваши родичи вели переписку съ здѣшними іудеями, называемыми теперь караимскими, хотя и далеко заброшенными отъ родины?

На это замѣчаніе Фирковичъ отвѣтилъ, что и сомнѣнія въ томъ быть не можетъ, что непремѣнно переписка велась, такъ какъ евреи искони отличались любовью другъ къ другу, помня, что они особенный, Богомъ избранный, народъ.

— А если такъ, возразилъ я, то, можетъ быть, ваши родичи и писали сюда, что среди ихъ возсталъ великій пророкъ, т. е. Иисусъ Христосъ, Котораго мы исповѣдуемъ Господомъ и Искупителемъ рода человѣческаго.

Фирковичъ отвѣтилъ, что онъ надѣется, что подобныя письма рано или поздно отыщутся и тогда (при этомъ онъ взглянулъ на владыку) уже вполне подтвердятся сказанія Евангелій.

— Ну, г. Фирковичъ, возразилъ владыка, мы въ такихъ доказательствахъ не нуждаемся. Подлинность нашихъ евангелій въ всякихъ сомнѣній; а еще болѣе за эту подлинность говорить они сами. Измыслить Евангеліе съ высочайшими истинами, дотолѣ неизвѣстными міру, для простыхъ, не ученыхъ рыбаковъ — дѣло невозможное. Я не отвергаю, что, пожалуй, общаемыя вами письма и найдутся; но болѣе вѣрно, что ихъ напишутъ теперешніе „писатели“. Вы знаете, какъ искусно нынѣшнія „писанія“ поддѣлываются подъ древнія хартии...

При послѣднихъ словахъ Фирковичъ какъ будто пришелъ въ нѣкое смущеніе. Разговоръ продолжался и опять большею частью на ту же тему, т. е. о народностяхъ Крыма. Самыми черными красками, и притомъ поголовно, Фирковичъ обрисовалъ евреевъ, закончивши свою черную картину словами: „они,

евреи, вѣруютъ въ одного бога — въ деньги; за деньги они готовы продать все святое для человѣка; это дѣйствительно народъ отверженный Богомъ; они Россію любятъ только за одни ея деньги“. Впослѣдствіи я убѣдился, что этотъ караимъ былъ далеко не правъ; правда, огромное большинство евреевъ любить деньги, но кто не любитъ ихъ? больше всего и изъ за нихъ готово на самыя грязныя дѣла; но сколько между ними съ истинно благородною душою, отзывчивою на все прекрасное? Какъ это случилось, спросилъ я высокопреосвященнаго Дмитрія, пріѣзжавшаго въ Симферополь на освященіе Духовной семинаріи, что Одесская градская дума дала вамъ такую большую сумму (кажется, 40,000 руб.) на украшеніе собора? — „Евреи, другъ мой, помогли, къ горькому стыду нѣкоторыхъ православныхъ, считающихъ себя даже въ числѣ образованныхъ“.

Отъ евреевъ разговоръ между Иннокентіемъ и г. Фирковичемъ перешелъ къ горскимъ татарамъ. Относительно ихъ оба собесѣдника были одного мнѣнія, именно, что эти татары суть греки, которые нѣкогда были христіанами православнаго вѣроисповѣданія. Названіе нѣкоторыхъ урочищъ или горъ (Ай-петри, Ай-василь, Ай-даниль), почитаніе горскими татарами нѣкоторыхъ источниковъ съ христіанскими именами, слѣды христіанскихъ храмовъ, находимые повсюду въ горахъ Крыма¹⁾ и т. п. — все это доказываетъ, что давнѣе, т. е. подпавшіе подъ мусульманское иго, жители Крыма были христіанами, конечно не безъ исключеній, и то были именно греки.

— Да и греки-ли? прибавилъ Иннокентій; не вѣрнѣе-ли славяне? чистокровныхъ грековъ едва-ли много наберется и въ самой Греціи. Самый обликъ здѣшнихъ горскихъ татаръ скорѣе напоминаетъ славянина, чѣмъ истаго грека.

Прибавимъ здѣсь, что одною изъ завѣтныхъ думъ Иннокентія, была дума обратить крымскихъ горныхъ татаръ въ православную вѣру. Но помогли-ли бы ему въ этомъ святомъ дѣлѣ? Не у всѣхъ такой взглядъ, что православная вѣра въ Россіи, по выраженію Иннокентія, есть звѣно, связующее между собою племена русскаго царства.

¹⁾ Допускаютъ, что во времена св. Климента, т. е. въ I вѣкѣ, въ горахъ Крыма было до 75 церквей.

Г. Фирковичъ вообще отозвался о крымскихъ горныхъ татарахъ съ самой похвальной стороны, отмѣтивъ одинъ недостатокъ—неподвижность, лѣнь и неспособность къ наукамъ, даже отвращеніе къ нимъ. Еще не было примѣра, добавиль Фирковичъ, чтобы изъ татаръ выходили ученые люди, какъ напр. изъ евреевъ, хотя я и не совсѣмъ долюбиваю ихъ.

— Да, г. Фирковичъ, изъ евреевъ дѣйствительно много вышло ученыхъ людей, извѣстныхъ цѣлому міру. Но какъ по вашему: караимы и евреи отъ одной крови, вѣтви одного дерева, а кто даровитѣе и способнѣе къ образованію?

— Я, владыко, человѣкъ справедливый; я скажу вамъ по чистой совѣсти: наша братія—караимы просто баранья головы; мы, кажется, только и способны для торговли; а еврей на всѣ руки: онъ и мастеровой, и музыкантъ, и докторъ, и факторъ, и что хотите. За то мы дружнѣе живемъ, чѣмъ еврей: изъ насъ вы не увидите нищаго или безпомощнаго бѣдняка; мы другъ друга поддерживаемъ. Будемъ учиться, владыко, будемъ посылать дѣтей въ гимназіи, въ университеты; можетъ быть и сравняемся съ евреями. А все таки правду скажу: у насъ баранья головы.

Иннокентій засмѣялся.—Ну, скажите, г. Фирковичъ, какъ вы смотрите на здѣшнихъ грековъ?

— Греки, ваше в-во, вездѣ греки, и здѣсь, и въ Одессѣ, и въ Турціи. Я описывать ихъ не буду, а отвѣчу на вашъ вопросъ простымъ примѣромъ: ѣхала гарба, и одно колесо ея какъ разъ пополамъ разрѣзало ту дрянъ, которая вездѣ по нашимъ дорогамъ валяется: одна половина вышла жидъ, а другая грекъ. Вы извините меня, владыко; я человѣкъ простой: какъ вижу, такъ и говорю.

Иннокентій невольно улыбнулся наивности разсказчика, который также засмѣялся.

— Вы, можетъ быть, владыко, желаете знать, что такое наши армяне, которыхъ, правда, не много въ Крыму; но они давнѣе здѣсь. Вы, конечно, знаете лучше меня, какъ много здѣсь было армянскихъ христіанскихъ церквей, напр. въ Оеодосіи, въ Судакѣ, Старомъ-Крыму и въ другихъ мѣстахъ; знаете также, что оставшіяся доселѣ церкви очень древнія, нѣкоторые считаютъ до 700 лѣтъ. Что сказать вамъ о нашихъ

армянахъ? Положить ихъ въ одну кучу съ евреями и греками, да и съ нашимъ братомъ-караимомъ, никакъ нельзя. Они крѣпко любятъ Россію, какъ настоящіе русскіе; любимъ ее и мы, караимы; армяне вообще народъ степенный и честный; коль армянинъ дастъ слово, такъ ужъ сдержитъ его; за наукой здѣшніе армяне не гоняются; вся душа ихъ въ торговлѣ, и здѣсь они, пожалуй, превзойдутъ и евреевъ, и насъ; они какъ-будто своими длинными носами чувствуютъ, гдѣ выгодное дѣло; раньше всѣхъ пронохастъ его. Нечего сказать, армяне народъ хорошій; но деньгу любятъ крѣпко, не меньше и еврея, и грека. Очень, очень любятъ деньги; за то не скупы на пожертвованія и не только для своей братіи, а и для другихъ. У нихъ таки и сердце доброе, да и честолюбивѣе они всѣхъ насъ. А честолюбіе, я думаю, владыко, не порокъ, если не вредитъ другимъ. Оно, знаете, двигаетъ человѣка. Конечно, въ семьѣ не безъ уroda, какъ говоритъ русская пословица. Есть между армянами такіе, которые за деньги брата роднаго обдерутъ, только по закону, владыко, по закону; а не то что силою или разбоемъ. Не слышно, чтобы между ними, какъ и караимами, были воры и разбойники. А по закону, владыко, ради денегъ, пощады отцу родному не дадутъ. Вотъ какой это народъ! А въ другихъ мѣстахъ онъ еще лучше; изъ него выходятъ большіе люди.

Владыка слегка улыбнулся и сказалъ: ужъ не нападаете-ли вы на нихъ? не было-ли у васъ счетовъ съ армянами? Но что же вы ничего не скажете о здѣшнемъ русскомъ народѣ? Но только говорите сушую правду.

— Я не смѣю, владыко, говорить предъ вами неправду, и скажу по чистой совѣсти, какъ вижу и какъ понимаю. Что здѣшній русскій народъ, т. е. простой народъ? И татаринъ, и нѣмецъ, и караимъ, и еврей, и армянинъ, и даже грекъ, почти всѣ по-своему грамотны; а русскіе люди—народъ безграмотный, и грѣха нечего таить: онъ гнетъ свою спину на насъ, на караима, на жиду, на армянина, на нѣмца. Поднеси ему стаканъ водки, такъ онъ и большой праздникъ свой продастъ, чего не сдѣлаетъ даже еврей и грекъ. А вѣдь по надлежащему онъ долженъ бы здѣсь быть самымъ большимъ человѣкомъ. Вотъ какъ, владыко! я вамъ сушую правду сказалъ.

Иннокентій тяжело вздохнулъ и попросилъ Фирковича показать ему свитки разныхъ хартій, которые принесъ съ собою этотъ ученый мужъ. Иннокентій и здѣсь, сколько могъ я судить, былъ человекъ не несвѣдующій. Нѣкоторыя замѣчанія его ставили ученаго караима въ безотвѣтное положеніе.

II.

Наканунъ Елизаветина дня.—Изящество, какъ отличительная черта Иннокентія.—Припоминаются митрополитъ Филаретъ и архіепископъ Григорій.—Правоченіе.—Общая любовь къ князю М. С. Воронцову.—Удивительное умѣнье владѣть собою.—Панагінъ Иннокентія.—Завтракъ у князя.—Прогулка Иннокентія по саду.—Его знаніе растительности.—Виноградная ягода.—Слово Иннокентія въ день именинъ.—Его взглядъ на свободу совѣсти.

Наканунъ Елизаветина дня за владыкою Иннокентіемъ была прислана княжеская парадная карета съ ливрейными гайдуками. Садясь въ нее, владыка сказалъ о. протоіерею: привези туда же и моего ученаго мужа, т. е. меня. Надо замѣтить, что въ самый день пріѣзда архипастыря Иннокентія въ Ялту, князь и княгиня присылали адъютанта узнать о „драгоценномъ“ здоровьи владыки, поздравить съ пріѣздомъ и пригласить помѣститься въ Алупкѣ. Но Иннокентій, поблагодаривши, сказалъ, что имѣетъ нѣкоторыя дѣла по епархіи и до 4 числа останется въ Ялтѣ. Очевидно, что владыка не желалъ стѣснять другихъ и стѣсняться самому.

Помѣщеніе для владыки было отведено въ небольшомъ домикѣ, въ которомъ, кажется, всего четыре маленькихъ комнатки, изъ которыхъ двѣ онъ занялъ для себя, въ другихъ помѣстился я и не помню кто-то еще другой. Домикъ этотъ вдали отъ великолѣпнаго дворца князя, но вблизи православной церкви, которая скорѣе походитъ на обыкновенный домъ (или, пожалуй, на убогій храмъ Тезея), чѣмъ на православный храмъ, и еслибы не крестъ, то и нельзя-бы было прінять это зданіе за церковь. Внутреннее убранство церкви—самое простое, заурядное.

Признаюсь, видя довольно убогое помѣщеніе, отведенное для такого именитаго архипастыря и любя его такъ горячо, я

какъ-то скорбѣлъ душою; мнѣ какъ-то жаль было моего Иннокентія. Но, правда, другаго мѣста, болѣе уединеннаго и не было.

Послѣ обѣда, доставленнаго отъ князя, мы обошли самую большую половину верхняго сада, любясь разнообразіемъ и роскошью растительности. Между прочимъ, помню владыка подвелъ меня къ одной котловинѣ, забросанной массивными камнями. Какъ ты думаешь, спросилъ онъ, эта ямина похожа на жерло вулкана?—Думаю, что нѣтъ: это просто яма.—И мой взглядъ такой-же: эту яму называли жерломъ вулкана, чтобы потѣшить князя, придать больше значенія почему-то такъ полюбившейся ему Алупкѣ. Другое имѣніе князя—Массандра—несравненно красивѣе и оживленнѣе этого, и я слышалъ будтобы Государь Императоръ Николай Павловичъ, сравнивая эти два имѣнія, сказалъ князю: лучше-бы ты свои милліоны бросилъ въ Массандрѣ.

Наканунъ 5-го сентября владыка Иннокентій сдѣлалъ всѣ пужныя распоряженія относительно служенія въ день ангела княгини. Здѣсь онъ входилъ въ самыя мельчайшія подробности. Зная, что въ церкви будутъ люди образованные, высокопоставленные, воспитанные на изящныхъ вкусахъ, владыка, въ своихъ наставленіяхъ, не позабылъ напомнить, что орлы нужно класть такъ, чтобы и не замѣтно было ¹⁾; что пѣвчіе не должны оборачиваться назадъ, не должны видимымъ и слышимымъ для другихъ образомъ употреблять носовыхъ платковъ; пѣніе должно быть по возможности тихое и скромное; не должно быть никакой суетливости или киваній. Не забылъ архипастырь сдѣлать наставленіе и своему громогласному протодіакону: „помни, здѣсь не соборъ Одесскій, церковь маленькая и притомъ низенькая; служи вполголоса; позволяется тебѣ усилить въ приличной, но должной мѣрѣ одно мѣсто: „о всей палатѣ и воинствѣ ихъ“.—Сдѣлаю здѣсь вставку. Владыка Иннокентій не терпѣлъ громкаго, доходящаго до крику служенія, особливо голосистыми діаконами. Чтеніе св. Евангелія діакономъ, по его наставленію, должно быть ровное, съ яснымъ выговоромъ

¹⁾ Вѣроятно Иннокентію, какъ и многимъ, случалось видѣть, что отъ небрежно-брошеннаго орла подымается клубъ пыли и слышится какое-то шлепанье.

словъ, и безъ неумѣстныхъ растягиваній, изъ-за которыхъ иногда теряется нить читаемаго. Но сильное возвышеніе голоса: „о всей палатѣ“, правилось ему, и, помнится, онъ какъ-то однажды сказалъ: „народъ нашъ любитъ своего царя и любитъ, чтобы сама церковь громко возглашала о немъ, какъ о помазанникѣ Божіемъ“. Пользуясь этимъ дозволеніемъ, бывший при Иннокентіи молодой протодіаконъ (Разсудовъ) иной разъ не жалѣлъ своей широкой груди; но каждый разъ (какъ мы слышали отъ него), войдя въ алтарь, посматривалъ на владыку: не перехватилъ-ли де? Не буду болѣе вдаваться въ подробности приготовленія владыкою клира къ предстоящему служенію, но скажу кратко, что всѣ наставленія клонились къ тому, чтобы, не только все было благообразно и по чину, но и удовлетворяло-бы изящному вкусу. Надо замѣтить, что Иннокентій самъ принадлежалъ къ числу изящныхъ людей. Такимъ его знали въ Кіевѣ, когда онъ былъ ректоромъ; такимъ знали его въ Харьковѣ и наконецъ въ Одессѣ, гдѣ даже иностранцы называли его своего рода джентльменомъ, а русскіе—бариномъ, разумѣя подъ этимъ именемъ умѣнье держать себя съ достоинствомъ архипастыря, ученаго мужа, и притомъ съ самымъ тонкимъ изяществомъ. Говаривали, что у Иннокентія нужно учиться, какъ платокъ вынимать изъ кармана ¹⁾. И надо сказать, въ Иннокентіѣ и тѣни не было какой-нибудь напыщенности; въ немъ, въ его приемахъ, все было естественно и просто; и эта-то естественность, эта-то простота невольно развязывали приближавшихся къ нему; но онъ былъ такъ высокъ, такъ великъ, что при всей кажущейся простотѣ его, внутренній голосъ каждому говорилъ: не забывайся. Увы! у меня этотъ голосъ не такъ былъ силенъ, что читатель и увидитъ ниже. Подобнымъ изяществомъ и высокимъ уваженіемъ къ своему сану обладалъ съ избыткомъ приснопамятный для меня

¹⁾ Не мелочи я отмѣчаю, любезный читатель. Видѣлъ я особу, да и не одну, какъ она, вынувши изъ кармана платокъ, брала его большимъ и указательнымъ пальцами обѣихъ рукъ, расширяла, стряхивала, потомъ употребляла по назначенію. Согласитесь, картинка не възрачная, особливо, если при этомъ представить, что такъ распоряжавшіяся платками были грѣшны въ употребленіи того праха, иже именуется «корень вѣспрь прозябаяя».

и таврической церкви архіепископъ Гурій. Но самымъ замѣчательнымъ въ этомъ отношеніи ставятъ приснопамятнаго владыку митрополита Филарета, о которомъ будто-бы въ Бозѣ почившій Государь Николай Павловичъ выразился такъ: „я не удивляюсь его уму, его учености, но какъ онъ сдѣлался такимъ изящнымъ человѣкомъ джентльменомъ, съ такими тонкими манерами,—этого я не пойму“. Умѣнье держать себя съ достоинствомъ, безъ оскорбленія изящнаго чувства, получается воспитаніемъ; но награждаетъ имъ и сама природа. Мы знали одну личность высокаго ранга, почти всю жизнь прожившую въ столицѣ, но, не въ осужденіе будь ей сказано, она не рѣдко являлась къ посѣтителямъ въ стоптанныхъ туфляхъ, въ засаленномъ дырявомъ балахонѣ и съ пятью или шестью заплетенными косками. Преосвященный Гурій живалъ въ моемъ домѣ по мѣсяцу и болѣе (пріѣзжая купаться) и ни разу не выходилъ изъ занимаемыхъ имъ комнатъ безъ рясы, безъ панталонъ, безъ расчесанныхъ волосъ. Примѣръ поучительный. О, еслибы пастыри церкви слѣдовали такимъ примѣрамъ! Не тайна, что угловатость, неряшливость, неумѣнье прилично и съ достоинствомъ держать себя, отталкиваютъ не малое число пасомыхъ отъ ихъ пастырей. Одинъ изъ почтеннѣйшихъ пастырей Москвы сказывалъ мнѣ, что одна свѣтская барыня въ глаза сказала ему: „какое отвращеніе внушаетъ къ себѣ тотъ батюшка, у котораго ногти въ траурѣ! и хотятъ, чтобы мы цѣловали такія руки! О, мы чтимъ благословляющую руку; но пусть-же подумаютъ, чтобы она не противна была по своей нечистотѣ“!

Къ 5-му сентябрю съѣхалось въ Алушку великое множество гостей; а простого народа здѣсь было, какъ говорится, и не перечестъ. Всѣ спѣшили поздравить князя и княгиню съ пріѣздомъ въ любимый ими край, и съ ихъ семейнымъ праздникомъ. Были гости изъ обѣихъ столицъ, и въ числѣ ихъ министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Перовскій; но, конечно, большинство гостей было изъ Одессы, у которой искренняя любовь и глубокое уваженіе къ князю, какъ къ государственному мужу, такъ много притомъ сдѣлавшему для юга Россіи и частно для Одессы, въ извѣстномъ смыслѣ слова, были безграничны. Не знаемъ, много-ли было и были-ли такіе правители какого-ни-

будь края, которые до такого обаянія могли привязать къ себѣ правимыхъ ими, какимъ былъ свѣтлѣйшій князь М. С. Воронцовъ. Но чѣмъ онъ могъ приобрести эту привязанность? Не для каждаго были извѣстны заслуги князя, его государственныи умъ, его высокая благонамѣренность; но для всякаго понятны были его доброта, его необыкновенная кротость, его вниманіе и ласки; на послѣдняго жидка онъ смотрѣлъ какъ на человѣка; и потому князя любили и почитали за его чело-вѣчность. Вскорѣ послѣ смерти князя вышла въ свѣтъ его біографія; но, помнитса, въ Одессѣ не были довольны ею, и именно потому, что не видѣли души князя. Со временемъ напишутъ и другую біографію; но жаль, что за эти біографіи мы принимаемъ тогда, когда умираютъ живые свидѣтели и исчезаютъ преданія, которыя могли-бы пролить обильный свѣтъ на данную историческую личность, именно съ чело-вѣческой ея стороны, т. е. самой высокой изъ сторонъ чело-вѣка. Послѣ смерти князя, я имѣлъ случай сблизиться даже до дружескихъ отношеній съ докторомъ Э. С. Андріевскимъ, такъ долго жившимъ при свѣтлѣйшемъ князѣ и въ качествѣ доктора, и въ качествѣ члена княжеской семьи. Вотъ это-то лицо, такъ изучившее князя, и познакомило меня съ его высокою и благороднѣйшею душею. Однажды, слушая рассказы доктора о князѣ, относившіеся до его доброты, я спросилъ: видѣлъ-ли онъ князя когда-нибудь осердившимся, вышедшимъ изъ своей обычной сдержанности, изъ умѣнья управлять собою? На этотъ вопросъ Э. С. далъ мнѣ невольно удивившій меня отвѣтъ: во всю долговременную мою службу, во время которой я считался какъ-бы членомъ княжеской семьи, слѣдовательно могъ видѣть многое, чего другіе не могли видѣть, — я только два раза видѣлъ князя осердившимся, что, однако, можно было замѣтить почти только по дрожанію его губъ. Въ первый разъ, когда князь былъ еще новороссійскимъ генераль-губернаторомъ, князю донесли, что одинъ станціонный смотритель истратилъ 25 рублей казенныхъ денегъ. Въ одну изъ своихъ обычныхъ поѣздокъ по новороссійскому краю, князь, между прочимъ, остановился на станціи, гдѣ былъ смотрителемъ истратившій злосчастные 25 рублей. Князь позвалъ его, а тотъ вдругъ упалъ на колѣни и съ горькими слезами возопилъ: „виноватъ! семья

большая, а ѣсть нечего“.—Встаньте, пѣрвисто сказала князь, встаньте с... с... сударь! Не думаю, чтобы князь, вытягивая букву с, хотѣлъ сказать другое слово, начинающееся съ этой буквы; а, можетъ быть, и хотѣлъ, потому что, по его мнѣнію, ничто такъ не унижаетъ чело-вѣка, какъ земные поклоны предъ подобнымъ ему. Онъ не могъ выносить ихъ. Губы князя дрожали; но помолчавши съ минуту, князь съ обычною ему мягкостію сказала, вынувши изъ кармана кошелекъ: вотъ этими деньгами уплатите свой долгъ предъ казною, а это... дѣтямъ. Въ другой разъ князь разсердился на одного городского лекаря. Проѣздомъ изъ С.-Петербурга на Кавказъ мы перемѣняли лошадей въ одномъ заштатномъ городѣ Владимірской губерніи. Явившійся смотритель былъ весь въ слезахъ и въ какомъ-то отчаяніи. Что съ вами? спросилъ князь.—Жена, ваше сіятельство, третій день мучится родами, и никакъ не можетъ разрѣшиться.—А врачъ есть?—Есть, да не допросимся.—Пошлите отъ моего имени... Послали, но врачъ не пошелъ.—Пошлите и скажите, что ему приказываетъ генераль-адъютантъ Его Императорскаго Величества. Врачъ послѣ такой грозы явился немедленно.—Вы, сударь, забываете свои святые обязанности. Вотъ вамъ деньги за визитъ и займитесь своимъ дѣломъ. Я могу узнать исполнили-ли вы свой прямой долгъ. И при этомъ случаѣ я замѣтилъ, какъ тряслись у князя губы, т. е. онъ сердился.

А вѣдь, то были времена, когда высокопоставленныя особы иначе расправлялись съ подобными двумъ приведеннымъ личностямъ! Но князь М. С. Воронцовъ выше всего ставилъ и въ себѣ и въ другихъ чело-вѣческое достоинство.

Вотъ и 5 сентября. Уже раздался жиденскій голосокъ колокольчика, привѣшеннаго близъ православнаго храма въ величавой Алушкѣ. Иннокентій отправился въ великокняжеской каретѣ, хотя отъ занимаемаго имъ домика до церкви всего нѣсколько шаговъ. Таково было вниманіе княжеской четы къ архипастырю.

Я всегда любилъ видѣть Иннокентія, когда онъ входилъ въ Одесскій соборъ для служенія или правильнѣе—когда, вошедши въ него, шелъ до царскихъ вратъ колоннадою. Не знаю, отъ искренней-ли любви и уваженія къ нему, доходив-

шаго до благоговѣнія, но мнѣ казалось, что я вижу шествіе необыкновеннаго земнаго существа, что отъ этого шествія вѣетъ какимъ-то необъяснимымъ дыханіемъ. Въ лицѣ владыки какъ-будто отражалось, что онъ идетъ совершать безкровную жертву, что онъ проникнуть міровою тайною искупленія рода человѣческаго. Сколько смиренія и сосредоточенности въ его умныхъ, проникнутыхъ чистотою глазахъ, которые, не обращаясь въ стороны, какъ будто видятъ всѣхъ и все. Конечно, такимъ вошелъ святитель и въ церковь Алупки. По нѣкоторымъ обстоятельствамъ я пришелъ уже къ концу часовъ и долженъ былъ остановиться при дверяхъ храма; но могъ-бы быть и въ срединѣ его, потому что, не смотря на тѣсноту, доступъ въ храмъ для всѣхъ былъ открытъ. Конечно, таково было желаніе князя. Примѣръ поучительный для тѣхъ, которые приставляютъ къ дому общей молитвы стражу, не рѣдко слишкомъ сурово исполняющую возложенную на нее обязанность.

Служба шла своимъ чередомъ и порядкомъ; даже протодіаконъ придержалъ свою широкую грудь при „о всей палатѣ и воинствѣ ихъ“. Но, думается, всѣ ожидали одного: что скажетъ знаменитый витія? И настала эта желанная минута: выходитъ витія, беретъ (какъ-бы не замѣтно) въ руки изящно отдѣланный посохъ и становится на амвонъ... Но какъ выходить? То воистину дождь на руно. Будто стопы его не касались роскошнаго бархатнаго ковра ¹⁾. Лицо убѣленнаго довольно видною сѣдиною іерарха дышетъ какимъ-то свѣтомъ; въ кроткихъ глазахъ умъ и пастырское смиреніе; они слегка встрѣчаются съ глазами слушателей, на мгновеніе возводятся горѣ, потомъ какъ-будто устремляются въ какую-то даль, и изъ устъ витіи выходитъ первое слово — слово вѣры христианина, — произнесенное съ какимъ-то тихимъ благоговѣніемъ: во имя Отца, и Сына, и св. Духа. — Молчаніе; и глаза витіи какъ-будто обращаются къ слушателямъ съ вопросомъ: слышали ли вы, во имя чье я намѣренъ говорить съ вами?

Вотъ обычный приемъ нашего именитаго витіи, по крайней

¹⁾ Въ этомъ великомъ іерархѣ все поучительно. Служащіе съ нимъ не осмѣливались-бы ходить по алтарю въ сапогахъ со скрипомъ, или, повинаясь модѣ, надѣть сапоги, превращающіе стопу человѣческую въ копыто козла т. е. съ длиннѣйшими пятками.

мѣрѣ употреблявшійся имъ во время служенія его Херсонотаврической церкви. И эти приемы постоянно отличались полною естественностію и простотою. Иннокентій не употреблялъ никакихъ жестовъ, кромѣ самаго слабаго, едва замѣтнаго поднятія правой руки: онъ не рисовался на церковной кафедрѣ; но у него глаза говорили столько-же, сколько и уста; они дышали силою убѣжденія въ правотѣ слова. Даже во время произнесенія такихъ проповѣдей, при которыхъ позволительно проповѣднику выйти изъ обычнаго положенія пастырской простоты, Иннокентій былъ простъ и естествененъ. Я помню его надгробное слово надъ свѣт. кн. М. С. Воронцовымъ. Съ какою естественностію, безъ малѣйшаго жеста, были сказаны имъ слова: „Но что слышится мнѣ?... Изъ гроба исходитъ какъ бы нѣкій тайный гласъ и вѣщаетъ ко мнѣ“ — слова, которыя невольно заставили обратить взоръ на гробъ князя! Предъ произнесеніемъ этихъ словъ, которыми заканчивалось надгробное слово, Иннокентій остановился, ни на кого не смотрѣлъ, но какъ будто къ чему-то прислушивался, и потомъ довольно тихо, какъ бы подъ вліяніемъ сомнѣнія, дѣлаетъ мягкій вопросъ: „Но что слышится мнѣ?“ Но и слѣдующія за этимъ вопросомъ слова: „Изъ гроба исходитъ какъ бы нѣкій тайный гласъ“... имѣли также отгѣнокъ вопросительной рѣчи, что въ свою очередь, усиливало впечатлѣніе. Вотъ верхъ ораторскаго искусства! но вся сила его въ простотѣ и естественности, которыми владѣлъ нашъ именитый витія. Другая отличительная черта его ораторскаго дара та, что онъ не торопился, такъ сказать, не забрасывалъ слушателей словами; онъ давалъ время вдумываться въ то, что онъ говоритъ. Бывало, и притомъ не рѣдко, когда онъ, проговоривши минуту, или двѣ, вдругъ остановится и смотритъ на своихъ слушателей какъ бы вопрошающими глазами: вы поняли, что я сказалъ? Нѣкоторые, видя подобныя остановки, говорили, что ораторскій даръ Иннокентія видимо слабѣетъ; а нѣкоторые даже позволяли себѣ выражаться, что именитый витія сталъ выдыхаться. Нѣтъ, Иннокентій хотѣлъ учить и научить; не ему, при богатствѣ духовныхъ дарованій и дивномъ дарѣ слова, говоря по просту, лавить за словомъ въ карманъ. Не споримъ, что лѣта брали свое; но вѣримъ и въ то, что съ этими лѣтами Инно-

кентій еще болѣе проникался обязанностію пастыря церкви учить пасомыхъ; забрасывая учащихъ словами, бросая имъ отборныя, искусственно построенныя фразы—значить ли на самомъ дѣлѣ учить? Вотъ почему всѣ послѣднія слова Иннокентія дышатъ простотою; въ нихъ нѣтъ прежняго блеска, но больше пастырской теплоты и желанія наставить. Не мнѣ дѣлать оцѣнку витійства знаменитаго витія; но эти витія для кого витійствуютъ? Для насъ слушающихъ ихъ. А слѣдовательно и ближайшіе судьи — мы. Если проповѣдь убѣждаетъ нашъ умъ, ложится на наше сердце, то это значить, проповѣдникъ достоинъ своего высокаго призванія: онъ достигаетъ своей цѣли.

Но возвратимся къ Иннокентію, стоящему на амвонѣ предъ своими именитыми слушателями.

Послѣ догматическихъ словъ вѣры и нѣкотораго молчанія, изъ устъ именитаго витія слышатся другія слова божественной правды, сказанныя со всею кротостию служителя алтаря Господня, но и съ полнымъ достоинствомъ учителя церкви. Да, мнѣ казалось, что я читалъ даже въ глазахъ Иннокентія: вы, именитые люди, удивитесь словамъ моимъ, но не забывайте, что я облеченъ силою свыше говорить слова небесной правды. „Нѣсть иного имени подѣ небесемъ, о немъ же подобаетъ спасстися“. Такъ началъ свое слово именитый витія предъ громкими титулами, предъ звѣздами и орденами, предъ людьми съ именами, имѣвшими право на страницы исторіи. Всю суть этого слова можно выразить въ слѣдующихъ короткихъ словахъ: всѣ наши земныя громкія имена, всѣ титулы, всѣ знаки отличія и величія ничто предъ именемъ христіанина: только съ этимъ однимъ именемъ мы перейдемъ въ вѣчность; только оно одно цѣнится на небесахъ. Все произношеніе этой проповѣди отличалось необыкновенною мягкостию, но и носило печать особенной твердости, права, власти.

Какъ извѣстно, ту же мысль именитый витія высказалъ и въ концѣ надгробнаго слова надъ свѣтл. кн. М. С. Воронцовымъ. „Сподвижники, сказалъ витія къ окружавшимъ гробъ князя, — сподвижники отходящаго съ браннаго поля земной жизни героя—христіанина, взгляните еще разъ на это разнообразіе и отечественныхъ и чужеземныхъ отличій, окружающихъ въ такомъ множествѣ гробъ сей, и уразумѣйте изъ сего.

что вся слава земная остается на землѣ, а въ вѣчность идутъ за челоукомъ одни дѣла его, по коимъ онъ или осудится или будетъ помилованъ Судіею живыхъ и мертвыхъ“.

Не думаю, чтобы слово, произнесенное въ имянины именитой имяниницы, понравилось титулованнымъ слушателямъ; но что касается моего убожества, то я чувствовалъ, какъ горѣли у меня уши; мнѣ чудилось даже, какъ будто на меня смотрѣли съ вопросительными словами: „и ты отъ нихъ еси?“ О, Боже мой! Зачѣмъ онъ взялъ этотъ текстъ! говорило мнѣ мое такъ любившее Иннокентія сердце. Какъ мнѣ больно за него! Но уразумѣлъ я значеніе сказанной проповѣди „по сихъ“, какъ уразумѣете и вы, мой благосклонный читатель, нѣсколько ниже.

Служба кончилась. Знаменитости не выходили изъ храма до окончательнаго разоблаченія Иннокентія. Они окружили его; цѣловали его благословляющую руку, и много похвальныхъ словъ высказали его слову — искренно ли? про то знала ихъ душа. Мнѣ не разъ случалось видѣть Иннокентія въ средѣ утонченнаго общества какъ мужскаго пола, такъ и женскаго. Свѣтскіе наши люди высшаго круга умѣютъ говорить и умно, и съ остротами и гдѣ нужно съ полною нѣжностию сердца. Но мнѣ, да чуть ли и не всѣмъ, каждый разъ представлялось, что чарующимъ центромъ всегда былъ Иннокентій. Въ его кроткомъ и умномъ взорѣ, въ яркихъ искрахъ его ума, въ его мягкомъ, а вмѣстѣ и блестящемъ словѣ, дѣйствительно было что-то чарующее, обаятельное.

Владыка воротился въ свой домикъ, нѣсколько минутъ отдохнулъ, переодѣлся и призываетъ меня. „Иди со мной, я представлю тебя князю; насъ пригласятъ завтракать; но ты садись тамъ, гдѣ бы я могъ тебя видѣть, по возможности поближе ко мнѣ“. О, неисчерпаемая доброта! Владыка зналъ, что я еще не видѣлъ большаго свѣта, особливо такого блестящаго; думалъ, сумѣю-ли я держать себя прилично, не проговорюсь-ли я, — чтобы во-время покрыть мой промахъ своею мудростию.

Князь и княгиня, въ сопровожденіи многочисленной свиты, встрѣтили владыку въ одной изъ первыхъ пріемныхъ комнатъ съ неподражаемою, имъ только свойственною любезностию. Послѣ обмѣна нѣсколькими словами съ той и другой сторонѣ, Иннокентій обратился къ князю, указывая на меня:

— Я позволяю себѣ представить вашему сіятельству молодого ученаго агронома, недавно прибывшаго къ намъ. У него есть желаніе трудиться на пользу края.

Князь взялъ меня за руку и сказалъ:

— Очень радъ, очень радъ; вы сблизитесь съ Обществомъ Сельскаго Хозяйства, котораго я считаюсь президентомъ; оно хоть потихоньку, но дѣлаетъ свое дѣло. Надѣюсь, что вы будете полезны намъ.

Наградила меня своею чудно-привѣтливою улыбкой и княгиня, сказавъ:

— Нашъ Югъ богатъ природою, но бѣденъ людьми.

Припоминается мнѣ, что архипастырь явился къ столу князя безъ орденовъ. Вѣроятно, таково было желаніе князя. За то на Иннокентіи была одна изъ изящнѣйшихъ панегій, которыхъ у него было такъ много. Видимо онъ любилъ эти символы высшей іерархической степени. Говорятъ, что одна панегія была у него съ часами внутри. И куда дѣвались эти принадлежности историческаго мужа? Хранится-ли хоть одна панегія въ Одесскомъ кафедральномъ соборѣ? Кажется, нѣтъ. Бриллианты пошли на серьги, на браслеты... Горько! Братъ покойнаго архипастыря, также уже перешедшій въ вѣчность, какъ-то странно распорядился историческимъ наслѣдствомъ. Почему, напримѣръ, онъ передалъ право на изданіе сочиненій Иннокентія лицу, у котораго не было или почти не было ничего общаго со знаменитымъ іерархомъ? Почему бы, напримѣръ, не передать этого права хоть тому бѣдному ученицу дѣвицъ духовнаго званія, которое въ то время почти не имѣло средствъ къ своему существованію и такъ часто поддерживалось щедротами владыки и изыскиваемыми имъ средствами, о которыхъ придется сказать нѣсколько словъ? Да, надо сознаться, не умѣемъ дорожить памятью лучшихъ сыновъ родной земли. Давно-ли мы стали любить и изучать свою исторію, свою священную старину? Да и какъ общество, даже считающее себя образованнымъ, относится къ историческимъ трудамъ нашихъ ученыхъ или любителей родныхъ древностей!..¹⁾

¹⁾ Я несказанно радъ, что имѣю небольшой, писанный масляными красками, поразительно вѣрный портретъ Иннокентія, когда онъ былъ еще ректоромъ Кіевской духовной академіи. (Не копію, замѣчу). Подарилъ мнѣ его

Въ огромной столовой и въ другихъ комнатахъ дворца князя было множество гостей. При князѣ каждый порядочный человекъ, пріѣхавшій въ Алушку, имѣлъ право садиться за его столъ; а послѣ его смерти, держался упорный слухъ, будто бы знаменитую и гостепріимную Алушку охраняла стража. O mores!

Сколько мнѣ помнится, князь не садился за столъ; онъ ходилъ и просилъ покушать его хлѣба-соли и выпить его вина. Создавъ винодѣліе въ Крыму, князь гордился своимъ виномъ и смѣялся надъ предубѣжденіемъ русскихъ противъ собственныхъ своихъ (конечно, лучшихъ) винъ. Иногда онъ воочію доказывалъ своимъ гостямъ, какъ неосновательно ихъ пристрастіе къ иностраннымъ винамъ. Подаютъ за столомъ шампанское — настоящее клико; князь смотритъ что пьютъ это вино не хотя, какъ-бы только въ угоду князя. „Не любите вы моего шампанскаго, моего Айданиля; дайте имъ Клико“, и подають Айданиль. Пьютъ и говорятъ: „прекрасно вино и ваше, графъ (или князь); но все-таки съ клико сравнить его нельзя: это настоящее шампанское“. — Князь въ душѣ смѣялся надъ этою простотою. Подобныя продѣлки, конечно, не могли утаиться отъ гостей князя, которые обыкновенно терялись, когда подавали имъ шампанское. До сихъ поръ еще мы не освободились отъ пристрастія къ иностраннымъ винамъ, и если бы только къ нимъ однимъ! Иные изъ насъ, даже чистокровныхъ русскихъ людей, чуть ли не готовы и самое православіе промѣнять на лютеранство, пожалуй даже на буддизмъ, а еще скорѣе на полное безвѣріе, при которомъ жить, конечно, еще легче чѣмъ при лютеранизмѣ или буддизмѣ, потому что безвѣріе не опекаетъ человекъ.

Завтракъ кончился, и мы возвратились во свояси. Инно-

достоимый отецъ архимандритъ Діонисій, который пользовался особенною любовію владыки Иннокентія, проживъ съ нимъ отъ послѣднихъ лѣтъ ректорства въ Кіевѣ до кончины святителя. Это, можно сказать, живая книга объ имени томъ нашемъ архипастырь, и увы! по всей вѣроятности, книга эта скоро закроется на вѣки, безъ прочтенія другими. Вотъ кому слѣдовало бы писать объ Иннокентіи; а разумомъ и любовію къ почившему архипастырю отецъ Діонисій надѣленъ очень щедро. Въ свое время я передамъ этотъ портретъ въ какой-нибудь государственный музей.

кентій, по обычаю, прилежь немного соснуть; всталъ, надѣлъ свою съ широкими полями соломенную шляпу, взялъ въ руку трость, позвалъ меня и сказалъ: „иди со мной; я тебѣ покажу другую половину княжескаго сада“. Я несказанно обрадовался этому приглашенію.

Владыка Иннокентій чуть-ли не до страсти любилъ древесную зелень, въ чемъ нельзя было не убѣдиться, смотря на труды, которые онъ, при множествѣ своихъ занятій, посвящалъ своей дачѣ. Онъ принялъ лоскутъ земли, верстахъ въ трехъ-четырехъ отъ Одессы, безъ куста зелени, но такъ засадилъ его деревьями и кустарниками, что и самъ приходилъ въ восторгъ отъ нихъ и другіе. „Природа“, однажды сказалъ онъ мнѣ, „такъ чиста, такъ прекрасна, что полюбивши ее изъ однихъ чистыхъ побужденій, мы можемъ и сами сдѣлаться и чистыми, и прекрасными. Это самая поучительная книга и въ нравственномъ отношеніи“. Въ доказательство, что этотъ мужъ высшаго вѣдѣнія любилъ растительность, любилъ любоваться ею съ известной точки зрѣнія, между прочимъ, можно привести слѣдующее: не рѣдко онъ среди лѣта, или весною въ пору цвѣтенія, пересаживалъ кустарники и маленькія деревца съ одного мѣста на другое, чтобы придать болѣе картинности или живописности данной куртінѣ растеній. Разъ я замѣтилъ ему, что пересадка въ такую пору не одобряется ни теоріею, ни практикою. На это владыка отвѣтилъ: „такъ по ученому, а не по нашему“. Но это „наше“, дѣйствительно было сильно: по пересадкѣ лили воды, не жалѣя ея. И Иннокентій торжествовалъ, былъ веселъ, какъ дитя, видя свое могущество надъ природою, надъ правилами ученыхъ лѣсничихъ или садовниковъ.

Идемъ мы по саду чудной Алупки. Владыка подводитъ меня къ кущѣ кипарисовъ.

— Смотри, какъ они своею темною и густою зеленью рисуются въ свѣтломъ воздухѣ. Смотри, какъ тѣснятся другъ къ другу; какая дружба между ними! они какъ-будто пьютъ другъ изъ друга дыханіе жизни. И какъ они стройны! прямо просятся на небо. Ихъ можно-бы назвать свѣчами, которыя ставятъ растительное царство Всеблагому Творцу своему. Однако наши могучія сосны, ели, пихты, кедры, едва-ли не выше

стоять этихъ кипарисовъ. Бывалъ ли ты въ сосновомъ бору? Слышалъ ли при сильномъ вѣтрѣ, что за бурное дыханіе носится въ вершинахъ сосенъ? Буревой! какое выразительное слово! Его могъ создать только могучій русскій языкъ. А прислушивался ли ты къ тому пѣнію, которое проносится чрезъ хвою при тихомъ токѣ вѣтра? — Вѣроятно, владыка мысленно перенесся во времена своего управленія Вологодскою епархіею, въ Вологодскій край. — Жаль, мой другъ, что въ срединныхъ широтахъ Россіи хвойный лѣсъ скоро перейдетъ въ область преданій, благодаря нашему глупому уму—разуму. Мы изводимъ его на постройки, а постройки возводимъ, чтобы пожирали ихъ наши неукротимые пожары. На югѣ Россіи почти все постройки или изъ глины, или изъ камня, — и теплы и сухи; но коренная Русь не можетъ додуматься до такихъ простыхъ вещей, и губить свои лѣса на зло себѣ и потомству.

Идемъ далѣе.

— Вотъ это дерево, которое, вѣроятно, ты видѣлъ только на картинкахъ—смоковница. Смотри какая сочная и широкая листва, а сколько смоквъ и вызрѣвающихъ и созрѣвшихъ. Возьми урокъ у этого дерева и не походи на евангельскую смоковницу. Вотъ масличное дерево. У князя добывали и деревянное масло. Но конечно маслина не можетъ составить здѣсь предмета промышленности. Намъ на этотъ разъ трудно соперничать съ деревяннымъ масломъ другихъ краевъ, да, пожалуй, и съ собственнымъ подсолнечнымъ, которое, какъ слышно, скупаютъ у насъ и потомъ везутъ къ намъ подъ видомъ прованскаго. Вѣдь мы падки на все, что везется къ намъ изъ чужихъ краевъ, забывая свое родное или не желая заняться своимъ роднымъ. Славянская лѣнь обуяла насъ, да и вверху какъ будто не хотятъ поддерживать ничего русскаго. Вотъ этому деревцу я знаю даже латинское названіе: *Broussonetia parryifera*. Будто бы изъ него древніе дѣлали свои папирусы; въ Китаѣ дѣйствительно кору его употребляютъ на дѣланіе бумаги. И я посадилъ у себя это замѣчательное деревцо, взявши отростокъ изъ Одесскаго ботаническаго сада, гдѣ оно растетъ густымъ кустарникомъ, но не деревцомъ; однако не вымерзаетъ. Посмотри на это роскошное деревцо, называемое павленіей: ни одно изъ нашихъ деревьевъ не имѣетъ такихъ большихъ листь-

евъ, и взглядишь: они какъ будто изъ бархата. Родомъ оно изъ Японіи, а потому только на Южномъ Берегу его не прикрываютъ на зиму, хотя русскіе морозцы пощипываютъ его и здѣсь. То, что ты видишь подале, называется іудинымъ деревомъ. Оно хорошо растетъ и въ окрестностяхъ Одессы; есть и на моей дачѣ. Весною убирается въ самые роскошные цвѣты. Но почему оно даже въ Германіи и Франціи называется іудинымъ — того не знаю. Растетъ оно и въ Палестинѣ; но я не думаю, чтобы Господь дозволилъ на такомъ прекрасномъ деревцѣ удаться Іудѣ предателю. — Владыка улыбнулся. — Да притомъ выдержало ли бы оно его? По всей вѣроятности, Іуда Искаріотскій былъ здоровенный мужчина. А какъ ты думаешь: рыжій онъ былъ, или русый, или черный? По большей части его пишутъ рыжимъ. *Si rufus bonus—optimus, si malus—pessimus*. Не на основаніи ли этой поговорки? Странно, какъ сложилось такое понятіе о рыжихъ; но едва ли безъ основанія. Мнѣ кажется, что въ этой поговоркѣ есть правда; я провѣрялъ ее, но, можетъ быть, съ предубѣжденіемъ. Одно могу сказать, что въ числѣ рыжихъ, равно какъ и въ рябыхъ, мнѣ не приводилось видѣть что называется тупиць, которыми богаты и бѣлоголовые и черноголовые.

Иннокентій снова слегка улыбнулся и продолжалъ знакомить меня съ древесными породами нашей русской Италіи. Но многое изъ указаннаго и сказаннаго почти въ тридцати-пятилѣтній періодъ времени испарилось изъ головы моей. Да и едва ли дальнѣйшій перечень видѣнныхъ породъ, хотя и сопровождаемый мѣткими замѣчаніями Иннокентія, не былъ бы излишнимъ въ моихъ воспоминаніяхъ: я только хотѣлъ показать какъ разносторонни были свѣдѣнія этого архипастыря и какъ велика была его любознательность.

День былъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ, какими такъ богаты сентябрь и октябрь южнаго берега Крыма. Владыка былъ неутомимъ, несмотря на то что такъ-называемая старческая полнота отразилась и на немъ; онъ быстро всходилъ на пригорки; легко спускался по крутизнамъ; бодро шагаль съ камня на камень; былъ живъ, веселъ. Видимо душа его подъ вліяніемъ роскошной природы, прозрачной сплывы неба, подъ

дыханіемъ несущагося съ моря влажнаго вѣтерка, — блаженствовала.

— Ты, можетъ быть, усталъ; пойдемъ и сядемъ въ тѣни.

Мы вошли въ длинную аллею, которой стѣны и покрыва были какъ бы сотканы изъ виноградины.

— Чувствуешь-ли, какимъ сочнымъ, нѣжнымъ дыханіемъ вѣетъ здѣсь? Выражаясь памятными тебѣ уроками Бургія, пожалуй, ты скажешь, что въ этой аллеѣ бархатный воздухъ. И смотри, что за дивную ткань представляютъ эти разнообразно раскинувшіяся рождія со своими листьями, то тонущими въ лучахъ свѣта, то притѣняющими другъ друга до самыхъ разнообразныхъ тоновъ. И какъ играетъ ими это тихое дыханіе вѣтерка, дѣлая все новые и новые переливы свѣта и тѣней! А по эту сторону, видишь кристаллы изумруда или сапфира, вставленные между зеленою листвою: то море посылаетъ сюда свой отсвѣтъ. Взгляни на верхъ: какіе надъ нашими головами висятъ крупные, сочные грозды. Налились они самыми благородными соками, а изъ какихъ простыхъ веществъ земли и воздуха выработались эти соки? Воистину, дивны дѣла Твоя, Господи! воистину вся премудростію сотворилъ Ты! Возьми любую изъ этихъ ягодъ — и сколько отыщешь поучительнаго въ ней.

Владыка сорвалъ одну изъ ягодъ и продолжалъ: безъ этой тонкой оболочки жизнь не развилась бы въ ягодѣ; но ягода такъ полна жизни, что какъ бы хотеть разорвать эту оболочку. Посмотримъ на себя. Брэнная наша оболочка помогаетъ развитію нашего духа, но духъ связывается ею; онъ хотеть сбросить ее. Припомни слова апостола Павла. Если бы и мы достигли духовной высоты великаго учителя языковъ, то сказали бы тоже; но человечество боится смерти, боится по безотчетной привязанности къ землѣ, по неизвѣстности, что ожидаетъ за гробомъ: блаженная жизнь, или жизнь мученій. Когда мы оставимъ землю, то невольно скажемъ: какъ были мы жалки, а, пожалуй, и смѣшны, что привязывались къ какой-то крупинкѣ, забывая о другихъ мірахъ. Представь, нашъ духъ безпрепятственно носится въ безконечныхъ пространствахъ, среди міриадъ міровъ, предъ которыми наша земля менѣ чѣмъ песчинка; представь, что онъ видитъ такіа разнообразныя живыя и

не имѣющія дыханія жизни созданія, которыхъ теперь и вообразить не можетъ, и надъ всѣмъ этимъ сонмомъ міровъ и созданій носится Духъ, котораго мы познаемъ только вѣрою, въ зеркалѣ гаданія, а тогда увидимъ лицомъ къ лицу. Вотъ какія мысли родила эта ягода. Небесную истину сказала Спаситель: „отъ смоковницы же научитесь притчи“. А ты что молчишь?

— Я слушаю и не слушаюсь васъ, владыко.

— А слышалъ, что я говорилъ въ церкви?

Смѣю думать, что Иннокентій не даромъ предложилъ мнѣ этотъ вопросъ: не тревожила-ли его мысль, что онъ высказалъ слишкомъ горькую правду прямо въ глаза именитымъ людямъ? Не хотѣлъ-ли онъ узнать, какое впечатлѣніе его проповѣдь произвела на меня?

— Что же ты не отвѣчаешь на мой вопросъ?

— Лгать предъ вами я не смѣю, а говорить боюсь.

— Говори, да только складно, а не то... ¹⁾

— А Иванушка-бъ ²⁾ заплакалъ.

— Ну не до слезъ бы тебѣ было, сказалъ владыка, и съ большею живостію засмѣялся. — Нѣчто припомнилось мнѣ. Римское духовенство запятнало себя предъ лицомъ исторіи человечества своими инквизиціями, своими варварскими способами обращенія ко Христу язычниковъ. Нѣтъ такого позорнаго пятна на духовной іерархіи восточной церкви, и только наши слѣпотствующіе раскольники говорятъ, что православные русскіе патріархи сажали русскихъ людей на колъ, жгли, рубили головы. А потому самый вѣрный конецъ нашему расколу положить только знаніе отечественной исторіи. Но до этого далеко. Надо, чтобы въ среду раскольниковъ проникло высшее образованіе, а они его чуждаются. А до того что нужно дѣлать? Намъ, пастырямъ, неослабно раскрывать глаза слѣпотствующимъ и давно бы пора образовать особый полкъ ратниковъ противъ раскола. Но мы бессильны, если намъ не будутъ помогать гражданскія власти. Не о тюрьмахъ мы просимъ ихъ, не о ссылкахъ, а объ ослабленіи того равнодушія, съ кото-

¹⁾ Очевидно владыко здѣсь говорилъ стихомъ Ершова изъ *Копка-Горбушка* и не досказалъ: «посажу я тебя на колъ».

²⁾ Меня зовутъ Иваномъ.

рымъ они относятся къ единенію вѣры въ союзѣ братской любви. Свобода совѣсти! Знаешь-ли гдѣ возвѣстили эту свободу? На гильотинѣ, тамъ гдѣ была попрана всякая свобода. Можетъ-ли правительство допустить свободу вѣроисповѣданія? Допустивши не накладываетъ-ли оно рукъ на самого себя, на цѣлость государства? Разверни страницы исторіи всѣхъ временъ и народовъ—что ты прочтешь? Религія всегда и вездѣ была связующимъ звеномъ людей, образовавшихъ общества и государства. Что же? нужно разорвать это звено? Для чего? для того, чтобы распался союзъ? Такой замыселъ можетъ быть только у князя бѣсовскаго, всюду сѣющего сѣмена вражды и нестроенія. Свобода совѣсти! какое злоупотребленіе слова! Совѣсть есть нравственный законъ, вложенный въ наше сердце. Совѣсть не касается истинъ ума и вѣры. Мы имѣемъ Символь Вѣры, составленный на буквѣ и духѣ писаній Новаго Завѣта, исповѣданія апостоловъ, отцовъ церкви и вселенскихъ соборовъ. Истины въ немъ стало быть непререкаемыя. И что же? и онъ можетъ быть предметомъ свободы совѣсти? Причемъ тутъ совѣсть-то? какъ она сюда можетъ попасть? Отъ Символа Вѣры иди дальше, ко всѣмъ установленіямъ церкви, и ты долженъ придти къ тому же заключенію, то-есть, что измѣнять ихъ не приходится и что здѣсь совсѣмъ нѣтъ дѣла для совѣсти. Но что же ты хотѣлъ сказать мнѣ? Говори смѣло. Я люблю откровенность.

— Когда вы, владыко, говорили свое слово, я чувствовалъ, что у меня горѣли уши; я готовъ былъ бѣжать изъ церкви. Я люблю васъ всей душой, всѣмъ сердцемъ...

— Да въ чемъ же дѣло?

— Вы сказали правду прямо въ лицо, а вѣдь правда колеть глаза.

— Ты хочешь знать, почему я сказалъ такое слово, — „возстанемъ и идемъ отсюда“.

Мы пошли, владыка всю дорогу молчалъ. Береговой обрывъ остановилъ нашъ путь. Отыскана открытая полянка; владыка какъ бы возлегъ; я сѣлъ у ногъ его.

III.

М. П. Погодинъ справедливо называетъ Иннокентія великимъ гражданиномъ русской земли. — Мнѣніе Иннокентія о кн. М. С. Воронцовѣ. — Раздѣленіе рода человѣческаго на языки. — Взглядъ Иннокентія на югъ Россіи, на западный край и оствейскій. — Русскія задачи. — Магометанство въ Россіи. — Многое изъ предположеній и желаній Иннокентія сбылось и сбывается. — Почему мы мало цѣнимъ замѣчательныхъ лицъ при жизни ихъ. — Заключение этого отдѣла.

Мнѣ нужно оговориться предъ благосклоннымъ моимъ читателемъ. Какъ онъ увидитъ сейчасъ, приснопамятный владыко Иннокентій былъ со мною откровененъ. И у моего читателя, представляющаго тогдашнее, да, пожалуй, и теперешнее мое убожество, можетъ возродиться сомнѣніе: дѣйствительно ли именитый по своему глубокому уму, высокому сану и положенію мужъ былъ такъ откровененъ съ такимъ, во всѣхъ отношеніяхъ, маленькимъ предъ нимъ человѣкомъ? Вотъ что я могу отвѣтить на этотъ вопросъ. Иннокентія, по всей правдѣ, можно сравнить съ тѣмъ источникомъ, который прорываетъ кору земли и бурнымъ потокомъ выбрасывается на лицо ея. Но при этомъ не нужно выпускать и другое свойство этой великой души — доброту, общительность, любовь къ человѣку. Иннокентій передавалъ свои мысли, свой взглядъ на тотъ или другой предметъ, повинуваясь требованію своего живаго духа (или, пожалуй, темперамента); но къ этому присоединялось и другое требованіе того же духа или сердца — принести пользу ближнему. Онъ, какъ добрый сѣятель, считалъ долгомъ сѣять, не жалѣя сѣмянъ, въ надеждѣ: авось иное зерно и упадетъ на добрую землю и принесетъ свой плодъ. Смѣю думать, что Иннокентій замѣтилъ во мнѣ воспримчивость и готовность изъ бросаемыхъ имъ сѣмянъ то или другое возрастить. Кромѣ того, онъ уже зналъ, что я кое-что печаталъ, и вѣрилъ, что буду и впредь подвизаться на этомъ поприщѣ, т. е. проводить путемъ печати слышанное отъ него, хотя бы и не все. И, дѣйствительно, многое мнѣ припомнилось, многое было для меня путеводною звѣздою въ дальнѣйшихъ моихъ трудахъ, которыхъ, если было и не много, то и не совсѣмъ мало.

Итакъ, если представить пламенный, неволью вырываю-

щійся на свѣтъ Божій духъ Иннокентія, его самую сердечную общительность, и присоединить сюда, что онъ находился одинъ-на-одинъ съ человѣкомъ, хотя и не высокихъ дарованій, но и не лишеннымъ здраваго смысла и желанія всѣмъ сердцемъ принять бросаема сѣмена великимъ сѣятелемъ; то для читателя будетъ понятна откровенность, которою я имѣлъ счастье пользоваться отъ незабвеннаго святителя и учителя. Скажу ли я еще, что Иннокентія, по всему праву и справедливости, можно назвать истиннымъ сыномъ русской земли? Онъ безгранично, съ готовностію самопожертвованія, желалъ ей добра; но вмѣстѣ и скорбѣлъ, глубоко, тяжело скорбѣлъ, когда видѣлъ въ ней неправду, зло, которое слѣдовало бы истреблять или устранять. А если такъ, то очень естественно, что эта скорбь иногда и противъ воли выступала наружу. У кого что болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Считаю умѣстнымъ привести здѣсь слѣдующія слова М. П. Погодина: „нѣтъ, это не архіерей, богословъ, витія; это великій гражданинъ русскій, котораго душа отзывалась на всѣ вопіющіе вопросы отечества, котораго сердце болѣло всѣми его ранами, котораго умъ занятъ былъ постоянно мыслями объ ихъ исцѣленіи, который готовъ былъ всегда жертвовать ему своею жизнію. Это другъ человѣчества, который горячо желалъ ему вездѣ законнаго преуспѣянія, въ духѣ Христовой вѣры, который, въ минуту сомнѣній и колебаній, возвышалъ одинъ громозвучный свой голосъ за угнетенныхъ славянъ на востокѣ и осмѣлился предречь имъ свободу, который возбуждалъ участіе къ ихъ бѣдствіямъ, казнилъ стыдомъ равнодушныхъ. Это братъ, пылавшій любовію къ меньшей братіи, принимавшій живое участіе въ ея скорбной долѣ, призывавшій всѣмъ существомъ своимъ ея возрожденіе, провидѣвшій въ немъ, съ радостнымъ біеніемъ сердца, зарю новыхъ, славныхъ судьбъ“.

Вотъ что говорилъ мнѣ Иннокентій на избранномъ имъ уединенномъ мѣстѣ.

„Послушай, тебѣ предстоитъ жить, трудиться, можетъ быть, проводить и устно, и чрезъ печать свои мысли въ сознаніе другихъ; а потому ты долженъ имѣть раскрытые глаза. Но помни, ты человѣкъ маленькій; ты долженъ до поры до времени сохранять мои глаголы въ сердцѣ своемъ. Предположу

дальнѣйшему моему слову къ тебѣ, что я сознаю святость лежащаго на мнѣ долга, какъ пастыря церкви и какъ сына русской земли. Теперь слушай:

„Можетъ быть, немногіе такъ искренно цѣнятъ и такъ глубоко уважаютъ князя Михаила Семеновича, какъ я. Это и одинъ изъ доблестнѣйшихъ воиновъ и военачальниковъ, и одинъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ и дальновидныхъ государственныхъ мужей, въ полномъ смыслѣ этихъ словъ. Онъ имѣетъ право на самое почетное мѣсто въ нашей исторіи. Скажу еще и другое: князь обладаетъ рѣдкою добротою сердца; онъ даже свои собственные богатства не считаетъ всецѣло принадлежащими ему. Ты думаешь, нуженъ ему этотъ дворецъ, эти виноградники, потребовавшіе отъ него миллионы; нѣтъ, ему нужно было создать Крымъ, развить его силы, его богатства; и вотъ онъ, ради этого, принесъ такія жертвы, но кому? Ближнему, родной землѣ. Я могъ бы привести и другіе примѣры его, такъ сказать, самоотреченія; но ты успѣлъ ознакомиться съ ними. Итакъ я смотрю на князя съ самой высокой точки зрѣнія. Но въ немъ есть одинъ недостатокъ, который непременно будетъ записанъ въ исторію. Ты удивишься, если я скажу, что этотъ недостатокъ можно выразить такъ: князь слишкомъ человѣчивъ. Да, — это великій недостатокъ въ немъ, и не безъ худыхъ послѣдствій. Ты видишь отсюда дворецъ, видишь близъ него стоящую мечеть съ своимъ стройнымъ минаретомъ, построенные княземъ на свой счетъ, и знаешь, гдѣ стоитъ сравнительно убогій православный храмъ, не имѣющій даже и облика нашихъ церквей. Вотъ отсюда мы и посмотримъ на нашего славнаго государственнаго мужа. Но предпошло общія мѣста. Господу Богу угодно было раздѣлить родъ человѣческій на племена, или языки. Для чего это нужно было въ домостроительствѣ Божіемъ, мы знать не можемъ; эта великая тайна намъ откроется по кончинѣ міра. Но думается, что изъ разнообразія языковъ составляется одинъ дивный хоръ, безъ котораго, т. е. безъ этого разнообразія, онъ и не могъ бы существовать. Возьми ты хоръ пѣвчихъ или оркестръ музыкантовъ: въ нихъ каждый имѣетъ свой голосъ или свой тонъ, и изъ совокупности этихъ голосовъ или тоновъ слагается гармонія, въ основаніе которой кладется какая-нибудь мысль или

чувство. Могла ли бы быть гармонія, могли ли бы выразиться, безъ такого разнообразія голосовъ или тоновъ, мысль или чувство, и удовлетворять чувству изящнаго? Представь, что въ хорѣ только одни басы, или въ оркестрѣ одни контрабасы или барабаны. Хорошо будетъ хоръ? Хороша будетъ музыка? Да, *varietas delectat*. Но въ этомъ разнообразіи должна быть одна общая мысль или идея. Въ хорѣ или оркестрѣ голоса или тоны должны быть различны; но гармонія только тогда мыслима, когда въ данное время они выражаютъ одну мысль или чувство, а не поютъ или играютъ каждый голосъ или инструментъ свое, по нашей русской пословицѣ: „кто въ лѣсъ, кто по дрова“. Теперь приложи это къ человѣчеству, къ языкамъ, на которые оно раздѣлилось. У всего человѣчества должна быть одна задача или тема: стремиться къ совершенству; вотъ пѣсня, которую долженъ пѣть родъ человѣческій, раздѣленный на племена или народы, но пѣть такъ, чтобы каждый держалъ свой голосъ или тонъ; иначе, какъ я сказалъ, не выйдетъ гармоніи, не составится хора. Теперь тебѣ понятна моя мысль: и у русскаго, и у нѣмца, француза, англичанина и т. д. — одна задача — стремиться къ общечеловѣческому совершенству, стремиться общими силами, но при своемъ тонѣ, своею дорогою. Какой же отсюда выводъ? Русскій долженъ оставаться русскимъ; нѣмецъ — нѣмцемъ, французъ — французомъ и т. д. И мы видимъ, что это обособленіе какъ-будто есть нѣчто прирожденное; за него крѣпко стоятъ племена; изъ-за него льются потоки крови. Такъ предопредѣлено свыше, и въ словѣ Божіемъ есть ясное указаніе, что человѣчество никогда не сольется въ одну родственную семью: предъ самымъ концомъ міра возстанетъ языкъ на языкъ и царство на царство. Филантропы проповѣдуютъ иное, но на чемъ основываются? Если бы всѣ племена рода человѣческаго жили подъ однимъ широтами; всѣ люди были одинаково одарены душевными и тѣлесными силами, и находились при одинаковыхъ средствахъ къ существованію, — то тогда еще можно бы было мечтать о слитіи въ одну общую семью всѣхъ племенъ или людей. Но такъ какъ всего этого нѣтъ, то и мечта филантроповъ, гуманистовъ или, такъ называемыхъ, коммунистовъ-сумасбродовъ — останется мечтою. Итакъ, если я русскій, то долженъ во всѣхъ своихъ дѣй-

ствіяхъ, преслѣдуя общечеловѣческую задачу, преслѣдовать и чисто-русскую, родную, кровную мнѣ. Ты знаешь и слово Божіе между ближними человѣка различаетъ своихъ и присныхъ.

Князь Михаилъ Семеновичъ безспорно человѣкъ высокаго ума, общеевропейскаго образованія; любовь его къ родной землѣ запечатлѣна его воинскими доблестями, его готовностію жертвовать за Россію своею жизнію; но въ его понятіи и русскій, и татаринъ—лица однозначущія, потому что и тотъ, и другой—люди. Вотъ этого-то и нельзя не назвать ошибкою, уклоненіемъ съ родной дороги.

Но здѣсь надобно оговориться. Нашего славнаго князя называютъ какимъ-то англومانомъ, можетъ быть, потому не аллеманомъ или франкоманомъ, что онъ воспитывался въ Англіи при своемъ отцѣ, бывшемъ при великобританскомъ дворѣ посланникомъ, и притомъ такимъ, какихъ должна желать Россія. Но подъ именемъ англومانства скорѣе разумѣютъ пріязнь, которую князь, управляя югомъ Россіи, оказывалъ иностранцамъ, и которую многіе ставятъ ему въ укоръ. Вдумавшись въ дѣло устроенія этого края и вособенности торговли, ни одинъ безпристрастный судья не долженъ за эту пріязнь, даже за явное предпочтеніе иностранцевъ русскимъ, осуждать князя. Русскихъ людей, предприимчивыхъ, опытныхъ въ торговлѣ, знакомыхъ съ западомъ Европы, здѣсь не было, какъ нѣтъ ихъ здѣсь и въ настоящее время, и потому поневолѣ приходилось ласкать иноплеменныхъ, ласкать даже еврея, владѣющаго капиталами и знающаго торговые обороты и пути. Можно сказать, что здѣсь, въ новомъ для Россіи краѣ, князь шель по стопамъ нашего Великаго Петра, для котораго при его переобразованіяхъ, для завоеваній, для созданія флота и войска, иностранцы были необходимы, за что, конечно, и его корили, даже не перестаютъ корить до сего дня. Знаешь, русскій человѣкъ немного медвѣдь; выросши въ своихъ дебряхъ, онъ тяжель на подъемъ, конечно, за исключеніемъ удальцовъ, которымъ ни почемъ пробраться и на Амуръ, и въ Индію. Вотъ безъ малаго три четверти столѣтія прошло, какъ мы завладѣли Крымомъ, а сколько здѣсь водворилось русскихъ людей съ капиталами и образованіемъ; не богатъ ими и весь югъ Россіи, хотя нѣкоторыя области его и давнѣе Крыма

приобрѣтены нами. Завладѣвши сѣвернымъ побережьемъ Чернаго моря, Россія прорубила другое окно въ Европу, приблизилась къ міровому пути; и какъ бы не ожидать самаго сильнаго прилива сюда чисто русскихъ силъ? Но повторяю: русскій человѣкъ доселѣ полумедвѣдь; ему какъ то не хочется разстаться съ своей берлогой. Въ Москвѣ не мало милліонеровъ, а выстроилъ-ли хоть одинъ изъ нихъ домъ въ Одессѣ и пустилъ ли свои милліоны въ торговые обороты? Не мало богатыхъ людей изъ нашихъ дворянъ-помѣщиковъ; но многіе ли изъ нихъ приобрѣли земли на югѣ Россіи, — земли однѣ изъ самыхъ плодородныхъ, не требующихъ удобренія, — земли, съ которыхъ собранное зерно имѣетъ такой легкой сбытъ въ чужіе края? При такой спячкѣ или малоподвижности, можетъ быть, землями юга Россіи будутъ владѣть нѣмцы, евреи и подобные имъ иноплеменники; но желательно ли, чтобы эту окраину не сторожила вѣрная русская грудь? Виноваты мы, русскіе люди; но виноваты и тѣ, которымъ ввѣряется судьба даннаго въ управленіе края. Отрѣшившись отъ широкой человѣчности, проникшись чисто русскими задачами, нашъ князь, пользовавшийся такимъ довѣріемъ Верховной власти, могъ бы все это дѣло поставить иначе; онъ могъ бы раскрыть глаза правительству, которое, по взятіи земли Очаковскія, раздавало ее всякому проходимцу, забывши русскій народъ, пролившій за эту землю свою драгоценную кровь. Раздавали и раздають; а мои земляки-орловцы сидятъ на четверткахъ десятины на душу. Открой государеву казну, дай помощь русскимъ людямъ, и земли богатаго юга Россіи были бы куплены русскими дворянами, русскимъ народомъ, которые давнымъ-давно и выплатили бы данныя имъ ссуды. И все это могъ бы сдѣлать нашъ князь, если бы, повторяю, не былъ проникнутъ общечеловѣчностію, если бы иначе смотрѣлъ на чисто-русскія задачи, если бы въ его понятіяхъ русскій человѣкъ не сливался съ иноплеменникомъ, если бы онъ памятовалъ грозныя слова Слова Божія: „аще кто о своихъ не радить, паче же о присныхъ, вѣры отвергся и горше невѣрнаго есть“. Вотъ почему и слѣдовало напомнить ему и другимъ объ имени христіанина, какъ послѣдователя Евангелія. Но мы посмотримъ на Крымъ. Это

самая уязвимая окраина Россіи ¹⁾. Спросимъ: что сдѣлано княземъ, чтобы она могла быть менѣе уязвима? Есть ли дорога къ ней изъ глубины Россіи? и не прежде ли нужно было подумать о ней, чѣмъ о дорогѣ, извивающейся по южному берегу Крыма, — той дорогѣ, которая въ настоящее время служитъ почти однимъ татарамъ? Да, здѣсь ошибка государственнаго мужа, за которую можно и поплатиться ²⁾. Но это не суть дѣла, или недумчивости въ дѣло. Во имя широкой чело-вѣчности, правъ ли князь, такъ лелѣющій татаръ, — это дѣйствительно, какъ говорилъ Фирковичъ, лѣнивое, малоспособное къ образованію племя? Стоило-ли оно того, чтобы удерживать его на нашей уязвимой окраинѣ? Въмѣсто того, чтобы грудью стать за русскую землю, не грозитъ ли оно намъ измѣною? Желаетъ ли оно слиться съ русскимъ народомъ въ одну семью? Чититъ ли оно Русскаго царя, какъ царя и отца своего народа? Вотъ вопросы, которыми нужно бы заняться русскому государственному уму, который долженъ быть проникнуть однимъ русскимъ духомъ. Есть не мало оснований думать, что рѣшеніе этихъ вопросовъ будетъ не въ пользу татаръ; а слѣдовательно, нельзя будетъ не согласиться, что князь не понялъ своей задачи; что здѣсь было увлеченіе широкою чело-вѣчностью не ко благу русской земли. Но здѣсь-ли только такъ ведутся русскія дѣла, одному ли князю М. С. можно поставить въ вину, что онъ забываетъ чисто-русскія задачи. Его, повторяю, можно извинить, какъ я выразился, широкою чело-вѣчностью; а другіе государственные люди или правители краевъ отказываются отъ русскихъ задачъ или по небрежности, или по холодности къ своему призванію, или даже прямо по измѣнѣ родной землѣ, — измѣнѣ, конечно, потаенной, но сознательной. Возьми нашъ западный край; можно ли не видѣть тамъ явнаго потворства полонизму и католицизму? Сильнѣе ли тамъ русская власть, чѣмъ власть пановъ, кознодѣйство ксендзовъ? Не ясно ли, что тамъ и явными, и тайными путями ведется дѣло разчлененія Россіи, къ отнятію отъ нея искон-

¹⁾ Это выраженіе я не разъ повторялъ въ своихъ писаніяхъ, но въ первый разъ услышалъ его изъ устъ Иннокентія. Авт.

²⁾ И какъ все это сбылось! Авт.

наго и притомъ чисто - русскаго достоянія? Православная церковь унижена; языкъ русскій замѣняется польскимъ: но церковь и языкъ — это народныя силы, это опора власти надъ народомъ, — опора не искусственная, не властію созданная, а естественная, имѣющая свое основаніе въ самой глубинѣ народнаго духа. Припомни при этомъ, что польщизна не перестаетъ мечтать о возстановленіи прежнихъ границъ Польши, и ты поймешь, какая задача лежитъ на государственной власти или на непосредственныхъ представителяхъ ея. Едва ли не одинъ безсмертный нашъ Суворовъ, изъ пособниковъ верховной власти, понималъ Польшу какъ слѣдуетъ, т. е. порусски.

Вонъ тамъ, по сосѣдству, такъ называемый остзейскій край. То какое-то отдѣльное царство въ русскомъ царствѣ, и наши власти какъ будто и не видятъ этого, и не понимаютъ, что край завоеванный, купленный русскою кровію, долженъ составлять часть, уголь Русскаго царства, а не какой-то особенякъ, можетъ быть, да это и вѣрно, болѣе тянущій къ нѣмцамъ, чѣмъ къ русскимъ. Къ чему мы любезничаемъ съ баронами, которые вообразили, что безъ нихъ, нѣмцевъ, русскій народъ и жить не можетъ. Жили и безъ нихъ, и собственными руками сковали великое Русское царство. Тамъ православіе почти открыто гонится и распространеніе его считаютъ какими-то политическими кознями или продѣлками, — но противъ кого-же русская власть кознодѣйствуетъ, съ кѣмъ играетъ въ какую-то политику? Смѣшно сказать — съ подданными самодержавной власти. Да еслибы мы и открыто заявили, что православная вѣра должна быть и тамъ господствующею? Кто-бы намъ смѣлъ поперечить? Не объявятъ-же намъ бароны войны? Не вступится-же за нихъ западная нѣмецина. Непостижимо, какъ это такъ дѣлается и допускается, что мы не можемъ заставить тамъ употреблять государственный языкъ. Нѣмцы лучше, чѣмъ мы, обдѣлываютъ свои дѣла. Познань, Померанію и друг. успѣли онѣмечить и земли передать нѣмцамъ. Въ составъ Германіи не мало вошло лоскутовъ земли съ славянскою народностію; но эта народность преобразилась въ чисто нѣмецкую, даже забывшую свое происхожденіе. Тамъ не потерпѣли даже названій городовъ, селъ и урочищъ съ сла-

вянскими именами. А мы плодимъ у себя люстдорфы, гросслибентали, клейнлибентали, фридентали, цюрихталли и т. п. Что если и не всё, но самая большая половина земель юга Рос- сии скушится нѣмцами, къ чему они такъ усердно и начали стремиться, и этотъ край усѣется гросслибенталями, цюрихта- лями, маріенфельдами и т. д., вѣдь это будетъ отзываться нѣ- метчиной, и гдѣ-же? гдѣ все полито одною русскою кровью, и притомъ на пограничной окраинѣ Русскаго царства, прилегаю- щей къ водному, самому опасному для насъ пути, такъ какъ на немъ нельзя строить крѣпостей. Мы приютили у себя нѣм- цевъ, надѣливъ ихъ лучшими участками земли, освободивъ ихъ отъ тѣхъ повинностей, которыя такимъ тяжелымъ бременемъ лежать на спинѣ русскаго крестьянства, какова напр. рекрут- чина; но вопросъ: слились ли они въ одну русскую семью? думаютъ-ли они по-русски? многіе ли говорятъ языкомъ Рус- скаго государства? Сколько я ни спрашивалъ, но не слы- халъ, чтобы нашъ нѣмецъ русскаго мужичка называлъ братомъ, а собакой—зачастую. А много ты найдешь у нихъ портретовъ Государя Императора? Есть у нихъ тѣ картинки, которыми нашъ поселянинъ старается украсить свое, по большей части, убогое жилище, картинки, изображающія нѣкоторыя изъ со- бытій нашей исторіи, военные подвиги нашихъ чудо-богаты- рей? Какъ-бы, кажется, относиться съ такою холодностію къ своему новому отечеству? Видно, нѣмца сколько ни корми, онъ все смотритъ въ другую сторону. Конечно, надобно полагать, что все это со временемъ измѣнится, и правительство убѣдится, что не цѣлесообразно создавать какіе-то особняки, какіе-то доскуты нѣметчины; да и сами нѣмцы сознаютъ, что, для ихъ- же собственной пользы, имъ нужно слиться съ русскимъ на- родомъ. Нѣмцы наши, къ чести ихъ сказать, всё грамотны; но почему-бы не ввести въ ихъ школахъ русскаго языка, на который положительно можно смотрѣть какъ на силу, объеди- няющую разнородныя народности. Крымскіе нѣмцы, даже жен- скій полъ, по-татарски говорятъ какъ татары; но если нѣко- торые изъ мужскаго ихъ пола съ грѣхомъ пополамъ и гово- рятъ по-русски, за то едва изъ 100 нѣмокъ-поселянокъ одна понимаетъ русскій языкъ. А вѣдь со временъ Великой Екате-

рины много воды утекло, и много-бы ручеевъ могло „слиться съ великимъ русскимъ моремъ“.

Пойдемъ съ тобой на востокъ, туда, по направленію къ Камчаткѣ, до края нашего восточнаго моря. Подлинно, ши- роко раскинуло ты свои вѣтви, великое русское дерево! сколько племень укрылось подъ сѣнью твоею; но сколько еще осталось такихъ, которыя прицѣпились къ стволу твоему, какъ мохъ цѣпляется къ корѣ древеснаго ствола, и не вошли еще въ со- ставъ твой, не составляютъ тебя, не питаются одними съ то- бой соками, не готовятъ однихъ съ тобой плодовъ для всемір- ной исторіи, для челоуѣчества!

Какой пермякъ, хотя-бы и финской крови, не назоветъ себя русскимъ? Есть мордва, есть чуваша, есть бурята, кото- рые даже обижаются, если ихъ не назовутъ русскими. Но кто это перерожденіе сдѣлалъ?—Вѣра во Христа. Ты знаешь, что даже казацкая вольница, завоевавшая намъ Сибирь, въ одной рукѣ держала мечъ, а въ другой—крестъ Христовъ. Но то-ли бы было, если-бы знамя православной вѣры держали не однѣ слабыя руки служителей алтаря Господня? Помогали-ли имъ, и велика-ли была помощь, если помогали? Католики, рефор- маторы, протестанты ежегодно жертвуютъ огромныя суммы на проповѣдь о Распятіи и притомъ не рѣдко въ чужихъ для нихъ странахъ. А мы какими суммами жертвовали, чтобы рас- пространить вѣру во Христа среди подданныхъ Русскаго царя, среди новыхъ сыновъ родной земли? Но что говорить о жерт- вахъ? Сочувствовали-ли правители краевъ, населенныхъ ино- родцами, то магометанами, то буддистами, то послѣдователями ламы, проповѣди Евангелія? и напротивъ, не было-ли со сто- роны чиновнаго міра явнаго покровительства магометанству или язычеству, которыя такъ препятствуютъ обрусенію инородцевъ? Я и здѣсь повторю: со временемъ все это измѣнится; но по- чему не дѣлается теперь? зачѣмъ гибнуть въ невѣжествѣ че- ловѣческія души? Зачѣмъ мѣняютъ Христа на велиара, —мѣ- няютъ, конечно, не на словахъ, а самымъ дѣломъ: или рав- нодушіемъ ко Христу, или явнымъ покровительствомъ Маго- мету, Далай-Ламѣ, Буддѣ и т. д. И ты думаешь, мы не го- ворили объ этомъ, не писали? Но если куда желательно-бы внести проповѣдь Евангелія и закрѣпленіе началъ народной

русской жизни, то это въ среду нашего магометанства. Какіе-нибудь лопари, корельцы, калмыки, бурята нигдѣ и ни въ чемъ не имѣютъ для себя опоры; эти инородцы безъ почвы; а потому-то, просвѣтившись свѣтомъ Евангелія, они скоро дѣлаются русскими, перенимая даже строй русской жизни. Со-всѣмъ другое дѣло магометане: наши татары, часть киргизовъ, черкесовъ и т. д. У нихъ есть точка опоры; они знаютъ, что есть магометанское государство, котораго глава считается преемникомъ исповѣдуемаго имъ пророка; знаютъ, что это государство не потеряло своего могущества; вѣрятъ, что послѣдователи Магомета должны покорить всѣ народы и царства; хоть и по наслышкѣ, но знаютъ, что послѣдователей Магомета не мало на бѣломъ свѣтѣ; даже можно сказать съ увѣренностію, что муллы проповѣдуютъ имъ о вѣрѣ Магомета какъ о господствующей на земномъ шарѣ, чему, конечно, татары, ничего кромѣ корана не читающіе, и вѣрятъ. Дѣйствительно точка опоры есть у нихъ; потому что магометанъ болѣе чѣмъ одна треть по сравненію съ христианами. Вотъ и коснѣютъ наши татары въ своемъ магометанствѣ, не сливаясь съ русскою жизнію. Если для Евангельскаго слова успѣли проложить въ среду магометанства маленькія, сравнительно едва замѣтныя, тропинки по поволожью, по Уралу, и мѣстами за Уральскимъ хребтомъ; то въ Крыму, среди татаръ и ногайцевъ Таврической губерніи, и этихъ тропинокъ нѣтъ и здѣшніе татары ничего общаго не имѣютъ съ Россіей. Они съ нѣкимъ упованіемъ смотрятъ на Стамбуль; тамъ ихъ халифъ, ихъ освободитель отъ подданства Россіи. Конечно, грѣхъ упорства въ исламѣ нашихъ русскихъ татаръ сложать на православное русское духовенство; но подъ силу-ли ему борьба съ магометанами, когда родовитые русскіе князья строятъ имъ мечети близъ своихъ дворцовъ; когда у нихъ на пять дворовъ мулла, которому они вѣрятъ безгранично, даже со страхомъ или раболѣпствомъ? Но видно мало этихъ осѣдлыхъ муллъ; есть муллы бродячіе, которые, можно сказать, преслѣдуютъ татарина съ своимъ фанатизмомъ на каждомъ шагу. Но и этого мало: сюда не малое число идетъ муллъ изъ Стамбула, конечно, съ особыми наставленіями отъ тамошней высшей духовной власти. Не забудемъ и того, какъ сильно должно поддерживаться у насъ магометанство путешествіями въ

Мекку, что считается священнымъ долгомъ для каждаго магометанина, имѣющаго средства. Если-бы мы дѣйствительно преслѣдовали чисто русскія задачи, то, конечно, давно былъ-бы проложенъ торный путь къ просвѣщенію нашего магометанскаго міра свѣтомъ Евангелія; давно-бы наши татары вышли изъ замкнутого въ самихъ себѣ состоянія; давно-бы коснулось ихъ образованіе, а съ нимъ и начало русской жизни и гражданственности. Если-бы только одно сдѣлали: ограничили число муллъ, положивши на одного муллу до 2,000 душъ, какъ у насъ есть нѣкоторые приходы; далѣе, если-бы сдѣлать для нихъ русскій языкъ обязательнымъ, чрезъ который они могли-бы ознакомиться съ Россіей и другими христианскими государствами, съ образованною жизнію европейскихъ народовъ, съ науками, вособенности съ исторіей; то это былъ-бы огромный шагъ впередъ. Но мы, и частіе нашъ славный князь, по широтѣ своей человѣчности, дѣлаемъ все, чтобы татары оставались татарами, въ невѣжествѣ, въ лѣни, даже въ неприязни къ христианской Россіи ¹⁾. Потерпѣли-ли-бы нѣмцы, чтобы въ ихъ государствахъ существовали какія-то царства татаръ? Не

¹⁾ О покровительствѣ мѣстной администраціи татарамъ есть указаніе въ письмѣ Иннокентія къ В. К. Константину Николаевичу, отъ 27-го февраля 1852 г. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, сказано: «Отрадно видѣть, какъ христианство, стоя у насъ лицомъ къ лицу съ магометанствомъ, даже безъ всякихъ человѣческихъ средствъ, рѣшительно обнажаетъ собою духовную бѣдность послѣдняго, и видимо возносится надъ нимъ своимъ внутреннимъ превосходствомъ, по сознанию самихъ благомыслящихъ мусульманъ. Если-бы къ сей-же высокой и святой цѣли приспособлено было хотя нѣсколько и наше гражданское уложеніе (теперь оно, странно сказать, въ явной противоположности съ нею); то побѣда Евангелія надъ алкораномъ рѣшена была-бы сама собою, что, конечно, и послѣдуетъ со временемъ...» «Если кому, то намъ, жителямъ новой Россіи, предлежитъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ можно чаще, обращаться съ молитвою къ Всемогущему Господину жатвы (Матѣ. IX. 38), дабы извелъ благихъ и добрыхъ дѣятелей на нашу обширную, многообразную и далеко еще невоздѣланную ниву и ниспослалъ имъ духа разума и совѣта, духа труда и терпѣнія, паче-же всего—духа страха Божія, въ коемъ одномъ почиваетъ значительное начало для благоустроенія судьбы какъ частныхъ людей, такъ и цѣлыхъ странъ». Въ первой части выписки изъ этого письма видно, что грѣхъ мусульманскаго коснѣнія слагается на гражданское уложеніе. Но зная мысли Иннокентія, высказываемыя въ откровенной бесѣдѣ, мы не можемъ не видѣть здѣсь упрека начальствовавшимъ надъ южной Россіей. Въ самомъ дѣлѣ, не ихъ-ли дѣло представлять высшей власти то, что вредно, или что полезно для правимаго ими края? Авт.

постарались-ли-бы они послѣдователей корана, удерживающаго человека отъ просвѣщенія, онѣмечить, или просто выжить? Положимъ, по духу нашей терпимости, мы не рѣшились-бы изгнать изъ нашихъ предѣловъ народъ, который тѣмъ только и виновенъ, что самъ по себѣ слѣпъ, а мы тоже закрывали глаза свои на него. Но если-бы, при богатствѣ нашей казны въ настоящее время, мы предложили татарамъ продать правительству или русскимъ людямъ земли и идти куда хотятъ съ полученными за нихъ червонцами; то, навѣрное, самая огромная часть ихъ выселилась-бы въ туречину, а земли ихъ достались-бы русскому народу, что такъ важно для Крыма, для Россіи. Если-бы при этомъ ограничить число муллъ и сдѣлать знаніе русскаго языка обязательнымъ, на что мы имѣемъ полнѣйшее право, то едва-ли-бы здѣсь осталась хоть одна татарская душа.

У русскихъ православныхъ монастырей, церквей, у архіерейскихъ домовъ отняли земли и крестьянъ. Ни тѣ, ни другіе не противились этому (за исключеніемъ митрополита Арсенія Маціевича и немногихъ другихъ); можетъ быть, даже и не роптали, ибо знали, что не въ духѣ Евангелія лицамъ, приставленнымъ къ царству не отъ міра сего, быть во образѣ вассальныхъ князей, каковыми были латинскіе высшіе духовные чины, содержавшіе даже войска, даже воевавшіе между собою и другими. Но спрашивается: почему же магометанское духовенство владѣетъ такъ называемыми вакуфами? Не справедливѣ ли бы было сравнять ихъ въ этомъ отношеніи съ нашимъ сельскимъ духовенствомъ, давши имъ такіе же клочки земли, какими владѣетъ это послѣднее? Какъ бы было кстати вакуфныя земли раздать тѣмъ нашимъ поселянамъ, которые живутъ на ничтожныхъ лоскуткахъ земли и притомъ нерѣдко самой неблагоприятной.

Задачи чисто русскія, кровныя—вотъ что составляло предметъ крѣпкихъ думъ нашихъ предковъ, собирателей земли русской. Эти задачи должны быть преслѣдуемы и современными правителями областей, градовъ и весей. Аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не радить, вѣры отвергся и горше невѣрнаго есть. А отвергшійся отъ вѣры можетъ-ли помышлять объ имени на небѣ? И не слѣдовало-ли напомнить князю и другимъ объ этомъ имени? Однако, встанемъ и идемъ отсюда.

Мнѣ время собираться на обѣдъ къ князю, къ имянинницѣ. Но тебя, маленькаго человека, посадить тамъ нельзя. Посиди дома. Не все коту масляница. Но тебя и въ нашихъ келіяхъ хорошо покормить“.

Съ глубокою благодарностію, со слезами на глазахъ я облобызавъ благостную руку незабвеннаго владыки, и мы пошли въ нашъ домикъ. Владыка въ свое время отправился во дворецъ князя, а я сѣлъ и сталъ дѣлать наброски слышаннаго. По этимъ наброскамъ, временами пополняемымъ изъ запечатлѣвавшихся въ моей памяти, и составилось то, что говорилъ мнѣ владыка, возлежа на полянкѣ предъ лицомъ Чернаго моря и крымскихъ горъ. Но ради исторической правды я долженъ сдѣлать оговорку. Рѣчь архипастыря Иннокентія обыкновенно лилась потокомъ, повинуюсь пламенному творчеству его духа. Но на этотъ разъ она не была таковою, какъ я позволилъ себѣ передать ее здѣсь. По временамъ владыка дѣлалъ мнѣ вопросы: слышалъ-ли ты объ этомъ прежде? понимаешь-ли ты меня? дорога-ли тебѣ родная земля? научилось-ли твое сердце любить ее, а голова думать о ней? и т. д. Но я опустилъ въ своихъ наброскахъ эти вставки, какъ неимѣющія особеннаго значенія.

Многое съ тѣхъ поръ, какъ говорилъ такъ Иннокентій, измѣнилось; многое изъ словъ мудраго владыки оправдалось; многому дано направленіе, согласно съ задачами русской народности. Да, благодареніе Богу, во истину многое. Православіе въ нашемъ остзейскомъ краѣ, послѣ столькихъ уступокъ со стороны власти, послѣ столькихъ преслѣдованій и тайными, и явными способами, становится на прочное основаніе, по крайней мѣрѣ, по духу русской вѣротерпимости, терпится тамъ, хотя варварскій фанатизмъ и сжигаетъ древнюю православную церковь въ Якобштадтѣ. Наконецъ, признанъ тамъ русскій языкъ языкомъ государственнымъ, и баронамъ воочію выставлено, что не они составляютъ народность этого края. Наши нѣмцы-колонисты во всѣхъ отношеніяхъ приравнены къ русскимъ поселянамъ, хотя, можетъ быть, и лучше бы было сохранить для нихъ попечительный комитетъ, который не шель въ разрѣзъ съ русскими задачами и успѣлъ внушить нѣмцамъ правила трезвости и трудолюбія; они, эти пріемники на рус-

ской землѣ, сознали, что государственный языкъ для нихъ необходимъ, и онъ введенъ теперь въ большинствѣ ихъ школъ, ихъ призвали къ отбыванію воинской повинности, къ участию въ общественныхъ дѣлахъ земства и городского управления. Правда, они въ послѣднее время хорошо отблагодарили насъ своею штундою; но думается, что на это обратится должное вниманіе властей, ибо мы теперь сознаемъ, что нельзя „жить безъ власти и законовъ“. Но вспоминая часто повторявшіяся слова глубокаго русскаго ума Иннокентія: преслѣдовать чисто русскія нужды, кажется едва-ли не цѣлесообразнѣе было бы, чтобы правительство было первымъ покупщикомъ частныхъ земель съ перепродажею ихъ въ русскія руки. Оно не было-бы здѣсь въ накладѣ. Послѣ крымской войны въ степяхъ Крыма можно было купить десятину земли за 5—7—10, 15 руб.; но теперь цѣна доходить до 30—50—70 руб. Но главная здѣсь выгода — усиленіе населенія на южно-русской окраинѣ чисто русскимъ народомъ. Подвинулось дѣло и просвѣщенія язычниковъ; открылись миссіонерскія общества (разумѣемъ Московское съ его отдѣленіями и Кавказское), владѣющія если не богатыми средствами, то все же не тѣми ничтожными, которыми владѣли въ прежнія времена провозвѣстники св. Евангелія. Правда, по прежнему раздаются жалобы на покровительство язычеству и магометанству со стороны свѣтскихъ чиновъ; но есть надежда, что вліяніе ихъ въ этомъ великомъ для русскаго царства дѣлѣ ослабѣетъ. Въ западномъ нашемъ краѣ, гдѣ, благодаря большинству бывшихъ правителей, не понимавшихъ родныхъ задачъ этого края, еще не задущена та гидра, которая, во имя польщизны, не разъ поднимала противъ русскаго народа и царства свою голову, и навѣрное, и теперь лежитъ притаившись, собирая свой ядь, — въ позднѣйшее время сдѣлано не мало: православное духовенство поднято и болѣе или менѣе обеспечено въ своемъ существованіи; не мало выстроено или возобновлено православныхъ храмовъ, не мало открыто народныхъ школъ съ однимъ русскимъ языкомъ. Поселяне надѣлены землею и изъяты изъ подъ власти полякующихъ пановъ. Не мало роздано земель съ цѣлію обрушить край, хотя при этой раздачѣ или продажѣ, столь важное дѣло не обошлось безъ ошибокъ, безъ вліяній узкаго

эгоизма. Дальнѣйшая судьба этого края почти вполнѣ будетъ зависѣть отъ его правителей; ибо высшая правительственная власть, начиная съ мудрой Екатерины и до сего дня, преслѣдовала однѣ чисто-русскія задачи.

Этими строками я и думалъ кончить поучительный для насъ взглядъ Иннокентія на нашихъ инородцевъ и на слабое преслѣдованіе нами истинно-русскихъ задачъ. Но порывшись въ своихъ бумагахъ, я еще кое-что нашелъ относящееся къ этому предмету, — нѣкоторыя мысли, высказанныя мнѣ Иннокентіемъ въ позднѣйшее время, и притомъ не одновременно. Правда, здѣсь кое-что повторяется изъ сказаннаго въ Алупкѣ; но есть и то, о чемъ тамъ не говорилось.

Разговорившись однажды, что вообще масса нашего народа живетъ бѣдно, что жилище ея и сыро, и гнило, и холодно, что мясомъ и бѣлымъ хлѣбомъ она питается только по большимъ праздникамъ, что скотъ у нашего народа мелкорослый, слабосильный, по большей части тощій, что поля его, по сравненію съ полями западной Европы, малопроизводительны и т. д., — мой возлюбленнѣйшій владыко повелъ такую рѣчь: „Я не понимаю, почему мы такъ любимъ тѣсноту или держимъ русскій народъ на такихъ окраинахъ, гдѣ ни небо, ни земля не благопріятствуютъ сельскому хозяйству; я разумѣю нашъ глубокій сѣверъ, гдѣ съ трудомъ родятся ячмень и рожь. Мало-ли у насъ земель тучныхъ и находящихся подъ благо-раствореннымъ небомъ, — земель или впусѣ лежащихъ, или отдаваемыхъ по десяти—двадцати копѣекъ въ наймы за десятину (въ годъ). То-де земли казенныя. А народъ чей? Надо-де, чтобы казна опиралась на недвижимую собственность. Согласенъ, пусть земля и остается собственностію казны; но мѣшаетъ-ли это болѣе правильному и производительному распре-дѣленію народонаселенія? Нисколько; пусть поселившіеся на свободныхъ казенныхъ земляхъ держать эти земли на правахъ арендаторовъ. Да, равномерное распредѣленіе или размѣщеніе русскаго народа по лицу широкаго русскаго царства должно бы, по моему мнѣнію, составить предметъ глубокаго и многосторонняго изученія и затѣмъ приложенія къ дѣлу. Это задача народная, государственная. Знаешь-ли, съ рѣшеніемъ этой задачи подвинулось бы рѣшеніе и другой, именно — от-

мѣны крѣпостнаго состоянія, о чемъ не разъ думали верховные вожди русскаго народа. Я не говорю, что чрезъ разумное распредѣленіе народонаселенія по лицу нашей земли могло быть уничтожено крѣпостное состояніе, но это могло-бы подвинуть рѣшеніе столь важнаго вопроса или отчасти облегчить его. Я вотъ какъ думаю; да мнится мнѣ, что такъ думаетъ и простой нашъ народъ, у котораго ума палата. Земли у насъ много. Такъ. Что если-бы сдѣлать нашимъ землевладѣльцамъ и вмѣстѣ владѣльцамъ душъ человѣческихъ такое предложеніе: вамъ, братцы, тѣсененько живется и земляца у васъ лядащая, не возьмете-ли даромъ или съ выплатою (конечно на самыхъ легкихъ условіяхъ) такіе-то болѣе добротные участки земли, но съ тѣмъ, чтобы выселившіеся съ вами поселяне или были арендаторами вашей земли (однако прикѣпленными къ ней), или вашими пайщиками въ приобрѣтеніи облюбованнаго вами участка земли? Вы не имѣете средствъ подняться—вотъ вамъ на помощь государева казна; она дастъ вамъ въ займы, и не поторопитъ васъ выплатить долга; ибо она не будетъ въ убыткѣ, если вы заплатите долгъ и въ 40—50 лѣтъ. Она не барышникъ; на то и существуетъ, чтобы помогать. Зная святую Русь и вдоль, и поперекъ, я навѣрное скажу, что нашлось-бы не мало охотниковъ принять это предложеніе, особливо изъ мелкихъ помѣщиковъ, на которыхъ уничтоженіе крѣпостнаго состоянія отзовется сильнѣе, чѣмъ на крупныхъ. Да если-бы при этомъ прибавить или припомнить душевладѣльцамъ, что крѣпостное состояніе отжило свой вѣкъ, что рано или поздно придется отмѣнить его: навѣрное, охотниковъ явилось бы еще больше. Едва-ли я ошибусь, если скажу, что то было-бы преддверіемъ къ рѣшенію нашего народнаго вопроса,—вопроса объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія. Наше широкое заволжье, наши азійскія владѣнія, Кавказъ, да и здѣшній югъ—какое, подумаешь, раздолье для подобной сдѣлки или покрайней мѣрѣ для надѣла землею тѣхъ русскихъ мужичковъ, которыхъ узенькія полоски земли прокормить не могутъ. Здѣсь я разумѣю другихъ наименованій крестьянъ“.

Особенно дальновиднаго нашего архипастыря возмущала щедрая раздача кровной русской земли всякимъ выходцамъ и

проходивцамъ, къ которымъ русскій народъ, сидя на тощихъ и маленькихъ лоскуткахъ земли, за 500—1.000 верстъ идетъ на заработки ¹⁾. „Удивляюсь я, не однажды повторялъ Иннокентій, какъ это не „радовать“ о родной крови, о своихъ „присныхъ“? или считаютъ, что русскому царству не существовать болѣе какого-нибудь вѣка или двухъ? Лѣтъ чрезъ 50 или около того наше народонаселеніе удвоится; а какъ велико оно будетъ чрезъ 200—300 лѣтъ? Тѣсно вато придется тогда и чистокровнымъ русскимъ людямъ, которые приобрѣли земли цѣной своей крови. Вотъ въ какую даль надобно смотрѣть; а мы видимъ только то, что у насъ подъ носомъ, и, по милости своей близорукости, зовемъ къ себѣ другихъ чуждыхъ намъ, даже въ душѣ враждебныхъ намъ, или обѣими руками держимъ и ублажаемъ такихъ инородцевъ, которые, если мы по прежнему будемъ ревниво охранять ихъ народность со всѣми вѣрованіями, никогда не сдѣлаются истинно—русскими людьми“.

Повидимому архипастыря Иннокентія болѣе всего возмущало поселеніе чуждыхъ намъ по крови и вѣрѣ инородцевъ на окраинахъ русскаго царства; о чемъ я уже говорилъ и что такъ часто повторялъ этотъ истинно—русскій человѣкъ. Воображаю, до какой глубины возмутилась-бы его русская душа при видѣ, какъ нѣмцы селятся въ настоящее время на самой западной нашей окраинѣ. Вѣроятно, онъ также бы думалъ объ этомъ предметѣ, какъ покойный фельдмаршалъ князь Барятинскій, который однажды такъ выразился предъ почившимъ государемъ Александромъ Николаевичемъ: „допускать селиться здѣсь нѣмцамъ то же, что мостить мостъ въ остзейскій край“. (Эти слова имѣютъ полную достовѣрность). И нѣтъ сомнѣнія, что оба эти глубоко-русскіе, истинно государственные мужи, горько улынулись бы, если бы имъ сказали, что эти припелъцы принимаютъ присягу на вѣрноподанность Русскому царю. Присяга! многіе-ли въ наше время вѣрятъ въ святость присяги? Припомнимъ, что въ Германіи уже десятки тысячъ дѣтей остаются не крещенными. Отъ такихъ-ли отцовъ ожидать клятвы во имя Бога,—клятвы искренней, ненарушимой. Смѣемъ думать, что предложеніе принять присягу на вѣрно-

¹⁾ Какой щедрый надѣлъ земли съ богатымъ запасомъ дали послѣ войны «братушкамъ!» И церкви построили на казенный счетъ. Авт.

подданство вызывает смѣхъ у нашихъ поселенцевъ, какъ одинъ изъ разбогатѣвшихъ евреевъ нашихъ, сдѣлавшись христіаниномъ, открыто смѣясь говорить: „надо было искупаться; того требовалъ гешефтъ“.

Разговаривая объ инородцахъ, живущихъ и селящихся на русской землѣ, и такъ туго или совсѣмъ, по выраженію Иннокентія, не прививающихся къ великому русскому дереву, я однажды сдѣлалъ ему такой вопросъ: что же такъ равнодушно смотритъ наша верховная власть на этотъ скорбный для Россіи предметъ?— „Вопросъ этотъ, отвѣчалъ мнѣ Иннокентій, рѣшается такими короткими словами: нашъ истинно-великій и могущественный государь императоръ Николай Павловичъ владѣетъ тяжелою желѣзною дланію, и не можетъ себѣ даже представить, чтобы кто-нибудь изъ считающихся его вѣрноподанными могъ пошевелиться подъ нею; но того не подозреваетъ, что тамъ, т. е. подъ его мощною самодержавною рукою, лежатъ притаившись и аспиды, и василиски, которые во время благоприятно для нихъ могутъ поднять свои головы, какъ подняли ее въ 30-хъ годахъ поляки. Дай Богъ, чтобы такою же крѣпкою десницею владѣли и преемники его самодержавной власти и силы; но можно-ли за будущее поручиться? Не уснемъ-ли? Не убавокаютъ-ли насъ? Уже примѣръ былъ да и не одинъ со стороны тѣхъ-же поляковъ. За всѣ наши щедрости они платили намъ самымъ ехиднымъ, самымъ притворнымъ иезуитизмомъ, а за тѣмъ—самою черною неблагодарностію. Мы, при врожденной намъ добротѣ сердца, похожи на тѣхъ добродушныхъ, а скорѣе—простоватыхъ мореплавателей, которыхъ сладкое пѣніе сирень заводитъ въ пучины морскія. Но знаешь, что я скажу тебѣ, и увѣренъ, что мое предсказаніе сбудется: польскій родъ добрый, даже ясно-вельможные паны ихъ; въ нихъ течетъ мягкая славянская кровь; замѣчу и то, что этотъ народъ одинъ изъ даровитыхъ; но что погубило ихъ царство и что теперь удерживаетъ слиться съ русскимъ моремъ? — Одно легкомысліе, вѣтренность. Можно-ли однако допустить, что это даровитое племя не выйдетъ изъ своего ребячества? А если выйдетъ,—то съ кѣмъ сольется въ одну семью? Конечно, не съ нѣмцами. Въ нѣмцахъ течетъ иная кровь, чѣмъ у славянъ. Нѣмцы,

пролагая намъ пути къ образованію, занимая высшія служебныя мѣста у насъ, сослужили русской землѣ великую службу; многіе изъ нихъ и теперь служатъ намъ всею вѣрою и правдою, любятъ Россію не менѣе чисто-кровныхъ русскихъ людей; однако намъ, русскимъ, всегда надобно памятовать, что у нѣмцевъ есть Германія, которая стремится къ объединенію своихъ разбросанныхъ членовъ, — Германія, замѣтимъ, съ крѣпкимъ умомъ, желѣзною волею и каменнымъ сердцемъ. Sapienti sat. Впрочемъ, я скорѣе помирюсь и съ нѣмцами, и съ поляками, но не могу помириться съ тѣмъ, что въ самомъ существѣ своемъ проникнуто полнымъ невѣжествомъ, подкрѣпляемымъ ложною вѣрою, грубѣйшимъ фанатизмомъ. Ты понимаешь, о комъ я говорю, о нашихъ мусульманахъ, о которыхъ мы не разъ вели съ тобою рѣчь. Сколько крови стоилъ намъ мусульманскій Кавказъ и скоро-ли она перестанетъ течь? Одичаніе мусульманъ, отчужденіе отъ истиннаго просвѣщенія; ихъ фанатизмъ, ихъ слѣпая вѣра въ Магомета, какъ великаго пророка, и чаяніе господства ислама надъ всѣмъ міромъ,—никогда не допустятъ ихъ слиться съ русскимъ христіанскимъ народомъ въ одну братскую семью; они въ душѣ заклятые враги христіанъ. А ихъ у насъ не мало: съ Кавказомъ, навѣрное, болѣе пяти милліоновъ въ одной Европейской Россіи. Есть съ кѣмъ считаться! есть что, чего нельзя выпускать изъ вида. Но мы, что дѣлаемъ? все, чтобы наши магометане коснѣли въ своемъ грубомъ фанатизмѣ, въ своей неприязни къ намъ, о чемъ я не разъ говорилъ тебѣ. Мы дозволяемъ имъ учиться, какъ они хотятъ (а русскимъ, Боже сохрани — безъ регламента); мы строимъ имъ мечети, ухаживаетъ за достопочтенными муфтіями,—видишь ли, чтобы они крѣпче держались своего Магомета, чтобы воспитывали себя во враждѣ къ господствующей вѣрѣ, къ народу владычествующему надъ ними. Все это было бы смѣшно, если бы не было тутъ самой горькой правды, которой даже съ трудомъ вѣришь. А вѣдь, чтобы поставить наше мусульманское дѣло на прямой путь, достаточно одного почерка пера: быть у русскихъ мусульманъ школамъ только съ однимъ русскимъ языкомъ ¹⁾; а не желаютъ, пусть идутъ въ

¹⁾ Но мы что стали дѣлать въ позднѣйшее время, послѣ Крымской войны? Тѣмъ татарамъ, попечителямъ школъ, которые соблаговолятъ ввести въ

мусульманское царство: мѣсто свято-не будетъ пусто; мои орловцы будутъ радехоньки освободившемуся раздолью. Скажутъ: эта мѣра слишкомъ крута; объ ней заговорятъ. — Кто? Русскіе? Можетъ быть среди русскихъ и найдется какая-нибудь, какъ говорятъ наши добрые хохлики, „крученая голова“¹⁾. Пусть и болтаетъ эта крученая голова; благо языкъ безъ костей. — Скажутъ на западѣ Европы? А намъ какое дѣло? Русская самодержавная и одна изъ сильныхъ въ цѣломъ мѣрѣ власть хочетъ изъ своихъ подданныхъ сдѣлать истинно вѣрно-поданныхъ; и кто смѣетъ поперечить ей въ ея законныхъ правахъ? Да и какое правительство не заботится, чтобы вѣренное ему государство составляло одну родственную семью, одно крѣпко сочлененное цѣлое? Повѣрь, языкъ есть первый путь къ слиянію разноплеменныхъ и разновѣрныхъ членовъ въ одну семью, а за нимъ и къ исповѣданію единого Бога во святой Троицѣ едиными устами и единымъ сердцемъ“.

Благосклонный мой читатель, конечно, помнитъ, что „великое свѣтило“, Иннокентій, съ своимъ крохотнымъ спутникомъ, т. е. со мною, въ очаровательной Алушкѣ въ гостяхъ у радушиѣйшаго русскаго князя, что свѣтило это свѣтитъ своимъ неподражаемымъ свѣтомъ въ княжескихъ чертогахъ и порой бросаетъ животворные лучи на своего крохотнаго спутника. Мы скоро опять будемъ съ вами въ Алушкѣ; но, да позволено мнѣ будетъ сдѣлать одну вставку, а за ней еще двѣ другихъ. Свои воспоминанія о дивномъ во святителяхъ русскихъ я написалъ въ декабрѣ 1885 года²⁾. Но въ 1886 г. появилось въ печати³⁾ письмо Иннокентія къ В. К. Константинову Николаевичу, которое можетъ служить самымъ безспорнымъ подтвержденіемъ, что дѣйствительно, Иннокентій такъ мыслить о нашемъ мусульманскомъ мѣрѣ, какъ я передалъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ. Вотъ это письмо (съ небольшими сокращеніями), отъ 26 іюня 1852 года.

своихъ школахъ русскій языкъ, даемъ (risu teneates) мундиръ VIII кл. М. Н. Авт.

¹⁾ Теперь, при нашей вѣтренности, и сотни такихъ крученыхъ головъ нашлись бы.

²⁾ И въ началѣ 1886 г. сданъ въ Редакцію „Русск. Вѣстн.“, откуда взять обратно.

³⁾ Въ журн. „Вѣры и Разума“, 1 кн. янв. 1886 г. Авт.

„Вашему Высочеству, между прочимъ, угодно было, — писать въ немъ Преосвященный Иннокентій, — обратить особенное вниманіе на замѣчаніе мое объ отношеніи у насъ магометанства къ господствующей религіи. Почитаю за долгъ изъяснить предъ Вами о семъ предметѣ со всею откровенностію, хотя нѣкоторыя изъ мыслей моихъ покажутся, можетъ быть, слишкомъ жалобными.

Крымъ купленъ, какъ извѣстно, цѣною русской крови, не разъ обливавшей его отъ Перекопа до Керчи, и, слѣдовательно, жители его, какъ побѣжденные, не имѣютъ никакихъ правъ на особыя преимущества; но не смотря на это, татары крымскіе пользуются у насъ доселѣ такими отличіями и льготами, какихъ не имѣетъ въ нашемъ краю ни одинъ русскій поселенинъ: они не платятъ подушной подати, не обязаны рекрутскою повинностію, не подлежатъ помѣщичьему праву въ той мѣрѣ, какъ нашъ бѣдный крестьянинъ, и проч. (А самъ татаринъ, дослужившись въ арміи до извѣстныхъ чиновъ, можетъ дѣлаться надъ тысячею православныхъ христіанъ господиномъ съ полнымъ правомъ помѣщика!!!). Такой неестественный избытокъ правъ у народа дикаго и побѣжденнаго предъ его побѣдителями невольно приводитъ къ удивленію и русскихъ, и самихъ татаръ, такъ что ни тотъ, ни другой не знаютъ, чѣмъ изъяснить такое неравенство, и предаются: первый — ропоту и неудовольствію на свое родное правительство, послѣдній — надменности, презрѣнію имени русскаго, отвращенію отъ русской вѣры и тайнымъ надеждамъ на будущую политическую независимость. Справедливость требовала-бы, чтобы, по крайней мѣрѣ, магометанинъ, по переходѣ въ христіанство, сохранялъ прежнія права свои, но и сего нѣтъ. Нынѣ онъ сдѣлался христіаниномъ, а съ завтрашняго дня начинаетъ подлежать почти всѣмъ обязанностямъ нашего простолюдина. При такомъ положеніи вещей, многіе-ли изъ магометанъ рѣшатся оставить свою вѣру, съ коею соединено столько гражданскихъ преимуществъ, когда и безъ того переходъ въ христіанство сопряженъ для него съ тяжкимъ отреченіемъ отъ всего, чѣмъ алкоранъ такъ сильно льститъ страстямъ и плотоугодію человѣческому?

Къ сему должно прибавить крайне затруднительное положеніе обращающихся татаръ среди русскихъ общинъ, къ коимъ ихъ обыкновенно приписываютъ и кои окружены у насъ магометан-

скими аулами. И языкъ, и обычай долго мѣшаютъ обращеннымъ слиться съ новыми единовѣрующими, между тѣмъ какъ прежніе, преслѣдуя ихъ всѣми способами, въ тоже время искушаютъ ихъ терпѣніе примѣромъ своей плотоугодной жизни.

Все это могло-бы быть безъ труда устранено назначеніемъ для обращающихся магометанъ для поселенія особой казенной земли, въ коей еще столько избытка, что ее доселѣ продолжаютъ, къ сожалѣнію, отдавать иностраннымъ колонистамъ. Но сего доселѣ не сдѣлано. Вообще на обращеніе татаръ къ христіанству никогда не было обращено ни малѣйшаго вниманія, хотя дѣло это первой важности не только въ отношеніи къ церкви, но и къ государству, по сознанію самихъ губернаторовъ Таврическихъ.

Подобная, крайне горькая для насъ неудобность въ дѣйствованіи на иновѣрцевъ встрѣтила насъ недавно по отношенію къ колонистамъ нѣмецкимъ. Нѣкоторые изъ нихъ начали было обращаться въ православіе. Что-же?—Вмѣсто того, чтобы ободрить таковыхъ и хотя чѣмъ либо показать имъ, что мы рады ихъ религіозному соединенію съ нами, — по распоряженію министерства государственныхъ имуществъ, ихъ тотчасъ лишили всѣхъ правъ, коими они пользовались дотолѣ, какъ колонисты, и кои, какъ извѣстно, простираются весьма далеко. Такимъ образомъ, за переходъ изъ лютеранства въ православіе перешедшіе къ православной Россіи подвергнуты лишенію правъ состоянія, т. е. такому наказанію, коему подвергаются обыкновенно не иначе, какъ по суду и только за тяжкія преступленія!...

Въ основаніи подобныхъ законовъ и распоряженій, очевидно, лежитъ та мысль и убѣжденіе, что для государства все равно, какую-бы кто ни исповѣдывалъ вѣру, только бы исполнялъ хорошо обязанности вѣрноподданнаго. Но возможно-ли это послѣднее для еврея и магометанина, когда противнаго тому требуетъ самая его вѣра? Дотолѣ еврей будетъ ожидать своего царя Мессію (а онъ всегда будетъ ожидать его, дотолѣ онъ еврей), дотолѣ, сколько-бы ни давалъ онъ присягу, для него нѣтъ на землѣ царя, котораго онъ не долженъ былъ-бы оставить и презрѣть, коль скоро ему доказали, и онъ повѣритъ, что его Мессія пришелъ и явился. Дотолѣ мусульманинъ не откажется отъ алкорана, дотолѣ онъ всегда будетъ смотрѣть

не въ Москву и Петербургъ, а въ Мекку, и преклоняться съ благоговѣніемъ предъ падишахомъ турецкимъ, который, въ его понятіи, есть преемникъ Магомета и тѣнь Аллаха.

Судя по сему, вообще не бесполезно было-бы обзрѣть внимательно нашъ законодательный кодексъ въ тѣхъ его частяхъ, гдѣ изображены права господствующей религіи въ сравненіи съ правами вѣроисповѣданій иностранныхъ и не христіанскихъ. Я совершенно увѣренъ, что при семъ сличеніи окажется, что религія господствующая во многихъ случаяхъ остается при одномъ титулѣ и прозваніи, а дѣйствительными правами пользуются вѣроисповѣданія иностранныя и даже нехристіанскія къ униженію и вреду первой, — т. е. въ нашемъ отечествѣ повторяется то, что нѣкогда произошло въ домѣ отца вѣрующаго Авраама, когда Агарь—раба начала брать верхъ надъ Саррою—его супругою (Быт. XXI, 9—12).

Такое положеніе дѣла тѣмъ страннѣе, что продолжается въ благополучное царствованіе Монарха, который, кромѣ множества другихъ великихъ дѣлъ, уже давно стяжалъ себѣ и святую славу вѣнценоснаго покровителя и распространителя церкви православной.

Излагая такимъ образомъ мысли и чувства свои предъ Вашимъ Высочествомъ, — говорить Иннокентій въ заключеніе своего письма, — я увѣренъ, что прозорливая мудрость Ваша не припишетъ ихъ какой-либо раздражительности или страсти къ прозелитизму и пропатандѣ; перомъ моимъ, какъ и сердцемъ, водитъ одна искренняя любовь къ престолу и отечеству, для коихъ вѣра православная была и есть краеугольнымъ камнемъ, силы и величія котораго не могутъ затмить ни какіе искусственные контрафорсы самой оборотливой политики“.

Но какіе плоды принесло это письмо? На этотъ вопросъ отвѣтимъ словами М. Церк. В., которыя состоятъ органомъ православнаго миссіонерства и которыя, перепечатавши письмо Иннокентія, говорятъ:

„Письмо это писано назадъ тому болѣе 30 лѣтъ, но и теперь не устарѣло и не теряетъ своей силы. Язычникъ, гдѣ-бы онъ ни находился—на Алтаѣ-ли, за Байкаломъ ли, алеуты-ли онъ, или буряты, онъ пользуется большими удобствами аграрными, нежели его сородичъ, оставившій суевѣріе своихъ

предковъ и принявшій христіанство. Поэтому, многочисленныя стада скота находятся не въ рукахъ новокрещенныхъ инородцевъ, стѣсненныхъ въ пользованіи земельными угольями, а у живущихъ на просторѣ некрещенныхъ инородцевъ. Первымъ предоставлено питаться надеждою на блага небесныя, съ устраненіемъ отъ благъ земныхъ“.

Дальновидный архипастырь русской православной церкви Иннокентій всегда, всѣмъ и каждому повторялъ, что „самое могущественное и притомъ единственное средство привить инородцевъ, населяющихъ русскую землю, къ великому дереву русскаго народа—это языкъ и православная церковь. Въ непререкаемости истины этой свидѣтельствуесть вся наша исторія. Но въ этомъ великомъ дѣлѣ первымъ дѣятелемъ должно стоять правительство; а пастыри церкви, проповѣдники вѣры во Христа—его органы, пособники“. Въ подтвержденіе этихъ мыслей Иннокентія мы приводимъ нѣсколько строкъ изъ миссіонерскаго отдѣла Моск. Цер. Вѣдомостей (№ 46, 1886), изъ которыхъ, т. е. изъ приводимыхъ строкъ, между прочимъ, ясно намъ представится, что мы продолжаемъ болѣть тѣмъ недугомъ малоосмысленности, которымъ болѣло глубоко - русское сердце именитаго гражданина русской земли Иннокентія. Вотъ что мы читаемъ въ „корреспонденціи съ Алтая“, помѣщенной въ упомянутомъ отдѣлѣ.

„Предположено Алтайскихъ инородцевъ только исключительно *крещенныхъ* обратить въ крестьянское сословіе, уничтоживъ тѣ права и льготы, которыми они пользуются по рожденію какъ инородцы, и въ замѣнъ ихъ возложить на нихъ тѣ обязанности и всякаго рода повинности, которыя обязательно будутъ для нихъ какъ лицъ крестьянскаго сословія. Какія-же послѣдствія должны быть отъ перечисленія крещенныхъ инородцевъ въ крестьянское сословіе?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, считаемъ нелишнимъ сказать сначала нѣсколько словъ о томъ, какія послѣдствія сказались отъ христіанскаго просвѣщенія инородцевъ Алтайской миссіей. Со времени поступленія Алтайскихъ инородцевъ подъ власть Россіи до открытія дѣйствій Алтайской миссіи, Алтай въ культурномъ отношеніи стоялъ неподвижно на той степени одичанія, на которой былъ и до русскаго под-

данства. Только съ 1830 года, когда свѣтъ Евангелія при служеніи миссіи озарилъ ущелья и дебри Алтая, стали постепенно исчезать мгла язычества и измѣняться къ лучшему бытъ алтайцевъ. На мѣстѣ лѣтнихъ и зимнихъ кочевокъ со множествомъ вывѣшенныхъ кожъ и доложервенныхъ животныхъ, появились селенія новокрещенныхъ алтайцевъ, по образцу русскихъ селъ и деревень, съ христіанскими храмами и молитвенными домами. Холодную и дымную юрту замѣнила теплая русская изба, не рѣдко съ русской баней. Русская одежда, русская пища, русскій семейный и общественный бытъ,—все это принятое новокрещенымъ въ замѣнъ своего дико-національнаго свидѣтельствуесть о желаніи христіанъ алтайцевъ слиться въ одно съ православною русскою семьей. А это множество христіанскихъ школъ во всѣхъ пунктахъ Алтая, даже въ такихъ глухихъ и недоступныхъ, какъ ущелье Чолышмана и Кузнецкая тайга,—съ русскимъ языкомъ, съ большимъ процентомъ учащихся не только дѣтей обоюго пола, но и взрослыхъ лицъ, способность и усиленное желаніе питомцевъ этихъ школъ не только по русски читать, но и мыслить и чувствовать по русски и жить по христіански,—эти лучшіе воспитанники сихъ школъ, отлично усвоившіе все русское, но безъ презрѣнія къ родному, многіе изъ нихъ ожившіеся на русскихъ, воспитывающіе дѣтей въ духѣ вполне русскомъ, съ похвалою, достойною лучшихъ питомцевъ русскихъ школъ и училищъ, проходившіе и проходящіе служеніе въ званіи учителей, переводчиковъ, псаломщиковъ, діаконовъ и священниковъ,—все это не говоритъ-ли убѣдительно, что Алтаю, выведенному изъ тьмы язычества, спасенному отъ поглощенія магометанствомъ и ламаизмомъ предлежитъ свѣтлая будущность въ ассимилированіи русской семьей, если мы, русскіе, не поставимъ преграды къ дальнѣйшему распространенію христіанства? Мы указали на благотворность послѣдствій христіанскаго просвѣщенія Алтайскихъ инородцевъ съ тою цѣлью, дабы тѣмъ свидѣтельствовать тотъ фактъ, что Алтайская миссія стремилась и стремится къ одной цѣли съ гражданскимъ правительствомъ:—черезъ просвѣщеніе православно-христіанскою вѣрою и затѣмъ черезъ семейныя связи инородцевъ съ русскими

объединить первыхъ съ русскою семьею и такимъ образомъ содѣлать ихъ полезными гражданами нашего отечества.

Насколько цѣль въ этомъ достигнута, свидѣтельствуется ходячее предположеніе причислить новокрещенныхъ Алтайскихъ инородцевъ къ крестьянскому сословію.

Казалось-бы надобно радоваться, что трудами миссіи Алтайскіе инородцы не только просвѣщены свѣтомъ Евангельскимъ, уничтожены въ нихъ культъ языческихъ вѣрованій, но и для гражданской жизни настолько они приготовлены, что мѣстная администрація допускаетъ возможность причисленія ихъ въ крестьянское сословіе, дабы изъ нихъ составить крестьянскія волости для будущаго Чуйскаго округа. Говоримъ: казалось бы, надобно радоваться, но на самомъ дѣлѣ такое перечисленіе, если оно состоится, не на радость намъ, а въ печаль, и не намъ только, а всѣмъ истиннымъ христіанамъ, ревнующимъ о распространеніи христіанства среди Алтайскихъ инородцевъ. Указавши на печальные примѣры отъ неуравненія правъ между крещеными и язычествующими инородцами, или прямо—на тяготы, которыя возлагаются на принявшихъ вѣру во Христа, почтенный корреспондентъ говоритъ: „Тяжкихъ послѣдствій отъ предполагаемой мѣры (отъ перечисленія въ крестьянское сословіе, со всѣми тяготами) должна ожидать себѣ Церковь Христова въ количественномъ ростѣ своихъ послѣдователей. Но нельзя ли чего-либо опасаться и администраціи отъ предполагаемой мѣры со стороны новокрещенныхъ“? Приведши въ отвѣтъ на этотъ вопросъ другаго рода печальные примѣры, корреспондентъ говоритъ: „Если такими неблагопріятными послѣдствіями для христіанства сказалось одно предположеніе о перечисленіи новокрещенныхъ только въ управы; то чего можно и должно ожидать, когда осуществится предположеніе перечисленія осѣдлыхъ новокрещенныхъ въ крестьянское сословіе? Самая неразрушимая преграда положится этимъ для перехода язычниковъ въ христіанство. Если общество новокрещенныхъ на Алтай ежегодно увеличивается на многія сотни—иногда и болѣе и тысячи,—то съ перечисленіемъ ихъ въ крестьяне нельзя будетъ разсчитывать и на единицы. Мы не противъ образованія изъ инородцевъ Алтайскихъ крестьянскаго сословія, даже не противъ несенія ими воинской повинности; но только, чтобы

то и другое распространялось на всѣхъ инородцевъ, какъ крещенныхъ, такъ и не крещенныхъ; иначе, если обратить въ крестьянство однихъ только крещенныхъ инородцевъ: то не будетъ ли это налогомъ за принятіе инородцами христіанской вѣры“? Нѣтъ, мало „налогомъ“, вѣриѣе выраженіе приснопамятнаго Иннокентія въ вышеприведенномъ его письмѣ—„наказаніемъ“ за принятіе вѣры во Христа Спасителя рода человѣческаго.

Но настанетъ когда-нибудь часъ общаго нашего прозрѣнія, особливо на нашъ мусульманскій міръ, съ которымъ, по словамъ Иннокентія, „мы должны считаться болѣе, чѣмъ съ другими нашими инородцами“, на что и приводилъ (какъ это выше изложено) достаточныя причины. Да, думаемъ, что настанетъ. Этотъ міръ, благодаря и официальнымъ даннымъ, и свѣдѣніямъ, сообщаемымъ частными лицами, теперь уясняется для насъ и особенно становится яснымъ съ тѣхъ недавнихъ годовъ, когда наши мусульмане, принявши вѣру во Христа, цѣлыми тысячами стали переходить и увлекать другихъ крещенныхъ инородцевъ въ магометанство, не смотря на то, что имѣли и церкви, и школы, и богослуженіе на ихъ природномъ языкѣ, и что переходъ этотъ, а тѣмъ болѣе совращеніе запрещаются нашими законами. Въ настоящее время мы имѣемъ достойнѣшаго ревнителя-члена нашего миссіонерскаго общества въ лицѣ Е. Н. Воронца, который своими многочисленными трудами открылъ намъ всю ложь лжепророка и то состояніе, въ которомъ находятся послѣдователи его по отношенію къ русскому правительству и народу, и своими трудами подтвердилъ взглядъ на нихъ дальновиднаго Иннокентія. Дѣлаемъ выписку изъ 2-го выпуска его трудовъ: „Матеріалы для изученія и обличенія мухамеданства, 1877 г.“.

„Эта всеразрушающая, чудовищная, челоѣконенавистная религія въ нашемъ православно-христіанскомъ отечествѣ, въ наши челоѣколюбивые дни снова является наступательною и, повидимому, одаренною распространительною силою. Обильное у насъ мечетями и школами, сильное, стойкое фанатичнымъ единодушіемъ своихъ послѣдователей и многочисленностію своего духовенства, мухамеданство является не столько въ качествѣ религіи терпимой, которой подобаетъ смиреніе, сколько

въ качествѣ религіи воинствующей и постоянно стремящейся къ новымъ завоеваніямъ“¹⁾). Нѣсколько-милліонное мухаммеданское населеніе европейской Россіи не довольствуется терпимостію христіанско-русскимъ правительствомъ его вреднаго суевѣрія, но, составляя фанатичною обособленностью своей религіозно-бытовой жизни въ русскомъ государствѣ крайне враждебное христіанской Россіи же разрушительное государство, всѣми силами постоянно стремится отвлечь отъ христіанства и всего русскаго и привязать къ убійственному мухаммеданству цѣлыя населенія крещенныхъ восточныхъ инородцевъ русскихъ. Оказываясь сами косными и упорными въ заблужденіяхъ своей религіи, мухаммедане, сверхъ того, стараются со- вратить въ нее инородцевъ, принявшихъ христіанство, и употребляютъ для этого всѣ средства систематической пропаганды²⁾, весьма сильно развитой не только въ муллахъ, но и въ каждомъ послѣдователѣ Ислама. — Вотъ то крайне важное обстоятельство, — важное не только съ религіозной, но и съ государственной точки зрѣнія, — на которое необходимо обратить особенное вниманіе всему православно-русскому обществу, чтобы мертвенное мухаммеданское лжеученіе не оказывало въ нашемъ искренне-христіанскомъ отечествѣ фальшивой жизненности, къ какой безнадежно оно даже въ государствахъ мусульманскихъ“.

Въ другомъ своемъ трудѣ почтенный этотъ ревнитель свѣдѣла говорить:

„Пора же русскому государству, въ лицѣ всѣхъ его представителей, повернуться къ своей славной многовѣковой исторіи и вспомнить, что не наука, — какая бы то ни была мірская наука, — не просто просвѣщеніе, какими бы то ни было мірскими знаніями, — не просто школы, съ какими бы то ни было методами и системами, — не иностранные подданные, служащіе Россіи только за деньги или по прочимъ только внѣшнимъ побужденіямъ, — не иновѣрцы православно-русской церкви обру- сели, объединили, слили внутренно и внѣшне, духовно и ви-

¹⁾ Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1867 года, № 4, стр. 76, часть 134.

²⁾ Извѣщеніе изъ военн. отчета Оберъ-Прокурора Св. С. 1872.

димо, тѣхъ инородцевъ государства русскаго, которыхъ инородчество можно видѣть и возстановить теперь только въ древнихъ историческихъ документахъ. Нѣтъ. Это крѣпкое бытовое, величественное государственное созданіе вездѣ, во всѣхъ и непримѣтныхъ уголкахъ великой Россіи, совершило, какъ прежде, такъ и нынѣ совершить можетъ одно только православное христіанство. Да, истинный созидательный, славный духъ и всѣ дивныя обстоятельства нашей родной русской исторіи, древней и новой, убѣдительно всѣхъ, чуждыхъ намъ, произвольныхъ западныхъ теорій, краснорѣчиво и неумолимо свидѣлствуютъ и даютъ основательную надежду въ томъ, что и нынѣ если будетъ учреждена въ восточныхъ областяхъ Россіи прямая, полная, церковная, противомухаммеданская, христіанская миссія, только въ такомъ случаѣ инородцамъ этихъ областей — быть русскими!“

Но вотъ что говорится въ сердцѣ русской земли:

„Великая государственная власть Россійской имперіи (въ лицѣ ея мѣстныхъ органовъ) отождествила себя съ магометанствомъ и примѣшала къ нему свою силу. Какъ на западныхъ окраинахъ имперіи русское правительство принимало образъ нѣмецкаго и польскаго, такъ въ восточныхъ областяхъ оно усвоило себѣ характеръ татарско-магометанскаго и дѣйствовало въ подрывъ и своей національности и своему государству, какъ могли бы дѣйствовать лишь его злѣйшіе противники... Между казанскими татарами, подъ православною русскою державою образовался пламенѣющій очагъ магометанства: цѣлыя населенія, доселѣ считавшіяся православными, переходятъ въ исламъ и (русско-христіанская) церковь видитъ себя лишенною самыхъ необходимыхъ средствъ для поддержанія своихъ учреждений... Подумаешь, что со славою возстаетъ, павшее за три столѣтія предъ симъ, дикое (и всегда столь враждебное Россіи) царство татарское!“¹⁾.

Но можно ли иное что ожидать отъ нашихъ магометанъ, когда заповѣдь ихъ лжепророка, — заповѣдь на тысячи ладовъ проповѣдуемая ихъ многочисленнымъ духовенствомъ, гласитъ: „невѣрные тѣ, которые говорятъ, что Мессія, Иисусъ, сынъ

¹⁾ Передовая статья № 101 «Моск. В.», 1867 г.

Маріи, Богъ. О, вѣрующіе! когда вы встрѣтите невѣрныхъ, убивайте ихъ вездѣ, пока они не сдѣлаются мусульманами, и Богъ осыпетъ васъ благодѣяніями, вы будете счастливы. Убиваете же ихъ не вы, а Богъ; когда бросаешь копье, не ты бросаешь, это Богъ. О, вѣрующіе! не показывайте трусости, не призывайте невѣрныхъ къ миру и не избирайте друзьями жидовъ и христіанъ“.

И послѣ такой заповѣди еще находятся у насъ защитники магометанства! да и сколько ихъ, благодаря нашей разнузданности и грубѣйшему космополитизму!

Изъ всего переданнаго мною нельзя не убѣдиться, что вышеприведенный взглядъ именитаго іерарха русской церкви Иннокентія на нашихъ инородцевъ былъ совершенно вѣренъ, и что, повидимому, только теперь обнаружился язва на русскомъ тѣлѣ, ради которыхъ такъ болѣло сердце этого честнѣйшаго сына русской земли, истиннаго отчизнолюбца. Весь благомыслящій русскій народъ видитъ эти язвы, видитъ, что мы не мало держимъ змѣй въ нашихъ пазухахъ; но примемъ-ли мѣры, чтобы онѣ, эти змѣи, были не ядовиты? Про то вѣдаетъ Богъ.

Ближе къ Иннокентію, конечно, были крымскіе татары, и онъ вполне понималъ ихъ. Крымская война и отчасти наша послѣдняя съ Турціей воочию показали, можетъ ли Россія называть этихъ инородцевъ своими вѣрными сынами. Въ оныя времена, изъ Крыма все взоры татаръ были устремлены къ Стамбулу, на правовѣрнаго падишаха, за котораго, конечно, и возсылались горячія молитвы¹⁾. При рѣшительномъ успѣхѣ турокъ и ихъ союзниковъ въ Крыму, можно сказать со всею правдою, что крымскіе мусульмане съ ножами бросились бы на исповѣдающихъ Христа Распятаго, не разбирая вѣроисповѣданій. Такова вышеприведенная заповѣдь Корана. Выселеніе огромными массами татаръ изъ Таврической губерніи въ предѣлы Турціи послѣ Крымской войны, самымъ яснымъ образомъ доказываетъ, насколько они не любятъ Россіи. И напрасно удержали ихъ отъ поголовнаго выселенія, которое такъ

¹⁾ Архипастырь Иннокентій даже съ церковной кафедры говорилъ объ измѣнѣ татаръ въ Крымскую войну.

Авт.

желательно было имъ, и которое должно бы быть желательнымъ и намъ. Бывшій въ то время генераль-губернаторъ юга Россіи, графъ А. С. Строгановъ понималъ это дѣло своимъ свѣтлымъ умомъ; но едва ли унаслѣдованное пристрастіе къ татарамъ сына именитаго князя, т. е. С. М. Воронцова, не было главной помѣхой этому дѣлу, которое имѣетъ на уязвимой нашей окраинѣ не маленькую важность. Въ прошедшую войну, конечно, нельзя было и думать о высадкѣ турокъ въ Крымъ; но мы держали здѣсь цѣлый корпусъ, съ корпуснымъ командиромъ, любимцемъ татаръ, княземъ С. М. Воронцовымъ.

Сообразивши сказанное Иннокентіемъ назадъ тому безъ малаго 35 лѣтъ съ событіями позднѣйшаго времени, нельзя не признать вмѣстѣ съ покойнымъ нашимъ историкомъ М. П. Погодинымъ, что Иннокентій былъ не только одинъ изъ именитыхъ іерарховъ русской церкви, но и „государственный человѣкъ, который въ затруднительныхъ обстоятельствахъ всегда могъ подать благой совѣтъ и указать на новыя стороны вопроса“¹⁾. Не можетъ подлежать и малѣйшему сомнѣнію, что, имѣя такой глубокой умъ, такой свѣтлый взоръ, такое пламеннѣющее къ добру сердце, Иннокентій другимъ раскрывалъ большія глубины души своей,—тѣмъ другимъ, которые болѣе чѣмъ я—заслуживали того по большому довѣрію и по болѣе подготовительности къ бесѣдамъ этого глубокаго мыслителя. Но гдѣ эти бесѣды? Можетъ быть, нѣкоторыя и хранятся въ живой памяти; но другія, безъ сомнѣнія, скрыла отъ насъ могила. Жаль, но почему же такъ дѣлается у насъ? Почему мы не стараемся, чтобы современные свѣтильники горѣли и для нашего потомства? Исторія — училище народа. Есть и прямые отвѣты на эти вопросы, но нельзя ли отвѣтить и такими соображеніями: не представляются ли намъ истины глубокихъ мыслителей очень простыми, обыкновенными? Мнѣ не разъ приходилось слышать отъ слушавшихъ Иннокентія или бывшихъ питомцевъ его, что онъ обладалъ необыкновенною способностію самымъ отвлекая истины упростить, придать имъ, такъ сказать, осязательный образъ или форму; заставить слушателя сказать себѣ: какъ это просто, и какъ я

¹⁾ Вънокъ на могилу Иннокентія М. Погодина.

самъ не додумался до такихъ простыхъ вещей! Такимъ образомъ, не рѣдко чужія мысли и чувства, нами во всей полнотѣ усвоенныя, какъ бы дѣлаются собственными нашими, и намъ не представляется надобности „записывать ихъ на чужой счетъ“. Можно думать, что въ глубинѣ нашего духа истины ума, высокія чувства сердца лежатъ какъ бы чая пробужденія. Дается толчекъ извиѣ, и скрытое въ глубинѣ возстаетъ, развивается и сливается съ существомъ нашего духа. Не на этомъ ли основаніи высочайшія истины Евангелія и вся полнота христіанской любви усваиваются даже младенцами? Я своєю мнѣю мысли на то, что многое, самое высокое въ данной высокой личности, вслѣдствіе нашей удобопріемлемости этого высокаго, иной разъ не только не представляется намъ таковымъ, но даже чѣмъ-то обыденнымъ, простымъ, какъ бы и не заслуживающимъ нашего вниманія. Вотъ въ державныхъ рукахъ Великаго Петра топоръ; великій преобразитель народа, занявшаго чуть не половину Европы и Азіи,—плотникъ, и иногда ходитъ въ штопанныхъ чулкахъ. Топоръ, штопанные чулки—какія обыкновенныя вещи! Но не выше ли становится этотъ исполнѣ среди владыкъ земныхъ съ топоромъ, какъ плотникъ, въ штопанныхъ чулкахъ, какъ бѣдный чернорабочій? И благо, что нашлись добрые люди, записавшіе такія простыя вещи. Послѣ нашего приснопамятнаго Митрополита Филарета, этого орла православной русской церкви, осталось не мало достойнѣйшихъ пенцовъ, украшающихся сѣдинами мудрости; и нѣкоторые изъ нихъ говорили мнѣ, что чѣмъ теперь дальше отходить отъ нихъ эта гениальная личность, тѣмъ она выше становится въ ихъ глазахъ; многое въ ней при жизни казалось обыкновеннымъ и простымъ, даже сама она не представлялась какою-то подавляющею величиною; но теперь, когда иное припоминается, а другое, записанное или самимъ почившимъ святителемъ, или другими, собирается и передается свѣту,—образъ Филарета дѣйствительно окружается однимъ изъ тѣхъ свѣтлыхъ ореоловъ, которые доставались очень немногимъ среди человѣчества. Думается мнѣ иной разъ: едва ли мы наше лучезарное и благотворное солнце не болѣе цѣнимъ тогда, когда оно и не свѣтитъ, и не грѣетъ, ночью, или когда его закрываетъ отъ насъ темная туча. Не на этомъ-

ли основаніи мы каждый разъ невольно радуемся, когда оно восходитъ или проглянетъ изъ-за тучи? Не болѣе ли цѣнятся нами историческіе свѣтильники, когда скроетъ ихъ отъ насъ мрачная могила?

Но къ чему все это сводится? Старикамъ позволительно дѣлать наставленіе. Да, если мы въ свое время дѣлали ошибки, не умѣя надлежащимъ образомъ цѣнить выдающіяся личности, если мы были равнодушны къ ихъ высокимъ дарованіямъ, мыслямъ и словамъ: то пусть слѣдующія за нами поколѣнія будутъ умнѣе насъ, и передаютъ слѣдующимъ за ними поколѣніямъ доблести духа своихъ современниковъ. Эти доблести—достояніе исторіи, уроки для потомства. Онѣ служатъ связующими звѣньями той исторической цѣпи, которая проходитъ чрезъ прошедшее, настоящее и будущее даннаго народа, и даетъ ему устойчивость и крѣпость.

Пшла свои воспоминанія о великомъ іерархѣ православной нашей церкви, могу-ли я сказать, что „нѣсть, яко же прочіе чловѣцы?“ Благодареніе Богу! его не забыли русскіе люди и не перестаютъ собирать новые лучи, чтобы освѣтить новымъ свѣтомъ эту свѣтлую личность. Можетъ быть, и мои пскорки пригодятся для этого свѣта; но я, все-таки, долженъ сказать, что и я почти какъ многіе чловѣцы: то ли-бы было, если бы въ свое время было записано все, что лично слышаль я отъ именитаго Иннокентія и что говорили мнѣ о немъ другіе, болѣе чѣмъ я, знавшіе его. Но увы! иные изъ нихъ или уже сошли въ могилу, или она близка имъ. А могила такая бездна, изъ которой ни одинъ лучъ не доходитъ до насъ.

6 сентября въ чудной Алушкѣ для меня ничѣмъ особеннымъ не ознаменовалось, или иначе сказать: я почти не видѣлъ моего возлюбленнѣйшаго владыки. Онъ былъ занятъ гостями. Начиная съ князя и княгини у владыки перебивали всѣ собравшіеся въ Алушку почетные гости. Я, конечно, не присутствовалъ при этихъ посѣщеніяхъ, но знаю по другимъ случаямъ и по слухамъ—какою необычайною находчивостію владѣлъ этотъ именитый архипастырь. Всякій ждалъ, что онъ скажетъ, и сказанное постоянно носило на себѣ печать свѣтлаго, подчасъ оригинальнаго, остраго ума. Иное слово Иннокентія переходило отъ одного къ другому какъ драгоценная

жемчужина. И въ этотъ день владыка обѣдалъ съ княземъ и княгинею и прочими болѣе почетными гостями. Только въ сумерки, отдохнувши, онъ взялъ меня съ собою для прогулокъ. Мы ходили по безлюднымъ тропинкамъ, подходили къ морю, гдѣ владыка, прислушиваясь къ тихому плеску волнъ морскихъ или гдѣ-нибудь къ грохоту ихъ о скалы, молчалъ по нѣсколько минутъ. Помню, послѣ одного изъ этихъ молчаній, какъ бы невольно вырвались изъ груди его слова: „если у моря такія дивныя пѣсни, то каковы онѣ у неба или на небѣ!“ Во время этой прогулки, длившейся болѣе трехъ часовъ, владыка не рѣдко заводилъ рѣчь о русскихъ задачахъ въ духѣ православія и нашей исторіи. Признаюсь, мнѣ, не очень давно оставившему школьную скамью, и не думавшему ни о чемъ, кромѣ школьныхъ предметовъ, почти и не приходило въ голову, что есть другой міръ, кромѣ школы. Я чувствовалъ, какъ расширялся мой кругозоръ, какой толчекъ дается моимъ мыслямъ и сердцу; я началъ сознавать, что на мнѣ лежитъ и другая обязанность—обязанность члена великой русской земли. О, да услышитъ добрая душа твоя, незабвенный для меня святитель, какою благодарностію къ тебѣ наполнено мое сердце и до сего дня! Съ этою благодарностію я встрѣчу тебя и „тамъ“, если буду тамъ, гдѣ ты!...

Снова повторяю: прошло безъ малата 35 лѣтъ, какъ я слышалъ поучительныя для меня рѣчи Иннокентія, и какъ многое въ это время измѣнилось! Нынѣ школьникъ высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній знаетъ то, что я въ первый разъ услышалъ отъ Иннокентія, вступивши уже въ возрастъ мужа. Но и откуда было узнать о томъ, что творится на русской землѣ и какія у нея задачи? Сколько въ то время было газетъ, и что было дозволено писать въ нихъ? А съ другой стороны, кажется, мы всѣ, учившіеся въ сороковыхъ и ранѣе годахъ, можемъ засвидѣтельствовать, что наша юность оставалась болѣе вѣрною школь, что политика, которую не безъ основанія нѣкоторые называютъ блудницею новаго времени, не занимала насъ; мы не были чужды юношескихъ увлеченій и проступковъ, но эти увлеченія и проступки не касались строя общественнаго и еще менѣе государственнаго: то была слабость, платив-

шая дань той юности, которой она одной и принадлежала. Смотри на современное юное поколѣніе и сравнивая съ нимъ наши юношескіе годы, замѣчаешь огромную разницу: мы какъ то хотѣли долѣе оставаться въ этомъ возрастѣ; намъ какъ-то не нравилась жизнь слѣдующаго возраста, въ который человѣкъ поступаетъ въ тяготу жизни. Да, нынѣ спѣшать жить, и школьникъ 14—16 лѣтъ вступаетъ въ сужденія и о ви́шней политикѣ, и о внутренней. Преуспѣяніе ¹⁾ ли это? Преуспѣяніе ли и то, что современная печать попадаетъ въ руки лицъ, не имѣющихъ ни умственнаго, ни образовательнаго, ни нравственнаго знака (ценза), и пользуется такою свободою, что подрываются всѣ законы, и божескіе, и человѣческіе, и религія, и совѣсть, и правда, и семейный строй, и государственный? Не мѣсто здѣсь отвѣчать на эти вопросы; но не лишнимъ считаемъ замѣтить, что въ прежнія времена крѣпче были узы семьи — этой первоосновы общественнаго и государственнаго строя и союза, и что прежнюю молодость, не спѣшившую все знать и обо всемъ разсуждать, не ссылали въ каторжныя работы, не вѣшали. Мы помнимъ время, когда отцы и матери даже средняго класса отправляли дѣтей въ школу даже со слезами; помнимъ, какъ эти рыданія миновались или казались смѣшными; но потомъ опять наступило время слезъ и рыданій—это время недавнее, прослывшее смутнымъ,—время, въ которое отцы говорили: не знаемъ куда и отдавать дѣтей; какъ разъ увлекутся влѣніемъ проклятаго новаго времени! Благодареніе Господу, висѣвшая чернѣй ночи мрачная туча надъ русской землей видимо разсѣвается; молодежь наша понимаетъ прямое свое назначеніе, и тяжелый камень съ родительскаго сердца сваливается. О, если бы злой демонъ вновь не ввелъ насъ во искушеніе!

Возвратившись въ нашъ домикъ, владыка объявилъ мнѣ, что онъ завтра, т. е. 7, оставляетъ гостепріимную Алушку, беретъ меня съ собою, покажетъ мнѣ дивныя красоты Крыма съ вершины Чатырдага, чему, конечно, я несказанно обрадо-

¹⁾ Выражаясь современнымъ языкомъ, я долженъ бы сказать: прогрессъ ли это и т. д. Но я боюсь оскорбить праведную тѣнь именитаго русскаго витія, который терпѣть не могъ иностранныхъ словъ, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

вался, съ теплою любовію облобызавъ благостную десницу, и невольно задалъ себѣ вопросъ: чѣмъ я заслужилъ подобную милость или любовь? Но, благосклонный мой читатель, такова высшая добродѣтель сердца! Для нея не нужны заслуги или услуги; она расточаетъ свои сокровища не зря на лицо, и что дѣлаетъ для другихъ, не „ищегъ своихъ“ (Корин. XIII. 5), памятуя завѣтъ божественнаго Евангелія: „аще цѣлуете други ваша токмо, что лишне творите“ (Матѣ. V, 47).

IV.

Выѣздъ изъ Алупки.—Массандра.—Газели.—Моисей и геологи.—Злословіе.— Аюдагъ и мысли Иннокентія о водныхъ токахъ.—Почлегъ въ Алуштѣ.— Крымскія горы на дачѣ Иннокентія.—Путешествіе къ Космодамиановскому источнику.—Природа этого урочаща по Иннокентію.—Святые Крыма, возстановляемыя Иннокентіемъ.—Состояніе ихъ въ настоящее время.—Что думала и думаетъ толпа извѣстнаго направленія объ Иннокентіи, какъ возстановитель святыхъ Крыма.

Сентября 7 проснулся я ранѣе владыки и мнѣ не много взгрустнулось, хотя я и былъ въ очаровательномъ Крыму и съ дивнымъ по уму и сердцу Иннокентіемъ. Это день моего ангела; я на чужбинѣ и нѣтъ родственной или товарищеской души около меня. Въ 9 часовъ владыка зоветъ меня къ себѣ, когда уже были готовы лошади или экипажи—для Иннокентія карета, для меня дрожки. Вхожу я, владыка благословляетъ меня и, взявши обѣими руками довольно почтенныхъ размѣровъ корзинку съ самыми разнообразными плодами, говоритъ: это прислала мнѣ княгиня, а я тебѣ дарю. Я не могъ удержаться отъ избытка благодарныхъ слезъ и не могъ не сказать: можетъ-ли быть драгоценнѣе подарокъ имениннику?—Въ самомъ дѣлѣ, нынѣ наша церковь празднуетъ память святителя Новгородскаго Іоанна, — сказали владыко. Какъ это кстали пришло. Но глядя на эти прекрасные плоды, не забывай: не можетъ древо добро плоды злы творити, ни древо зло плоды добры творити (Матѣ. VII, 18). А дальше, что? — Я отвѣтилъ: всяко древо, еже не творитъ плода добра, посѣкаютъ е и въ огонь вметають (Матѣ. VII, 19). — О, какая страшная гроза! Какой громъ! какая молнія! — ска-

заль владыка и сталъ собираться къ выходу. Я думаю, что совершенно не лишнимъ будетъ прибавить, что всѣ плоды, присланные владыкѣ, сама княгиня выбрала и собственными руками уложила въ корзину. Это было передано слугою князя прислугѣ владыки, можетъ быть, съ цѣлію, чтобы любезность княгини къ знаменитому архипастырю была извѣстна ему. Дѣйствительно, княгиня Е. К. глубоко уважала Иннокентія; но когда лишилась своего знаменитаго супруга, когда всѣмъ сердцемъ почувствовала невознаградимую для себя потерю, она единственную для себя отраду находила въ Иннокентіи: то былъ для нея и нѣжнымъ отцомъ, и искреннимъ другомъ. Опъ открылъ ей истинный источникъ утѣшенія—въ молитвѣ за усопшаго друга и въ дѣлахъ благотворенія. Сколько мнѣ помнится, княгиня ежедневно (по крайней мѣрѣ въ первый годъ по смерти князя) бывала у литургіи въ соборѣ, молясь надъ могилою своего супруга. Княгиня Е. К. своими благотвореніями оставила по себѣ вѣчную память въ Одессѣ; въ извѣстные дни недѣли она исполняла всѣ обязанности сестры милосердія въ богадѣльнѣ покойнаго А. С. Стурдзы; но многое, ею сдѣланное и дѣланное, совершалось по совѣту или съ благословенія такъ глубоко-чтимаго ею архипастыря Иннокентія. То былъ истинно первый ея совѣтникъ, которого одного она только и посѣщала, совершенно отказавшись отъ свѣта. Въ послѣдствіи мѣсто Иннокентія для княгини заступилъ достойнѣйшій преемникъ его, приснопамятный архипастырь Димитрій.

Путь нашъ лежалъ черезъ Ялту, гдѣ владыка останавливался на самое короткое время. Онъ заходилъ въ церковь, помолился тамъ; осмотрѣлъ что нужно и вышелъ. Открытое море, отливавшее то расплавленнымъ золотомъ, то изумрудной синевой; бѣлѣвшіе вдали паруса судовъ; причудливое очертаніе величавыхъ горъ, какъ-будто подернутыхъ нѣжною голубоватою дымкой, видимо отразились на впечатлительной душѣ Иннокентія, такъ любившаго и величавыя, и самыя скромныя красоты Божьяго свѣта. Какое прекрасное мѣсто, сказали онъ, занимаетъ этотъ храмъ. Стоя, и окрестъ его можно молиться и славословить Творца. Но гдѣ народъ, который молился бы здѣсь? Скоро-ли русскіе люди поймутъ, что у нихъ есть своя благо-

датная Италия. Нашъ южный берегъ Крыма могъ бы быть для болѣющаго русскаго народа и „овчею купелью, и сплломомъ“, конечно при той силѣ, которая немощная врачуетъ и оскудѣвающая восполняетъ.

Въ Массандрѣ владыку ждала прислуга князя, одѣтая въ парадную форму, и доложила, что, по приказанію княгини, приготовленъ завтракъ, которымъ мы и воспользовались. Это имѣніе князя болѣе нравилось Иннокентію, чѣмъ Алупка. Дѣйствительно, Массандра одинъ изъ прекраснѣйшихъ уголковъ южнаго берега Крыма. Здѣсь всюду зелень; нѣтъ безжизненныхъ утесовъ или обрывовъ горъ; есть долины, покрытыя густою, яркою зеленою луговой травой, съ разбросанными по ней кущами разнообразныхъ деревьевъ и кустарниковъ.

— Пойдемъ внизъ, сказалъ владыка, я покажу тебѣ газелей, которыхъ ты, конечно, не видывалъ.

Мы пошли; дошли до волнистой луговины, окаймленной лѣсными деревьями, и увидѣли не малое число гизелей, изъ которыхъ нѣкоторыя, гордо выпрямивши свой легкій станъ, смотрѣли на насъ своими свѣтлыми и добродушными глазами.

— Я каждый разъ, сказалъ владыка, проѣзжая чрезъ Массандру, иду любоваться этими прекрасными созданіями. Посмотри, сколько беззаботности и кротости въ этихъ глазахъ! Какъ благодарно смотрятъ они на свѣтъ Божій! У нихъ, видимо, совѣсть чиста. Онѣ не подавлены житейскими хлопотами и дразгами. Имъ не много нужно: чистый воздухъ, травка, свѣжая водица; а одеждою на всю жизнь онѣ запаслись еще въ утробѣ матерней. И какъ грубъ и гордъ человѣкъ! Какъ часто во зло употребляетъ свое господство надъ тварью! Убивать этихъ или подобныхъ имъ кроткихъ созданій, — убивать не по нуждѣ, а по одной прихоти, показать свою ловкость въ стрѣльбѣ — не грубость-ли это? не злоупотребленіе-ли властію, данною отъ Творца? Въ Испаніи до сихъ поръ любятъ боемъ съ быками, упиваются кровію этихъ благодѣтельныхъ для человѣка животныхъ, и весь свѣтъ осуждаетъ испанцевъ за любовь къ этимъ кровавымъ зрѣлищамъ. Но далеко-ли отъ испанца стоитъ тотъ, который, тоже ради потѣхи, убиваетъ ни въ чемъ неповинныхъ животныхъ, напр. этихъ ласточекъ, которые порхаютъ вокругъ насъ? О, намъ еще нужно очищать чувства,

чтобы иными глазами зрѣть на міръ Божій. Не мало уже на исторической памяти вымерло животныхъ и нѣкоторыя изъ нихъ истреблены человекомъ. Придетъ время, когда льва, слона, оленя или эту газель будутъ изучать по картинкамъ, какъ мы изучаемъ по скелетамъ и оттискамъ древнѣйшій міръ растений и животныхъ.

Владыка замолчалъ; его, видимо, занимала игривая бѣготня молодыхъ газелей. Онъ нѣсколько разъ улыбался и вдругъ какъ бы очнувшись, спросилъ: вамъ преподавали геологію? ты читалъ геологическія сочиненія? Чему ты теперь вѣришь: геологіи или бытописанію Моисея? Современные геологи осмотрѣли чуть-ли не всю кору земнаго шара, спускались на значительныя глубины въ нѣдра земли и, къ удивленію своему, нашли ту же постепенность въ твореніи, какая описана и въ книгѣ Бытія. Но какъ могъ, конечно не съ такими подробностями, но то же самое написать Моисей? Положимъ, онъ изучилъ премудрости египетскихъ мудрецовъ; но могли-ли эти мудрецы дойти до тѣхъ познаній, до которыхъ дошли современные геологи, ознакомившіеся съ оболочкою земнаго шара? По одному Египту, этому сравнительно небольшому и однообразному лоскуту земли, нельзя было добраться до такихъ истинъ. Пусть что ни говорятъ наши ученые люди, а они не могутъ не согласиться, что Моисею твореніе міра было открыто свыше.

Владыка снова замолчалъ; его взоръ не переставали останавливать на себѣ игривыя газели; и снова обращается ко мнѣ съ вопросами, на которые, впрочемъ, онъ не ждалъ отвѣтовъ: ты вѣришь, что наша планета старѣетъ, что со временемъ все какъ риза обветшаетъ? Я вѣрю. Кажется, и великій Лапласъ былъ той же вѣры. Ледовитыхъ океановъ не было на нашемъ шарѣ; въ самыхъ сѣверныхъ широтахъ была такая же, если еще не роскошнѣе, растительность, какая теперь находится только между тропиками. Гдѣ исполинскіе мамонты? гдѣ чудовичные ихтиозавры и плезиозавры? Не все-ли мельчаетъ? А человѣкъ тотъ-ли, съ тою-ли стадіею лѣтъ, какимъ онъ описанъ въ Библии и какимъ находятъ его въ доисторическихъ могилахъ? Думаешь-ли ты, что человѣкъ останется навсегда при теперешнихъ физическихъ силахъ? не сократится-ли еще вѣкъ его? и не скажетъ-ли онъ о себѣ: еще въ силахъ двадцать, множае

тридцать лѣтъ? Не будетъ-ли плоть истощена работами мозга, т. е., умственнымъ трудомъ? Да самая тѣснота на земномъ шарѣ, а съ другой стороны жажда сильныхъ, а слѣдовательно и болѣе ослабляющихъ нервную систему ощущеній, — не доведутъ-ли человѣческій родъ до истощанія? Не испорчены-ли зубы у нашего угонченнаго общества? Можетъ-ли истершійся жерновъ дать хорошую муку? Можно-ли изъ худой муки испечь питательный, удобоваримый хлѣбъ? Сколько вопросовъ, которыхъ теперь никто не возьмется рѣшить изъ разума, изъ началъ наукъ; но небо и земля прейдутъ; изъ слова же Божія іота едина не преидеть, а оно гласитъ: вся яко риза обетпалютъ. — Однако, время ѣхать.

Для перемѣны лошадей мы остановились въ третьемъ имѣніи князя М. С. Воронцова — Ай-данилѣ, въ свое время прославившемся своимъ шампанскимъ. Помню и станціонный домикъ, и всю обстановку этой станціи, посившіе въ то время печать благоустройства и даже изящества; и помню, въ какомъ видѣ все это я нашель спустя, послѣ смерти князя, лѣтъ черезъ пять или шесть: тамъ крыши не доставало; здѣсь одно подгнило, а другое покосилось.

Владыка пріѣхаль на станцію нѣсколькими минутами ранѣе меня; но только я вышелъ изъ своего экипажа и подошелъ къ нему; какъ изъ-подъ горы, изъ кущи зелени, несутъ на серебряномъ подносѣ бутылку Ай-данилѣ и два стакана. Вино налили и владыка, взявши стаканъ и обратившись ко мнѣ, сказалъ: за здоровье имянинника! желаю, чтобы ты былъ здоровый работникъ! Не смѣю думать, что вино было принесено по приказанію владыки собственно по случаю моихъ именинъ; а если такъ, то невольно подивившись неисчерпаемой нѣжности этого сердца; скорѣе надобно полагать, что Ай-данилѣ явился сюда по распоряженію княгини или самаго князя, который гордился своимъ виномъ. Владыка выпилъ полный стаканъ, остальное велѣлъ допить мнѣ. Не разъ случалось мнѣ обѣдать съ Иннокентіемъ, или у него на званыхъ обѣдахъ, или въ другихъ домахъ; но это былъ единственный случай, когда я видѣлъ, что онъ выпилъ цѣлый стаканъ вина, хотя и легкаго. Обыкновенно онъ пилъ небольшую рюмку одного изъ такъ называемыхъ крепкихъ винъ, напр., хереса. Но стоитъ-ли та-

кую ничтожную черту вносить въ характеристику именитаго мужа? Стоитъ, благосклонный читатель, чтобы не дать повода злословію чѣмъ нибудь омрачать подобныя свѣтлыя личности. Нашъ Великій Петръ любилъ ассамблеи; но если бы въ свое время было записано, сколько разъ онъ былъ зѣло навеселѣ, то, конечно, грѣшный нѣмецъ Веберъ, въ своемъ „руководствѣ для среднихъ учебныхъ заведеній“, переведенномъ и на нашъ языкъ для поученія російскаго юношества, о просвѣщеніи котораго столь заботится и русская цензура, — не назвалъ бы этого исполнина среди человѣчества „пьяницей и всѣмъ преобразованія его совершенными подъ пьяную руку“. Приснопамятный преемникъ Иннокентія, архіепископъ Димитрій, былъ мужъ по истинѣ высокаго христіанскаго благочестія, но гнусная клевета и въ этой свѣтлой личности хочетъ найти черное пятно, якобы она была подвержена тому недугу, которому подвергаются иные мужи науки. Эту гнусную ложь намъ приводилось слышать здѣсь, въ Москвѣ, и не единожды, и не дважды, и не отъ кого нибудь... Про другаго нашего архипастыря тоже говорили, что у него „постоянное разлитіе Нила“. Не мало лжи въ наше изолгавшееся время, начавшее мѣшать съ грязью все православное русское духовенство, пронесли и про другихъ представителей высшей духовной власти; а про великаго патріарха Никона написанъ чуть не цѣлый грязный романъ, яко бы на основаніи историческаго (?) документа.

Читатель, надѣюсь, извинитъ меня за это отступленіе; но мы должны беречь лучшихъ сыновъ родной земли отъ клеветы, иначе у насъ не останется ничего дорогаго, что поддерживало бы наше народное достоинство, нашу вѣру въ себя. Кто знаетъ, если про однихъ самыхъ достойнѣйшихъ архипастырей разносятъ худую молву, какъ о недуговавшихъ самымъ позорнымъ недугомъ, о другихъ, какъ о лихоимцахъ (о чемъ скажется ниже); то что мудренаго, если и на святую личность незабвеннаго іерарха Иннокентія гнусная клевета сплететъ какую нибудь ложь? А гдѣ факты опровергнуть ее? Вотъ почему на современникахъ лежитъ долгъ отмѣчать даже такія черты, которыя на первый взглядъ кажутся мелочными.

Путь нашъ лежитъ на Алушту, гдѣ владыка намѣренъ былъ ночевать, съ тѣмъ, чтобы на другой день поѣхать къ Космода-

мианскому источнику, потомъ взобраться на Чатырдагъ, или Палагъ-гору. А потому мы ѣхали ни гдѣ не останавливаясь, и только на станціи Бююк-Ломбатъ, пока перемѣняли лошадей, владыка сказалъ мнѣ: вотъ этотъ уголокъ южнаго берега Крыма долженъ почитаться самымъ красивымъ; онъ не великъ, но невольно поражаетъ разнообразіемъ картинъ, и картины эти одна привлекательнѣе другой. Видишь ты эту громадную глыбу, какъ будто сползшую въ море? Хотя она одѣта кудрявою зеленою деревью, но вся состоитъ изъ твердыхъ вулканическихъ породъ, преимущественно изъ діорита. Ее называютъ Аюдагомъ, или Медвѣдь-горою. И правда, съ нѣкоторыхъ точекъ зрѣнія она походитъ на медвѣдя, какъ будто пьющаго воду изъ моря или охлаждающагося въ волнахъ его. Гора, какъ ты видишь, въ водѣ, а мы поемъ: на горахъ станутъ воды. Но нѣтъ ли ихъ и тамъ? Смотри, вершины Яйлы кутаются въ водный пухъ. Дивная заведена машина на нашей планетѣ! Медвѣдь-гора дѣйствительно пьетъ морскую воду. Но она-ли одна? Вся земная оболочка пьетъ воду океановъ и морей въ видѣ паровъ, дождей и снѣга; а воды океановъ и морей въ свою очередь пьютъ воды земли, въ видѣ текущихъ рѣкъ, рѣчекъ, ручьевъ, ключей. Такъ-ли по вашему ученому? По Эклезиасту такъ. Но время ѣхать. — Конечно, Иннокентій сообщалъ то, что теперь знаютъ ученики среднихъ учебныхъ заведеній; но такова ли была школа его времени? Очевидно, что все это владыкою пріобрѣтено послѣ, и онъ иногда просто поражалъ разнообразіемъ своихъ свѣдѣній. Военные говорили, что онъ замѣчательный тактикъ; медики съ удивленіемъ отзывались о его свѣдѣніяхъ по физиологій и патологій; мнѣ хорошо извѣстно, что онъ отлично зналъ главныя группы звѣздъ и имѣлъ самыя разнообразныя свѣдѣнія по географіи, по статистикѣ и т. д. Вотъ почему и бесѣды его были такъ занимательны: онъ былъ всею вся и всегда удивлялъ своимъ свѣтлымъ умомъ и массой своихъ свѣдѣній. Вотъ что говоритъ М. П. Погодинъ: „Иннокентій былъ просвѣщенный человѣкъ, стоявшій съ вѣкомъ на равнѣ, для котораго въ области познаній не было ничего не знакомаго; которому геологія была также близка, какъ гомотетика, и анатомія, военное искусство, политическая экономія — извѣстны наравнѣ съ патристикой“. Я еще буду имѣть

случай кое что сказать по этому предмету. Но здѣсь помѣщу нѣсколько строкъ изъ одной статьи, напечатанной мною въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1885 года. Прихожу я къ Иннокентію послѣ несчастнаго дѣла для насъ на Черной... и вотъ что между прочимъ услышалъ отъ него: „Я совершалъ погребеніе адмирала Лазарева. Послѣ погребенія мнѣ показывали всѣ твердыни Севастополя. — Все это прекрасно, сказалъ я, но вы не отсюда должны ждать незваныхъ гостей, а съ южной; для нихъ лазейка къ вамъ изъ Балаклавы. Конечно, доблестные воины въ душѣ даже улыбаются надъ моими словами, но оказалось, что моя была правда“.

Въ Алуштѣ насъ встрѣтили мѣстный священникъ, староста Симферопольскаго кафедральнаго собора, извѣстный паломникъ слѣпецъ Григорій, и еще кое-кто. Съ вечера было сдѣлано распоряженіе, чтобы къ раннему утру, даже къ восходу солнца, было заготовлено нужное количество верховыхъ лошадей съ проводниками, и слѣдовательно всѣ должны ложиться спать и встать пораньше. Разнообразіе впечатлѣній видимо утомило меня и самъ я конечно не проснулся бы. Вхожу ко владыкѣ принять благословеніе. Хорошо ты спалъ? спрашиваетъ онъ меня. — Превосходно! отвѣтилъ я. — А я, братъ, только передъ зарей закрылъ глаза. Пришелъ ко мнѣ одинъ докторъ-французъ, путешествоващій по Крыму. Онъ побывалъ во всѣхъ частяхъ свѣта; многое перечиталъ; рассказы его увлекли меня. — А вы, владыка, говорите по французски? позволилъ я себѣ сдѣлать вопросъ. — Я, сказалъ Иннокентій, свободно могу говорить на этомъ языкѣ по книжному, т. е. такъ, какъ французы не говорятъ, но все очень хорошо понимаю, когда говорятъ другіе. Я вѣдь не изъ высшаго слоя русской земли: тамъ нинѣ чужой языкъ знаютъ лучше роднаго. Но время отправляться. Верхомъ умѣешь ѣздить? — Ыжалъ, хотя и не молодецки. — Я тоже мало ѣздилъ въ дѣтствѣ, но за то, когда приводилось, то любилъ скакать такъ, чтобы духъ захватывало! и какъ Богъ хранилъ меня? Съ нами ѣдетъ слѣпецъ Григорій. Я поручаю тебѣ этого несчастливца, не видѣвшаго и невидящаго свѣта Божьяго. Береги его; да некогда предкнетъ о камень ногу свою, а камней по пути будетъ не мало.

Въ этомъ слѣпцѣ владыка принималъ участіе, конечно, по

христианскому братолюбію. Но, сколько мы знали, были здѣсь и другіе виды. Слѣпецъ Григорій имѣлъ связи съ лицами, оставшимися вѣрными любви и усердію къ вѣрѣ благочестивыхъ нашихъ предковъ. И вотъ, при посредствѣ его, Иннокентій хотѣлъ найти средства создать на Чатырдагѣ—этой коронѣ предполагаемаго имъ русскаго Аѳона — храмъ. Эта мысль очень занимала его, и можно было надѣяться, она осуществилась-бы, если бы смерть не пресѣкла драгоценныхъ дней его. На эту гору онъ думалъ и самъ переселиться на закатѣ дней своихъ. Можетъ быть, это сѣмя, брошенное рукою такого іерарха православной церкви, когданибудь и взойдетъ, какъ уже и взошли нѣкоторыя изъ нихъ. Высокая и своеобразная, выдѣлившаяся изъ хребта Яйлы Палатъ—гора, какъ будто гармонировала съ возвышенною и рѣзко выдѣляющеюся личностію Иннокентія; какъ орелъ, по всей вѣроятности онъ не рѣдко носился надъ вершиною Чатырдага, гдѣ носятся и вьютъ свои гнѣзда могучіе крымскіе орлы. Подтвержденіемъ этого не можетъ-ли послужить и то, что владыка на своей дачѣ насыпалъ холмъ до двухъ сажень высоты, придавши ему очертаніе столь любимого имъ Чатырдага. Онъ часто входилъ на этотъ холмъ, стоялъ на немъ, погружаясь въ свои орлиныя думы. Въ послѣдствіи по любви своей къ крымскимъ горамъ, онъ насыпалъ еще нѣсколько холмовъ, по очертаніямъ напоминавшихъ ему Ай-петри, Ай-василь и т. д. Многіе въ то время называли эти холмы какими-то ребячествомъ, дѣтскими забавами, и по нимъ заключали, что величавый духъ Иннокентія падаетъ, старѣетъ. Правда-ли это? Однажды я пріѣхалъ на эту дачу, какъ разъ въ ту пору, когда была возведена одна изъ крымскихъ горъ. Ходимъ мы по дачѣ; владыка каждый холмъ называетъ по имени. Не утерпѣлъ я, сказалъ: но какую великую задачу вы задаете, владыко, будущимъ археологамъ! Эти холмы будутъ раскапывать и, ничего не найдя, растеряются въ своихъ догадкахъ.— Это правда, отвѣчая владыка, они не найдутъ здѣсь тѣхъ мыслей, которыя наполняли мою душу.

Но если бы эти холмы и недостойны были свѣтлой, широкой души Иннокентія! Пусть то была забава, дѣтская игра въ горки; но можно-ли строго судить за нихъ? Развѣ самые міровые геніи не позволяли себѣ подобныхъ развлеченій, подобнаго от-

дыха отъ крѣпкихъ думъ? Кромѣ горъ, на дачѣ были вырыты и пещеры, напоминавшія Иннокентію столь любимый имъ Кіевъ. Затѣи? Но этого мало. Владыка имѣлъ на дачѣ двѣ или четыре (хорошенько не помню) мѣдныхъ пушки, около фута длины, на колесахъ, какъ есть подобіе настоящихъ пушекъ. Собираются къ нему дѣти-пѣвчіе, и онъ заставлялъ ихъ палить (конечно, холостыми зарядами), и пальба видимо занимала его.— Пусть, говаривалъ, пріучаются къ этому грому; можетъ быть, иному придется и постоять за родную землю, у которой такъ много завистниковъ, что того и гляди надвинутся надъ нами грозныя тучи ¹⁾. Конечно, находились люди, которые и эту невинную игру съ дѣтьми ставили Иннокентію, какъ нѣчто недостойное его. Невольно припоминаются слова Евангелія: пискахомъ вамъ, и не плясаете; плакахомъ вамъ, и не рыдаете (Матѳ. XI 17). Обращаясь снова къ воздвигаемымъ крымскимъ горамъ на одной изъ равнинъ херсонскихъ степей, мы припоминаемъ, что онѣ не только служили притчею смѣхотворства, но и укоромъ Иннокентію, потому что владыка иногда употреблялъ для этой цѣли присужденныхъ къ наказанію церковнослужителей.—А почему бы и не наказывать ихъ этимъ землекопствомъ, вмѣсто дармоѣдничества? Правда, можно бы дать имъ и какой-нибудь производительный трудъ; но если подобныхъ работъ не случалось? А съ другой стороны, мнѣ кажется, что какой-нибудь производительный трудъ не будетъ такъ тяжелою для провинившагося, какъ непроизводительный. Заставьте провинившагося копать грядку или вмѣсто этого толочь въ ступѣ воду, и сомнѣнія быть не можетъ, что послѣдняя работа будетъ тягостнѣе, хотя бы здѣсь расходовалось и меньше физическихъ силъ. А потому смѣло можемъ сказать, что копаніе ямокъ и посадка провинившимися деревьевъ на дачѣ Иннокентія была для нихъ не такъ тяжела, какъ возведеніе крымскихъ горъ. Но довольно объ этомъ. Благо, что теперь и у насъ, на Руси, пришли къ убѣжденію, что нельзя преступниковъ держать на казенныхъ кормахъ безъ работъ.

Какъ сказано было съ вечера, такъ и было исполнено

¹⁾ Это было говорено еще до Крымской войны.
ИННОКЕНТІЙ.

утромъ. Съ восходомъ солнца всадники на татарскихъ лоша-
кахъ тронулись изъ Алушты къ Космодамианскому источнику.
Я подивился, какъ бодро Иннокентій сидѣлъ на своемъ конѣ;
онъ какъ будто приросъ къ сѣдлу. Для характеристики упомяну о
его одеждѣ. Соломенная шляпа, подрясникъ охваченный по-
ясомъ, вышитымъ гарусомъ; стало быть, поясомъ самымъ про-
стымъ. Но какіе пояса были у него? и гдѣ они? Почему бы
не сберечь хоть одного для потомства, какъ берегутся теперь
нѣкоторыя вещи, принадлежавшія патриарху Никону и другимъ?
Поверхъ подрясника, довольно короткаго, была надѣта осо-
беннаго покроя ряса: она едва спускалась за колѣни и имѣла
довольно узкіе (по сравненію съ обыкновенными рясами) ру-
кава. Вообще эта одежда напоминала одежду, въ которой изо-
бражаютъ ветхозавѣтныхъ первосвященниковъ, и въ которой по-
просту всегда ходилъ Иннокентій на своей дачѣ или въ домѣ,
принимая даже близкихъ къ нему лицъ. Не знаю почему, но мнѣ
казалось, что великому мужу шла эта простая одежда, при его
простотѣ обращенія, да и какъ-то думалось, что только Инно-
кентій могъ додуматься до нея: покроемъ остался тотъ, какой
требовался; но здѣсь выигрышь въ движеніяхъ; а все движе-
нія этого пламеннаго мужа отличались необыкновенною живо-
стію (но не суетливостію), хотя въ извѣстныя минуты, при из-
вѣстномъ расположеніи духа, Иннокентій какъ бы любилъ
представлять изъ себя старца, но старца истинно русскаго, съ
говоромъ, даже поговорками народно-русскими, — старца, напо-
минавшаго собою какого нибудь въ простотѣ сердца священ-
ствующаго сельскаго пастыря, или просто старичка-орловца.

Сдѣлаю маленькое отступленіе. Извѣстно, что Иннокентій не
только былъ замѣчательнѣйшій витія, но и чтець. Покойный мой
другъ, нашъ увлекательный бытописатель Н. И. Костомаровъ,
сказывалъ мнѣ, что во время оно „мы ходили ко всеобщей въ
Братскій монастырь слушать, какъ Иннокентій, ректоръ Академіи,
прочетъ шестопсалміе: это было такое же искусство, какъ
Рафаэлю написать мадонну“. Это подлинныя слова Н. И. Косто-
марова, въ которыхъ конечно нельзя не видѣть увлеченія, къ чему
такъ способна была эта теплая и чистая христіанская ¹⁾ душа; но

¹⁾ Извѣщія у меня письма незабвеннаго для меня Н. И. Костомарова,
которые, думаю, скоро появятся въ свѣтъ, покажутъ, что и не безъ основанія

изъ которыхъ также нельзя не видѣть, что Иннокентій былъ
замѣчательнѣйшій чтець ¹⁾. Такъ было въ Кіевѣ, Вологдѣ,
Харьковѣ; но въ Одессѣ иной разъ слушая чтеніе Иннокентіемъ
Евангелія, напр. въ Великій Четвергъ, нельзя было не замѣ-
мѣтить въ послѣдніе годы его жизни, что онъ читалъ тономъ
сельскаго старца-священника. Я думаю, что это было дѣлано
по сложившемуся убѣжденію, что согласно нашимъ преданіямъ,
въ православной церкви возгласы должны быть произносимы
съ растяженіемъ, отчасти на распѣвъ, а равно и чтеніе. Въ
началѣ пятидесятихъ годовъ мы замѣчали, что возгласы и чте-
ніе у владыки Иннокентія были какъ бы отрывчатые, сдѣланные
на говоръ; но въ предсмертные его годы замѣчалось другое, —
именно нѣкоторая пѣвучесть. Для примѣра я укажу на чтеніе
Евангелія о десяти прокаженныхъ мужахъ; по первому чтенію
слова: „не десять-ли очистишася да девять гдѣ?“ — Иннокентій
прямо произносилъ какъ вопросъ, оканчивая слово — „гдѣ“ —
открывисто; а по второму — онъ его растягивалъ на распѣвъ.
Не мало нашлось подражателей изъ іереевъ служить по Инно-
кентіевски, отрывисто; но то, что въ устахъ Иннокентія было
прекрасно, въ устахъ иного подражателя отзывалось нѣкото-
раго рода мужичествомъ, приниженіемъ службы Божіей. Не
замѣтилъ-ли этого архипастырь? и не это-ли было причиною
самому измѣниться во время службы?

Не легкое бремя возложилъ на меня владыка хранить отъ
преткновеній слѣща Григорія, тѣмъ болѣе, что и самъ я былъ
плохой ѣздокъ. Правда, татарскія лошадки удивительно какъ
приспособились къ крымскимъ тропинкамъ, то усѣянными глы-
такъ отозвался о нашемъ историкѣ. Я приготовилъ къ печати мои воспоми-
нанія о немъ, и надѣюсь пролить нѣсколько лучей свѣта на Н. И. Костомарова,
какъ на человѣка и христіанина, можетъ быть, иной разъ и грѣшившаго
по исторіи. Безгрѣшенъ одинъ Богъ. *Авт.*

¹⁾ Въ чемъ я могъ и лично убѣдиться. Однажды ходя съ владыкою Ин-
нокентіемъ по саду, на его дачѣ, слышу вопросъ: Ты не забылъ псалтири? —
Кое-что помню: отвѣчалъ я. — Читай: «Господи, да не яростію твоею обличиши
мене», — но читай не такъ, какъ пономарь, а съ чувствомъ, съ раз-
становкой. — Я прочиталъ, какъ умѣлъ. — Мало, братъ, тебя за уши драть;
вотъ какъ надобно читать. Ну и прочитай! Я не узналъ прочитаннаго мною
псалма, и невольно вспомнилъ слова Н. И. Костомарова, слышанныя мною еще
въ Саратовѣ. Въ настоящее время я въ нѣкихъ церквахъ Москвы читаю
шестопсалміе, подражая Иннокентію, — и говорятъ, что читаю съ чувствомъ, съ
разстановкой, не какъ пономарь.

бами камней, то проложеннымъ по крутизнамъ скатовъ; но все-таки не рѣдко приходилось употреблять содѣйствіе къ правильно-му и успокоительному шествію этого несчастливца. Но тяжесть этого бремени мнѣ особенно была тяжела тѣмъ, что Иннокентій со старостою ѣхали впереди и я не могъ пользоваться его бесѣдою. Мы ѣхали растянувшись гуськомъ. И теперь, когда къ Космодаміанскому источнику стекается множество богомольцевъ, дорога изъ Алушты до него такова, что можно ѣздить только на татарской арбѣ, или на простой крѣпкой русской телегѣ; но въ то время она была доступна почти только для пѣшехода или верхомъ на татарской лошади. Хотя считается въ ней всего до 14 верстъ, но мы ѣхали добрыхъ часа четыре. Первымъ дѣломъ по пріѣздѣ было отслужить молебенъ съ водосвятиемъ святымъ Безсребренникамъ. Священникъ облачился, владыка обращается ко мнѣ: давай, братъ, дьячить; чай не разучился пѣть: Господи помилуй. И отслужили мы молебенъ, во время котораго владыка не разъ становился на колѣни, а за нимъ и предстоящіе. Во время молебна выпала одна неловкость со стороны священника: онъ поминалъ не архіепископа Иннокентія, но предшественника его Гавріила, бывшаго въ то время архіепископомъ Тверскимъ. Перетрусилъ священникъ, но владыка съ истинно отеческою любовію старался успокоить его. Можетъ быть, при другомъ начальникѣ, дѣло это кончилось бы не однимъ успокоеніемъ; но Иннокентій строго судилъ только за преднамѣренныя поступки.

Во время нашего посѣщенія Космодаміанскаго урочища, т. е. въ 1851 году, это урочище, или ущелье, обставленное высокими горами, поросшими вѣковыми деревьями, въ полномъ смыслѣ слова можно было назвать дѣвственно дикимъ. Можетъ быть эта мѣстность одна изъ немногихъ уголковъ Крыма, гдѣ сохранилась, благодаря казенному управленію, величавая, дѣвственная краса крымской природы. Но вмѣсто описанія, послушаемъ, какъ говоритъ Иннокентій объ этомъ урочищѣ, гдѣ онъ желалъ основать киновію или со временемъ полный монастырь. „Не смотря на трудность нынѣшнихъ обстоятельствъ ¹⁾

¹⁾ Т. е. военныхъ. Мы беремъ слова Иннокентія изъ произнесеннаго имъ слова въ Симферопольскомъ кафедральномъ соборѣ 1-го іюля 1855 года, въ день св. Безсребренниковъ Космы и Даміана.

и неудобство пути, мы посѣтили вчера это священное мѣсто и снова воздали тамъ хвалу Тому, чья всемогущая десница украсила его такъ давно. Ибо надобно знать, братіе мои, что это одно изъ самыхъ пустынныхъ и величественныхъ мѣстъ между горами Таврическими, кои вообще столь богаты живописными мѣстоположеніями. Вообразите сошедшимися три изъ самыхъ высокихъ горъ и образовавшими среди себя грозное ущелье, вообразите ихъ покрытыми отъ подошвы до вершины разными деревьями и зеленью, съ обнаженнымъ, какъ у престо-рѣлаго человѣка, теменемъ; вообразите, что изъ главнаго между сими горами ущелья, также покрытаго лѣсомъ и пресѣченнаго малыми утесами, стремится съ ревомъ потокъ Алма, а о страну его, за малымъ утесомъ, изъ бока горы бьетъ огромный ключъ и вскорѣ соединяется съ симъ потокомъ: этотъ ключъ—источникъ св. Космы и Даміана. Не смотря на великую степень холода воды ¹⁾ въ немъ, которую можно назвать холоднымъ кипяткомъ, приходящіе туда богомольцы съ благоговѣніемъ пьютъ (въ возможно большемъ количествѣ, ибо она крайне вкусна) эту воду и погружаются въ нее для купанья. Сильный холодъ объемлетъ при семь человѣка и, кажется, проходитъ до костей и самыхъ мозговъ. Но среди сего-то, повидимому, не безопаснаго дѣйствія воды, и подается многимъ недужнымъ исцѣленіе. Посему самый источникъ, на языкѣ здѣшнихъ татаръ, именуется не иначе, какъ водою здравія. Ибо къ нему притекаютъ не одни христіане, но и поклонники Магомета, прославляя за то имя святыхъ Космы и Даміана. Безмолвно и пустынно было мѣсто сіе, когда посѣтилъ я его за шесть лѣтъ предъ симъ (въ 1848 г.). Святость воспоминаній, благодѣтельное свойство источника, величественность мѣста положенія тотчасъ возбудили во мнѣ особенное вниманіе и благоговѣніе къ сему необыкновенному мѣсту. Если гдѣ думалъ я, то въ подобныхъ ущельяхъ горъ мѣсто обителямъ иноческимъ, и предположилъ, если угодно будетъ Богу, устроить киновію во имя св. Безсребренниковъ Космы и Даміана. Св. Синодъ не замедлилъ преподать благословеніе на сію мысль, а Благочестивѣйшій Государь не только запечатлѣлъ наше предположеніе сво-

¹⁾ Даже въ лѣтнее время не выше 6° по Реомюру. *Авт.*

имъ державнымъ словомъ, но и удостоили знать всѣ преданія, соединенныя съ симъ мѣстомъ“¹⁾).

Во время нашего посѣщенія этого урочища, его въ полномъ смыслѣ можно было назвать пустынею; ни одного удара заступомъ или топоромъ не было сдѣлано для будущей киновіи. Мы видѣли вѣковыя деревья, росшія среди камней и скаль, едва одѣтыхъ мхомъ или тощими былинками травы; видѣли съ шумомъ извергающійся изъ подъ скалы потокъ кристальной воды, спускавшійся въ водоемъ, обложенный четырьмя бревнами, — водоемъ, очевидно, нарочно выкопанный для цѣлительныхъ купаній. Владыка долго ходилъ, указывая, гдѣ бы лучше поставить храмъ, какъ устроить купальню, гдѣ бы приличнѣе помѣстить гостинницу, братскія кельи и т. д. Видимо владыка всей душой былъ преданъ мысли это освященное вѣками мѣсто освятить православнымъ храмомъ, постоянными молитвами, и открыть цѣлебный источникъ для вѣрующихъ. Не смотря на громы войны, разразившейся надъ Крымомъ, Иннокентій, какъ это видно изъ упомянутого сочиненія протоіерея Г. Руднева, многократно посѣщалъ Крымъ и дорогое для него Космодамианское урочище. Въ словѣ, изъ котораго выше приведена выписка, онъ, вѣря, что громы войны затихнутъ, обращается къ слушателямъ, чтобы они подумали о средствахъ устроить здѣсь киновію. И голосъ его не былъ гласомъ вопіющимъ въ пустынь: уже въ 1857 году въ этомъ урочищѣ были устроены гостинница для богомольцевъ, помѣщенія для братіи и церковь, которую Иннокентій предполагалъ освятить; но не дождался этой радости, отошедши въ другую вѣчную обитель 31-го мая того же года, и храмъ освященъ послѣ него, 5-го сентября.

Зерно по истинѣ брошено рукою добраго сѣятеля. Теперь можно сказать, что мысль Иннокентія вполне осуществилась. Въ описаніи о. протоіерея Г. Руднева мы читаемъ: „Въ этой

¹⁾ Для собранія этихъ преданій, которыя въ свое время и были представлены незабвенному Императору Николаю Павловичу, — Иннокентій нарочно прѣвзжалъ въ Крымъ, какъ это видно изъ прекраснаго описанія «Космодамиановской киновіи въ Крыму», составленнаго (и напечатаннаго въ 1884 г.) почтеннымъ протоіереемъ Гаврииломъ Рудневымъ. Изъ этого описанія мы кое-что возьмемъ для нашей цѣли.

обители, въ настоящее время, имѣются два деревянныхъ храма, изъ которыхъ — одинъ во имя св. Безсребренниковъ и чудотворцевъ Космы и Даміана, большой; а другой во имя Преображенія Господня, нѣсколько меньшій. Оба храма снабжены въ достаточномъ количествѣ всею церковною утварью. Другія монастырскія постройки, какъ-то: настоятельскій домикъ въ 5 комнатъ, братскія кельи, гостинница для богомольцевъ и прочія монастырскія служебныя постройки — тоже деревянные. Братіи въ монастырѣ отъ 15 до 20 душъ съ послушниками. Особенную святыню Космодамиановской киновіи составляютъ части мощей Безсребренниковъ Космы и Даміана. Для киновіи отведено 23 казенныхъ десятины и 200 десятинъ пожертвовано купцемъ Григоріемъ Порываемъ. Цѣлебный источникъ (по тому же описанію) вытекаетъ какъ бы изъ монастыря и течетъ въ красиво устроенный колодезь, надъ которымъ сооружена часовня, гдѣ для богомольцевъ освящаютъ воду. На нѣсколько саженой ниже его устроена купальня, раздѣленная на двѣ половины — мужскую и женскую. Въ лѣтнее время и отчасти осенью, именно съ апрѣля до ноября, здѣсь всегда бываютъ богомольцы; но особенно множество ихъ собирается къ іюлю, т. е. къ празднику св. Космы и Даміана. Богомольцы приходятъ не только изъ Крыма, но со всего Новороссійскаго края, даже изъ Черноморья и съ Кавказа, и не только христіане, но и магометане цѣлыми семействами, привозя съ собою свѣчи желтаго воска, собственнаго издѣлія“.

Можетъ быть, да и можно ли сомнѣваться въ этомъ, что Космодамиановская обитель превратится въ мѣсто еще большаго почитанія; и тогда она еще громче будетъ говорить о ея имениномъ основателѣ. Не лишнимъ считаемъ прибавить, что Иннокентій отказалъ на Успенскій скитъ (что близъ Бакчисарая) и крымскія киновіи 100 акцій Общества П. и Т., изъ которыхъ на долю Космодамиановской киновіи досталось девять акцій, на которыя и приобрѣтено 5 т. 5% государственныхъ билетовъ, съ которыхъ проценты идутъ на содержаніе братіи¹⁾.

Возстановленіе древнихъ святынь Крыма составляло осо-

¹⁾ Изъ описанія киновіи О. прот. Г. Руднева.

бую заботу этого благочестиваго и дальновиднаго архипастыря. „Первымъ дѣломъ его, говоритъ о. прот. Г. Рудневъ ¹⁾, при посѣщеніи Таврическаго полуострова, было осмотрѣть святыя мѣста, чтимыя въ народѣ по какимъ-либо священнымъ воспоминаніямъ и преданіямъ. Для сего онъ не рѣдко предпринималъ не легкія путешествія по крымскимъ горамъ, часто, по неудобству пути, верхомъ, а иногда пѣшкомъ, чтобы лично осмотрѣть тѣ древнія развалины храмовъ, пещеры, источники и урочища, которые народъ чтить съ незапамятныхъ временъ, какъ заветную святыню. Въ это время (въ 1848 г.) онъ посѣтилъ и источникъ св. Безсребренниковъ Космы и Даміана, у верховьевъ рѣки Алмы, подъ Чатырдагомъ. При осмотрѣ мѣсть, замѣчательныхъ по священнымъ преданіямъ и воспоминаніямъ, архіепископъ Иннокентій, посѣщая города и значительныя селенія Таврическаго полуострова, напоминалъ жителямъ оныхъ православнаго исповѣданія, что недостаточно только въ извѣстные дни въ году собираться въ эти мѣста для богомоленій; необходимо позаботиться и о возстановленіи этихъ памятниковъ вѣры. Во время владычества въ Крыму татаръ, христіане, находясь у нихъ въ порабощеніи и угнетеніи, много сдѣлали, сохранивъ сіи святыя мѣста отъ забвенія; нашь долгъ, говорилъ незабвенный архипастырь, позаботиться о возстановленіи этихъ святыхъ мѣсть и объ учрежденіи на нихъ такихъ обителей, въ которыхъ бы всегда славословилося имя Божіе. Внимая доброму гласу своего архипастыря, жители всѣхъ городовъ и мѣстечекъ Таврическаго полуострова, въ 1849 году, прошеніемъ, отъ 9-го августа, просили его ходатайства предъ высшимъ церковнымъ и гражданскимъ правительствомъ о возстановленіи святыхъ христіанскихъ памятниковъ въ Крыму, оставшихся въ уничиженіи и развалинахъ со времени владычества татаръ. Въ ноябрѣ того же года архіепископъ Иннокентій вошелъ съ представленіемъ въ Св. Синодъ объ испрошеніи Высочайшаго Государя Императора соизволенія на открытіе перваго Бакчисарайскаго Успенскаго скита въ горномъ ущельи, близъ гор. Бакчисарая, а потомъ и киновій въ разныхъ мѣстахъ Крыма, чтимыхъ издавна въ народѣ по христіан-

¹⁾ Ibidem.

скимъ воспоминаніямъ. Указано было на слѣдующія мѣста: 1) древняя церковь св. Анастасіи, при р. Качѣ; 2) древняя церковь въ Инкерманской скалѣ, близъ г. Севастополя, при р. Черной; 3) урочище съ источникомъ св. Іоанна Предтечи, близъ греческой деревни Комаровъ; 4) источникъ Сулукъ—су, или Савлухъ—су, св. Безсребренниковъ Космы и Даміана; 5) въ Козской долині, церковь св. Пророка Іліи; 6) въ Судакской долині, церковь св. Матвѣя; 7) въ урочищѣ Топлу, источникъ св. Параскевы; 8) близъ Стараго Крыма, церковь св. Георгія; 9) у горы Кизильташь, церковь св. Іоанна Предтечи съ источникомъ, и 10) въ урочищѣ Катерлезъ, близъ Керчи, церковь св. Георгія съ источникомъ“. Въ своемъ представленіи Св. Синоду владыка Иннокентій между прочимъ писалъ: „дабы такимъ образомъ (т. е. чрезъ устройство киновій), сообразно природному устройству здѣшнихъ мѣсть, похожему на извѣстную всему міру христіанскую гору Аѳонскую, на горахъ Крымскихъ со временемъ могъ составиться нашь Русскій Аѳонъ, въ пристанище многимъ душамъ, кои, ища безмолвія, оставляютъ отечество и текутъ въ монастыри Аѳонскіе“. Указомъ Св. Синода отъ 4-го мая 1850 года дано знать высокопреосвященнѣйшему Иннокентію о вослѣдовавшемъ въ 15 день апрѣля того же года Высочайшемъ соизволеніи на открытіе Бакчисарайскаго скита съ киновіями, въ числѣ которыхъ и киновія у источника св. Безсребренниковъ Космы и Даміана ¹⁾. Въ синодальномъ указѣ по сему предмету между прочимъ изъяснено: „Св. Синодъ находитъ, что мысль о возстановленіи и ознаменованіи церковными учрежденіями вышеупомянутыхъ мѣсть на Таврическомъ полуостровѣ заслуживаетъ одобренія, что, равномѣрно, заслуживаетъ одобренія и предполагаемый способъ возстановленія оныхъ учрежденіемъ въ нихъ малочисленныхъ монашескихъ пустынножительствъ: такъ какъ сіе соотвѣтствовало бы стариннымъ благочестивымъ обычаямъ русскаго монашества, что таковое учрежденіе было бы въ религіозно-нравственномъ отношеніи весьма полезно для страны, которая, по малому своему населенію и по недоступности горъ, имѣетъ мало храмовъ Божіихъ, между тѣмъ какъ посѣщается временно и русскими, и

¹⁾ Космодаміановская киновія. Прот. Г. Руднева.

иностранцами, а постоянными жителями имѣть магометанъ, къ дѣйствию на которыхъ предполагаемое учрежденіе откроетъ мирный и прямой путь, и что наконецъ оно же, замѣнивъ мертвыя и безгласныя развалины, наводящія грусть и уныніе, священными пристанищами для путешественниковъ, могло-бы удовлетворять и нравственной потребности въ предѣлахъ отечества тѣхъ людей, которые, по особенному расположенію къ подвижнической жизни, ищутъ себѣ пріюта въ лучшемъ климатѣ и въ монашескомъ общежитіи на Аѳонѣ, и, не находя тамъ ожидаемаго преуспѣянія въ подвигахъ духовныхъ, подвергаются соблазнамъ и внушеніямъ иноземцевъ“.

Такъ понято и изъяснено высшимъ нашимъ духовнымъ учрежденіемъ предположеніе мудраго архипастыря Иннокентія. И предположеніе это въ извѣстныхъ частяхъ осуществилось и притомъ съ желаемымъ успѣхомъ. Открыты и принимаютъ къ себѣ тысячи молящихся Успенскій Бахчисарайскій скитъ, съ приписною къ нему Анастасіевскою церковію, и киновіи: Херсонесская (переименованная въ Херсонесскій первоклассный монастырь), Инкерманская, Космодамиановская, Катерлезская, Кизильташская и Тупловскій женскій монастырь. Нѣкоторыя изъ этихъ учрежденій вполне могутъ назваться благоустроенными и даже достаточно обезпеченными въ своемъ существованіи. И это не фраза; православный народъ горячо сочувствуетъ дѣлу своего незабвеннаго архипастыря. Позволяемъ себѣ выписать нѣсколько строкъ изъ почтеннаго труда О. В. Ливанова, относящихся до Инкерманской киновіи въ Крыму ¹⁾. „Когда Россія утвердилась въ Крыму, то храмъ св. Климента (будто-бы и осѣченный имъ, основавшимъ въ крымскихъ горахъ до 75 церквей) возсталъ въ новой славіи и благолѣпії. Свѣтлый взглядъ гениальнѣйшаго изъ іерарховъ Русской церкви, почившаго въ Бозѣ Иннокентія, архіепископа Херсоно-таврическаго, ясно усмотрѣлъ потребность упрочить религіозное благосостояніе страны сей, наводненной и обезпеченной исламомъ, и вотъ, по его хадатайству указомъ Св. Правительствующаго Синода, съ Высочайшаго соизволенія, Инкерманская киновія открыта въ 1852 году. Въ ней устроено три церкви: 1-я из-

¹⁾ Инкерманъ и Инкерманская киновія въ Крыму. Сост. и изд. О. В. Ливановымъ. 1874 г. Москва.

сѣченная въ I вѣкѣ во имя св. Климента папы Римскаго; 2-я, современная первой, во имя св. исповѣдника и священномученика Мартына, епископа Римскаго, освящена въ 1867 году, и 3-я, отдѣльная при домѣ настоятеля киновіи, во имя св. Троицы, освященная въ томъ-же 1867 году. — Умилительно было зрѣлище этого открытія! Громадное стеченіе народа со всего полуострова, торжественно соборное богослуженіе, радость богомольцевъ... все это производило глубокое впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Всѣ чувствовали, что *дикому исламу* положенъ конецъ, что *татарская чалма* не господствуетъ болѣе въ Крыму, сдѣлавшемуся наконецъ чисто-русскимъ. Татары, какъ приниженные рабы, издали только смотрѣли на всеобщее религіозное торжество въ томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ чалма господствовала 400 лѣтъ... Слава и благодареніе Богу, восклицаетъ о. Родіоновъ, описатель этого торжества, благодѣявшему во всѣхъ начинаніяхъ и въ осуществленіи мысли въ Бозѣ почившаго, незабвеннаго высокопреосвященнѣйшаго Иннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, положившаго краеугольные камни въ основу всѣхъ киновій и скитовъ крымскихъ, нынѣ процвѣтающихъ красотою, яко кринь сельный, и сіяющихъ благочестіемъ—яко Аѳонъ славный“. За мѣстимъ, подъ эту киновію отведено отъ черноморскаго вѣдомства 256 десят., въ томъ числѣ есть и хлѣбопахатная, и сѣнокосная.

Въ какомъ состояніи находятся въ настоящее время открытыя Иннокентіемъ киновіи, мы имѣемъ данныя, сообщенныя намъ (отъ 10-го декабря 1885 г.) почтеннымъ о. прот. Г. Рудневымъ.

„Число богомольцевъ, посѣщающихъ цѣлебный источникъ Космы и Даміана, въ теченіи года, опредѣлить трудно; но къ празднику св. Безсребренниковъ, 1-го іюля, собирается ихъ отъ 3 до 5 тысячъ, что по нашему Крыму очень достаточно. Доходъ, получаемый обителью въ этотъ день, служитъ фондомъ къ содержанію обители на цѣлый годъ.“

„Въ Бахчисарайскомъ скиту церквей: 1) пещерная во имя Успенія Пресв. Богородицы; 2) св. Апостола и Евангелиста Марка, также въ пещерѣ; 3) во имя равноапостольныхъ Константина и Елены, подъ скалою, построенная Е. Д. Берко-

вою, и 4) во имя св. Великомученика Георгия, надъ могилою покойнаго Перопкаго, воздвигнутая его женою. Здѣсь двѣ прекрасно устроенныя и довольно обширныя гостиницы—одна у въѣзда въ обитель, а другая—близъ монастырской трапезной. Разведенъ плодовый садъ и посажено множество лѣсныхъ деревьевъ, хотя всюду почва—сплошной камень. Скитъ этотъ имѣеть въ Симферополѣ подворье, пожертвованное тою-же г. Берковою; на подворьѣ домъ и церковь. Оно приноситъ обители въ годъ до 3—4 т. дохода. Кромѣ того, скиту принадлежитъ древняя цевковъ св. Анастасій, находящаяся отъ него въ верстахъ пяти и также посѣщаемая богомольцами. Въ день Успенія бываетъ богомольцевъ отъ 5 до 7 т., и ради ихъ 14 и 15 отходятъ изъ Симферополя, чрезъ каждыя два часа, нарочитые поѣзда. Въ эти дни киновія можетъ получить отъ 2 до 3 т. дохода“.

„Мысль ваша очень вѣрна, ¹⁾ что преосв. Иннокентій сѣялъ въ Крыму горушныя сѣмена, которыя теперь возросли въ вѣтвистыя деревья. Изъ открытыхъ имъ крымскихъ обителей, Херсонесская киновія переобразовалась въ первоклассный монастырь съ величественнымъ соборомъ во имя Равноапостольнаго князя Владиміра; монастырь этотъ имѣеть 2,500 десят. прекрасной земли и цѣнное подворье въ Севастополѣ; убогія первоначально киновіи—Инкерманская, Кизилташская, Космодамиановская и Катерлезская, по проекту открытыя для одного іеромонаха и двухъ—трехъ послушниковъ, — въ настоящее время каждая имѣеть не менѣе 10 человекъ братіи, съ обеспеченнымъ для нихъ содержаніемъ; и имѣють весьма значительное вліяніе на поддержаніе и развитіе религіозно-нравственнаго состоянія въ крымскомъ разновѣрномъ и разноплеменномъ населеніи. И замѣчательно, великій святитель на все умѣлъ находить и нужныхъ людей, и благопотребныя средства. Куда онъ ни появлялся, во все вносилъ жизнь: приниженное—поднималъ, разрушенное—возстановлялъ, унывавшее—ободрялъ и воодушевлялъ. Въ маѣ 1887 года исполнится 30 лѣтъ со смерти приснопамятнаго владыки; а до сихъ поръ духъ его пастырства вѣдетъ въ Крыму и воздвигнутыя имъ обители, и указанные имъ къ возстановленію христіанскіе памятники заставляютъ

¹⁾ Изъ того же письма.

вспоминать о его благотворной дѣятельности къ возстановленію и распространенію христіанства въ Крыму“.

Дѣло возстановленія или открытія монастырей или подобныхъ имъ убѣжищъ для ищущихъ уединенія и ближайшаго общенія съ Богомъ не было ново для Иннокентія, и не было, какъ нѣкоторые говорили и говорятъ, плодомъ начинавшейся для него старости. Такъ онъ думалъ и дѣйствовалъ и тогда, когда только вошелъ „въ мѣру возраста мужа совершенна“. Будучи въ Харьковѣ, онъ „возстановилъ мужскіе общежительныя монастыри: Святогорскій, Успенскій и Ахтырскій Свято-Троицкій и основалъ Верхне-Харьковскій Никольскій женскій монастырь“; открылъ нѣсколько крестныхъ ходовъ и т. д.

Для нашей цѣли присоединимъ къ этому, что въ позднѣйшее время владыка Иннокентій желалъ собрать въ Одессѣ копіи съ Чудотворныхъ иконъ Богоматери, особенно чтимыхъ православною нашею церковью, и для помѣщенія ихъ онъ построилъ церковь, прямо противъ красы Одессы — лѣстницы, ведущей къ морю съ приморскаго бульвара, названнаго въ позднѣйшее время Николаевскимъ, въ честь великаго князя, фельд-маршала Николая Николаевича.

Открытіе крымскихъ святынь, устроеніе монастырскихъ обителей, собраніе копій съ Чудотворныхъ иконъ, крестные ходы—все это въ духѣ нашего православія и всей исторической жизни нашего народа. Но не теперь, когда наше легкомысліе и самоотреченіе достигли своего апогея, давно, и даже очень давно, въ тѣхъ слояхъ нашего общества, которые ставятъ себя въ числѣ образованныхъ, а отчасти и ученыхъ, раздавались голоса, что наше православіе нѣчто отжившее, что народъ нашъ скорѣе идолопоклонствуетъ, что всѣ религіозно-нравственные устои русской народности давно подгнили и требуютъ новые и т. д. Вотъ является личность съ блестящими дарованіями; вотъ слышать ея въ извѣстномъ смыслѣ свободную рѣчь, и толпа думаетъ, что этой личности суждено нанести ударъ яко бы господствующей въ нашей церкви рутинѣ, обновить современный русскій церковный строй съ его грубыми преданіями и неосмысленными вѣрованіями. Ждутъ, и оказывается, что ожившіе жестоко обманулись; что блестящая личность остается непоколебимо вѣрною первоосновамъ русской народной жизни:

православію и вѣками сложившемуся народному духу. Какое же заключеніе выводитъ толпа? Что эта личность въ душѣ не та, какою мы видимъ ее; что она проникнута лицемѣріемъ или политическими видами и т. д.; мало этого, исходя изъ своего безумія, для котораго нѣтъ Бога, умствующая толпа дѣлаетъ вопросъ: можетъ-ли такой умный человѣкъ вѣрить въ Бога? Неужели, онъ въ самомъ дѣлѣ по убѣжденію, по искреннему влеченію сердца молится, воздѣвая руки свои горѣ или преклоняя свои колѣна?

Можете себѣ представить, мой благосклонный читатель, что едва-ли не самая большая половина извѣстнаго мнѣ и другимъ общества, считавшаго себя образованнымъ, признавая Иннокентія какъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ мужей, съ самымъ свѣтлымъ умомъ, не могла примириться съ нимъ какъ съ истинно-православнымъ архипастыремъ нашей церкви; какъ-будто наше православіе, и даже самая вѣра во Христа, не имѣютъ прочныхъ, разумныхъ и исторически вѣрныхъ основъ; какъ будто все это дѣло однихъ преданій, привычки, воспитанія и политическихъ видовъ. Мнѣ приводилось слышать отъ бывшихъ слушателей Иннокентія, что когда онъ увлекалъ своими блестящими чтеніями въ Кіевской Академіи ¹⁾; то и тогда уже носилась молва, что онъ человѣкъ нѣкіихъ новшествъ, новаторъ, что цѣль его — внести новые элементы въ нашу православную церковь. Можетъ быть, эту молву усугубляли иногда произносимыя послѣ чтенія слова обаятельнаго профессора: сора изъ избы не выносить. Есть основаніе думать, что и самъ богумудрый Филаретъ, митрополитъ Московскій, сначала не совсемъ довѣрчиво смотрѣлъ на чтенія, совершавшіяся въ Кіевской Академіи во время Иннокентія. Изъ этой академіи поступилъ въ качествѣ наставника въ Виоанскую семинарію нѣкто М. Гребинскій, очень бойко читавшій свой предметъ. На одномъ изъ экзаменовъ по предмету этого наставника митрополитъ Филаретъ сказалъ ему: вы къ намъ своего сора не вносите ²⁾.

¹⁾ Достоцитимый Г. Г. Михневичъ, бывшій слушатель Иннокентія, сказывалъ мнѣ, что они, студенты, подговаривали, даже подкупали служителя, чтобы онъ не звонилъ перемены, когда ректоръ читалъ въ аудиторіи. Такъ они не могли его послушаться! *Авт.*

²⁾ Это лично слышалъ почтеннѣйшій о. протоіерей Д. И. Кастальскій, бывшій ученикъ покойнаго М. Гребинскаго.

Таковъ взглядъ на именитаго профессора и витію былъ въ началѣ; но въ послѣдствіи, въ высшихъ духовныхъ сферахъ и среди духовенства всѣхъ епархій, гдѣ онъ занималъ епископскую кафедру, — господствовало полное убѣжденіе, что это былъ истинный православный архипастырь. Но толпа, кичащаяся своимъ умомъ, своимъ образованіемъ, — та толпа, для которой вѣра отцевъ нѣчто чужое и лишнее, — она, конечно, осталась при прежнемъ мнѣніи, т. е., что блестящій, многосторонне образованный умъ Иннокентія нельзя помирить съ „византійскимъ Богомъ“. Я зналъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторыя и доселѣ здравствуютъ и которыя близко стояли къ приснопамятному Иннокентію, и они съ полною откровенностію говорили, что то была самая глубоко-вѣрующая душа и притомъ вѣрующая по завѣтамъ нашей православной церкви. Я приведу одинъ случай, про который, мнѣ думалось, что я только одинъ изъ оставшихся въ живыхъ и знаю; однако, о немъ было рассказано въ печати. Въ Одессѣ былъ нѣкто священникъ А. Логиновскій, состоявшій притомъ наставникомъ въ тамошней духовной семинаріи. Человѣкъ этотъ былъ прекраснѣйшей души, свѣтлаго ума, образовавшагося въ Академіи: ложь и лесть едва-ли когда обрѣтались въ немъ. Не смотря на молодость, его всѣ искренно уважали и любили. Любилъ его и владыка Иннокентій. Въ послѣднюю, именно предсмертную свою поездку въ Крымъ, владыка взялъ этого іерея съ собой. Возвратились они. Встрѣчалось я съ о. А. Логиновскимъ, и первыя слова его были: пусть, что хотятъ — говорятъ про нашего Иннокентія; но теперь я могу каждому заградить уста. Лицемѣрять было не передъ кѣмъ. Представьте: мы вдвоемъ обходили могилы павшихъ воиновъ въ прошедшую войну; на каждой могилѣ я служилъ панихиду, и владыка становился на колѣни и съ горькими слезами молился объ усопшихъ. Я не забуду этого молящагося лица, этихъ слезъ. Почтенный іерей также отошелъ въ вѣчность; но я считаю долгомъ передать во всеобщую извѣстность лично мною слышанное отъ него. Вѣроятно въ видахъ разсѣянія лжи онъ и другимъ пересказалъ и даже напечаталъ о видѣнномъ имъ ¹⁾. Удивительно — какъ будто, какъ

¹⁾ Въ печати я прочиталъ объ этомъ случаѣ въ «Вѣнкѣ на могилу Иннокентія». М. П. Погодина.

только свѣтлый умъ, такъ и неизмѣнный спутникъ его—невѣріе или лицемѣріе! Про нашего знаменитаго Н. И. Пирогова, кто не говорилъ, что онъ человекъ ни во что не вѣрующій? Но я лично отъ него слышалъ, что описаніе творенія міра Моусеемъ могло быть сдѣлано только по откровенію свыше, Самимъ Богомъ—Творцемъ вселенной. Имѣю также неоспоримыя свидѣтельства, что этотъ именитый мужъ науки не разъ ставалъ на колѣняхъ въ алтарѣ, молясь со всею теплотою вѣрующаго христианина ¹⁾. Дерзнетъ-ли кто этого мужа высокой чести назвать лицемѣромъ или ханжей?..

V.

Побужденія для Иннокентія къ усиленію православія на югѣ Россіи и части въ Крыму.—Достойнѣйшіе преемники Иннокентія—архіепископы Димитрій и Гурій.—Труды послѣдняго въ Таврической епархіи.—Памятники этимъ архипастырямъ.—Мысль отъ увѣковѣченія памяти Иннокентія въ Крыму.—Трапеза при Космодамиановскомъ источникѣ.—Путешествіе на Чатырдагъ.—Иннокентій одинъ на вершинѣ этой горы.—Напутствіе.—Видѣнія.

Но посмотримъ на возстановителя крымскихъ святынь, на собирателя иконъ, чтимыхъ русскимъ народомъ, съ другой стороны, и здѣсь Иннокентій является какъ истинно-просвѣщенный пастырь и истинный членъ семьи русской.

Еще и теперь про всякаго пріѣзжающаго изъ глубины Россіи,—изъ Москвы, Орла, Курска, говорятъ, что онъ прибылъ изъ Россіи. Конечно, еще съ меньшею осмотрительностію такъ говорили при вступленіи Иннокентія на Херсоно-Таврическую кафедру, т. е. назадъ тому безъ малаго 40 лѣтъ. Но какъ же югъ Россіи,—древнѣйшее достояніе славянъ, впоследствии такъ обильно политое русскою кровію, былъ чѣмъ то другимъ, но какъ будто не Россіею, не русскою землею? Чего не доставало для этого края, чтобы онъ не только по духу, по внутреннему строю, но и по внѣшнему виду не представлялся чѣмъ то от-

¹⁾ Между прочимъ, мы это слышали отъ многоуважаемаго І. Г. Михневича, этого мужа правды, бывшаго помощникомъ Н. И. Пирогова во время его управленія Кіевскимъ учебнымъ округомъ. *Двт.*

личнымъ отъ коренной Россіи, не прививкомъ къ русскому дереву, а самородною его вѣтвію? Не доставало (и еще не достаесть) русской народности, и того, что во главѣ этой народности, — возвращаетъ, скрѣпляетъ и освѣщаетъ ее—православной вѣры. Что несли впереди себя сыны славнаго Новгорода, идя на востокъ въ непроходимыя дебри Вятки, Перми, или спускаясь внизъ по Волгѣ? Православный крестъ. Строились церкви, открывались монастыри; народъ селился вокругъ нихъ и свѣтъ вѣры и гражданственности проникалъ въ среду язычниковъ. Съ этимъ знаменемъ, этою проторенною нашими предками дорогою мы дошли до Камчатки и пройденный путь вполнѣ можетъ назваться русскимъ и даже православнымъ. Этой же дороги мы держимся и во вновь пріобрѣтенныхъ нами земляхъ въ срединныхъ глубинахъ Азіи, хотя, правду сказать, и не безъ уклоненій сею и овамо.

Итакъ, не опасаясь укора со стороны исторіи, можно сказать, что русская земля, разрастаясь во все стороны, шла православною дорогою: это ея историческій путь.

Какъ же было отступиться отъ этого пути такому глубокому мыслителю и знатоку родной земли, какимъ по всемъ правамъ долженъ почитаться Иннокентій? Что онъ увидѣлъ на югѣ? Въ столицѣ ея—Одессѣ—царство евреевъ, иностранцевъ и всякаго иноплеменнаго люда; въ этомъ русскомъ городѣ едва ли онъ нашелъ три или четыре православныхъ храма. Видѣлъ, что на это иноплеменное царство, не разгибаясь, работаетъ спина русскаго человека, полуодичалаго въ степяхъ, только по имени христианина. Видѣлъ онъ цвѣтущія колоніи нѣмцевъ, съ церквами, школами, и рядомъ—землянки русскихъ людей, ведущихъ полуживотную жизнь, годами не бывающихъ въ церкви Божіей (по отдаленности и другимъ причинамъ). Видѣлъ, что югъ далеко не весь населенъ кореннымъ русскимъ народомъ, а разными пришельцами и инородцами, которые, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и не превосходятъ русскихъ численностію, но господствуютъ надъ ними своими капиталами. Въ Крыму и даже въ значительной части Таврической губерніи Иннокентій нашелъ какое то полутатарское царство: православныхъ церквей, можно сказать, было самое ничтожное число и притомъ самыхъ скудныхъ и по внѣшности, и по внутреннему

устройству, и не только по селамъ, но и по городамъ; русский народъ даже мало говорилъ порусски и по цѣлымъ годамъ не бывалъ въ церкви¹⁾; школы народныхъ или церковно-приходскихъ едва ли было двѣ-три. Не будемъ болѣе рисовать этой мрачной картины, которая не могла не сдѣлать тяжелого впечатлѣнія на пламенную, истинно русскую душу именитаго архипастыря. А съ другой стороны не могло не вызвать въ немъ самыхъ глубокихъ и самыхъ сердечныхъ думъ отдаленнѣйшее прошедшее Крыма. Онъ зналъ, что Крымъ есть самая древняя святыня Россіи, которую она непременно должна возстановить для русскаго народа. Здѣсь были стопы первоизбраннаго апостола Андрея; здѣсь пролилась за Христа и освятила будущую христіанскую Россію первая для нея мученическая кровь Климента—ученика Апостола Петра и кровь другихъ мучениковъ изъ первыхъ вѣковъ христіанства; здѣсь проповѣдывали слово Евангелія наши словенскіе апостолы Кириллъ и Меѳодій; здѣсь купель нашего Равноапостольнаго князя Владиміра, — та купель, изъ которой излился благодатный и истинно благотворный свѣтъ на всю русскую землю. Довольно этого одного, чтобы понять, что заставило Иннокентія приняться съ такимъ жаромъ за возстановленіе святынь Крыма и вступленіе его на тотъ путь, по которому шла Русская земля во все концы, — путь православія.

Пожалуй скажутъ: здѣсь чисто политическіе или государственные виды. Можно сказать и такъ; но можно сказать и иначе, и существо дѣла останется то же самое. Скажемъ такъ: въ распространеніи и укрѣпленіи православія, а съ нимъ и русской народности на югѣ Россіи, Иннокентій воодушевленъ одною любовію къ родной землѣ, къ родному своему русскому народу и царству. Можно осуждать его за такую добродѣтель, предъ которою, по слову Учителя языковъ, все знанія, даже ангельскіе языки ничто?

О, горы таврическія, да не снидеть на васъ дождь ниже роса! Вы преждевременно отняли у русской земли ангела

¹⁾ Въ Крыму я жилъ въ семидесятыхъ годахъ, и нерѣдко было встрѣчать тамошнихъ русскихъ жителей лучше говорившихъ по татарски, чѣмъ по-русски; почти никогда не бывавшихъ въ церкви, на исповѣди и у причастія. Это не разъ обнаруживалось и на судахъ. *Авт.*

мира. Благословеннаго Александра; вы же лишили ее и одного изъ благословенныхъ сыновъ ея—дивнаго во святителяхъ Иннокентія! Если бы Богу не угодно было переселить этого пламеннаго архипастыря въ иной міръ; то чего еще можно было ожидать отъ широты его мыслей, отъ глубины его сердца, особливо во время преобразованій прошедшаго царствованія! Но благодареніе Богу и за то, что великій сѣятель бросилъ сѣмена, которыя видимо взопли. Нашелся достойнѣйшій преемникъ Иннокентія въ отдѣлившейся Таврической епархіи, который, по апостогу, „исправилъ недоконченное“.

Для полноты дѣла выписываю нѣсколько строкъ изъ нѣкогда мною напечатаннаго.

„При такихъ (т. е. встрѣченныхъ преосвященнымъ Гуріемъ при вступленіи его на кафедру Таврической епархіи, т. е. до 1867—8 годовъ) неблагоприятныхъ условійхъ нужно было имѣть слишкомъ большой запасъ духовныхъ силъ, энергіи и терпѣнія; нужно было до глубины души и сердца проникнуться выотою своего служенія и глубокимъ пониманіемъ и значеніемъ православной вѣры и православной русской народности въ этомъ новомъ краѣ, чтобы сдѣлать то, что сдѣлано епископомъ Гуріемъ. На этомъ живомъ примѣрѣ (увы, и его не стало), мы можемъ видѣть, что могутъ достигнуть сила воли, трудъ и любовь къ своему призванію. До поступленія епископа Гурія на кафедру Таврической епархіи было всего 120 церквей; а чрезъ 12 лѣтъ ихъ считается 278; это значитъ, что число ихъ болѣе чѣмъ удвоилось. Выходитъ, что со времени присоединенія этого края къ Россіи, чему для крымскаго полуострова прошло почти 100 лѣтъ, а для другихъ областей, входящихъ въ составъ Таврической епархіи, и того болѣе, не было сдѣлано столько, сколько сдѣлалъ епископъ Гурій въ какія нибудь 10—12 лѣтъ. Всмотримся въ дѣло глубже; но, чтобы всмотрѣться въ него съ должною глубиною, надобно помнить, что у насъ церковь составляетъ одно цѣлое съ государствомъ, и тотъ, кто трудится для церкви, трудится и для государства. Пусть на западѣ проповѣдуютъ свободную церковь въ свободномъ государствѣ; но мы, русскіе, должны желать, чтобы у насъ навсегда осталась самодержавная церковь въ самодержавной власти и самодержавная власть въ самодер-

жавной церкви, какъ одно цѣлое, взаимно „оскудѣвающая воспомяющее“. При такой точкѣ зрѣнія на церковь и государство будетъ понятнѣе то, что составляетъ великую заслугу епископа Гурія огромной части нашей южной окраины. Впрочемъ, было бы не извинительно не упомянуть о двухъ гениальныхъ личностяхъ, трудившихся въ этомъ краѣ: я разумѣю свѣтлѣйшаго князя Таврическаго-Потемкина, который, основывая города и порты, положилъ основаніе нѣкоторымъ монастырямъ (напр. въ низовьяхъ Днѣпра Корсунскому и Бизюкову); другой дальновидный дѣятель на югѣ Россіи—нашъ безсмертный витія, высокопреосвященный Иннокентій, который, раскрывая древнія святыни Крыма, основалъ нѣсколько обителей, сдѣлавши въ нихъ и собственные денежные вклады. Черезъ эти обители онъ желалъ вдохнуть и въ этотъ юный разноплеменный край тотъ же духъ православія и народности, которыми создавалась, живетъ и крѣпнетъ наша православная Русь. Поддержаніе открытыхъ Иннокентіемъ, а равно и бывшихъ до него св. обителей, находитъ самаго неутомимаго дѣятеля и въ преосвященномъ Гуріи. Но созданныя церкви требуютъ пастырей. И вотъ менѣе, чѣмъ черезъ 12 лѣтъ управленія Таврическою епархіею епископомъ Гуріемъ построены во-первыхъ образцовое зданіе для духовной семинаріи, которой до него не было. Съ мыслию открыть семинарію онъ отправился на свою кафедру въ 1868 году и черезъ 5 лѣтъ открылъ ее. Во вторыхъ имъ возведены—также образцовыя зданія для двухъ духовныхъ училищъ—мужскаго и женскаго. На семинарію израсходовано 150,000 руб., а для двухъ училищъ 210,000 р.: 120,000 для женскаго ¹⁾ и 90,000 для мужскаго. Но мало построить, надобно найти средства для построенія. Изъ суммъ св. Синода на эти заведенія дано всего 70,000 р. и 35,000 р. заимообразно, съ разсрочкою на 19 лѣтъ изъ 5 проц., т. е. всего дано 105,000 р.; а нужно было еще 255,000. Но для желѣзной воли епископа Гурія, хотя и заключенной въ скудельнѣйшемъ сосудѣ, повидимому не существуетъ преградъ. Если нужно, обыкновенно говаривалъ онъ, стало быть и на-

¹⁾ Не задолго до своей кончины архіепископъ Гурій выстроилъ на свой счетъ прекрасную церковь при этомъ училищѣ, въ видѣ отдѣльнаго зданія.

добно сдѣлать, — и сдѣлано: деньги найдены имъ въ имѣ-же создаемой епархіи. Не излишне замѣтить здѣсь, что епископу Гурію напередъ было заявлено, что, не говоря уже о двухъ упомянутыхъ училищахъ, на самую семинарію не будетъ отпущено денегъ изъ суммъ св. Синода, хотя существованіе семинаріи и желательно. Желательно, но исполненіе этого желанія не имѣлось въ виду, такъ какъ на построеніе Таврической духовной семинаріи нужно было испросить Высочайшее повелѣніе. Но мало построить: надо содержать эти заведенія, что ежегодно обходится въ 76,000 р. Изъ суммъ св. Синода отпускается всего около 16,000 р. (15,920 р.) на жалованье наставникамъ семинаріи и мужскаго училища; не достаетъ почти 60,000; но и эти деньги находятся въ епархіи безъ обремененія церквей. Всѣхъ денегъ изъ епархіальныхъ средствъ въ эти 12 лѣтъ (или вѣрнѣе въ 10) употреблено на постройки и на содержаніе учебныхъ заведеній до 900,000 р. съ такимъ расчетомъ, что церкви отъ этихъ пожертвованій не только не бѣднѣли, напротивъ приходили въ лучшее состояніе и въ то же время число ихъ удвоилось. Умножая церкви и духовно-учебныя заведенія, епископъ Гурій, вполне постигая необеспеченность и отчасти нищенское положеніе нашего духовенства, обратилъ и на это дѣло свое просвѣщенное вниманіе. Въ настоящее время (1880 г.) до ²/₃ таврическаго духовенства получаетъ жалованье отъ прихожанъ (600 р. священнику) ¹⁾. Но теперь, какъ это видно изъ описанія приходо-в, составленнаго бывшимъ таврическимъ епископомъ Гермогеномъ, почти всѣ сельскіе причты этой епархіи на жалованьи у прихожанъ, и сверхъ того, почти вездѣ устроены для нихъ общественные дома и даются сравнительно не бѣдные участки земли, и въ нѣкоторыхъ приходахъ денежное вознагражденіе превосходитъ вышеприведенную цифру.

Таковъ былъ воистину достойный преемникъ того, который на пустынной нивѣ провелъ первыя борозды и бросилъ первыя сѣмена на ней. Вѣчная имъ обоимъ память! должна говорить вся русская земля, ибо югъ Россіи имѣетъ для нея неизмѣримо высшую цѣнность или значеніе, чѣмъ въ нѣсколько разъ

¹⁾ Изъ журнала Чтеній въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія за 1880 годъ.

обширѣйшія пространства на сѣверѣ Европейской Россіи и ея Сибири. И отрадно, что дѣло сѣянія добраго сѣмени, такъ счастливо начатое этими сѣятелями, продолжается съ видимымъ успѣхомъ. Въ 1885 году былъ напечатанъ отчетъ о народныхъ школахъ Таврической епархіи, составленный почтеннымъ протоіереемъ и членомъ училищнаго совѣта А. Назаревскимъ, — отчетъ, котораго нельзя было читать безъ самаго отраднаго чувства. Въ каждомъ селѣ имѣются школы и притомъ людныя для нихъ построены особыя приспособленныя зданія; учителя или учительницы получаютъ за свой трудъ приличное вознагражденіе; но что всего отраднѣе: тамъ не стараются поставить народную грамотность внѣ связи съ православною церковію; почти при всѣхъ школахъ составлены хоры пѣвчихъ, участвующихъ при богослуженіи; на языкъ нашей церкви обращено особенное вниманіе и дѣти, къ великому утѣшенію своихъ родителей, свободно читаютъ въ церкви.

Вѣруемъ, что ты, истинно-православно-русскій архипастырь, именитый для русской земли Иннокентій, благословляешь и изъ горняго міра то, чему положилъ основной камень, и что теперь возводится въ прочное зданіе.

Достоинѣйшему ученику ¹⁾ и преемнику другой половины архипастырской каѳедры Иннокентія, архіепископу Димитрію, за его богомудрую жизнь и пастырское учительство, воздвигается храмъ, во имя его св. соименника, въ Одессѣ. Архіепископъ Гурій самъ воздвигъ себѣ памятникъ превосходно построенными и устроенными вышеупомянутыми учебными заведеніями, множествомъ церквей, своими денежными вкладами для учащейся бѣдности, своею почтенныхъ размѣровъ (стоящею до 30000 руб.) библіотекою, подаренною въ мѣстную семинарію; но кромѣ того, благодарное мѣстное духовенство положило устроить придѣлъ во имя св. Гурія въ каѳедральномъ соборѣ ²⁾.

¹⁾ Сказываютъ, что студентъ Мурстовъ (будущій преспомянутый архипастырь Димитрій) по совѣту Иннокентія вступилъ въ монашество, но не вдругъ. Указавши на свое мощное и цвѣтущее здоровье, молодой студентъ будто-бы сказалъ: посмотрите на меня — гоюсь-ли я въ монахи; и услышавъ отвѣтъ «церкви Божіей нужны люди». Глубокоблагочестивая и поучительная жизнь архипастыря Димитрія оправдала выборъ Иннокентія. *Авт.*

²⁾ Что по позднѣйшимъ извѣстіямъ и приведено въ исполненіе. *Авт.*

который, благодаря заботамъ этого архипастыря, увеличенъ и приведенъ въ лучшій видъ противъ прежняго.

Благодарная память къ первому растителю православія и русской народности, именитому Иннокентію, еще жива на югѣ Россіи; исторія самыми крупными буквами запишетъ на страницахъ своихъ труды его въ этомъ краѣ, на пользу всего русскаго царства. Но слѣдовало-бы помянуть этого ревностнѣйшаго святителя и иначе. Почему-бы не создать храма во имя св. Иннокентія, и нигдѣ, какъ на темени Палатъ-горы, которую онъ такъ любилъ и о возведеніи храма на которой онъ такъ сладко думалъ? Если сравнительно не очень значительная возвышенность, на которой стоитъ Ялтинская церковь, вызвала у него вышеприведенныя слова: „стоя и окрестъ этого храма можно молиться и славословить Творца“, — то что думалъ Иннокентій не разъ стоя на самомъ высокомъ темени крымскихъ горъ? Вершина Чатырдага едва-ли не можетъ быть причислена, въ нѣкоторомъ отношеніи, къ такимъ мѣстамъ или уголкамъ земнаго шара, которыхъ немного на немъ. Не мѣсто, и не мсему слабому перу, описывать, что за дивная панорама открывается съ темени этой горы, высящейся надъ уровнемъ моря безъ малаго на 6000 футовъ. Какъ-бы ни былъ приниженъ, неразвитъ человѣкъ; но онъ чувствуетъ въ себѣ стремленіе въ какую-то даль, въ безпредѣльность; ему дышется свободнѣе тамъ, откуда онъ видитъ какую-то безконечность; онъ какъ будто чувствуетъ въ себѣ болѣе мощи, какъ будто истѣе приходитъ въ сознаніе своего царственного значенія въ природѣ, когда ему удается стать выше надъ обычнымъ уровнемъ земной оболочки, на какой-нибудь высокой горѣ; здѣсь, на этихъ возвышенныхъ точкахъ, человѣку какъ-будто осязательнѣе представляются самое всемогущество и величіе Творца. Да, храмъ Божій вообще производитъ на вѣрующаго въ Бога отрадное впечатлѣніе; но храмъ, стоящій „верху горы“, — не только отрадное, но и высокое. Сколькимъ путникамъ онъ подаетъ надежду и утѣшеніе! Чатырдагъ издавеча видѣнъ со степной стороны; еще съ большаго разстоянія видѣется онъ съ моря, или правильнѣе съ морей (Чернаго и Азовскаго). Какою отрадно-успокоительною звѣздою сіялъ-бы Божій храмъ на этой горѣ всѣмъ путешествующимъ и плывающимъ (конечно, вѣрующимъ)!

Мы имѣемъ основаніе сказать, что подобныя мысли и чувства проходили чрезъ глубину пламенной души Иннокентія. Неужели, у русскаго народа не найдется средствъ осуществить прекрасную мысль именитаго архипастыря и воздвигнуть ему такой памятникъ? Православная Россія нашла средства воздвигнуть храмъ при подошвѣ Балканъ; но здѣсь „больше силъ“. Можетъ быть на Палатъ-горѣ стоялъ Первозванный и съ нея пророчески благословлялъ ту будущую христіанскую державу, которой теперь подножіемъ служатъ Европа и Азія. Впрочемъ, едва-ли дѣло станетъ за матеріальными средствами; вся суть его въ починѣ и въ убѣжденіи, что избранные сыны Россіи дороги для нея, что память о нихъ дѣйствительно должна переходить изъ рода въ родъ. Къ сожалѣнію, вотъ этимъ-то убѣжденіемъ мы, русскіе люди, и не богаты. Намъ какъ-будто не дорога память доблестныхъ сыновъ родной земли, оказавшихъ ей безцѣпныя услуги; и мы какъ-то неохотно увѣковѣчиваемъ память ихъ видимыми образами. Въ Великобританіи поставлены памятники горшечнику, проповѣднику свободной торговли; въ Германіи во многихъ городахъ красуется памятникъ Шиллеру; не мало подобныхъ знаковъ для увѣковѣченія памяти поставлено далеко не міровымъ поэтамъ и музыкантамъ или композиторамъ, и только потому, что они родные; но какъ бѣдно ими русское царство! Москва—собирательница земли русской; но неужели только и были въ ней или для нея памятны Мининъ съ Пожарскимъ и Пушкинъ? А гдѣ собственно собиратели земли? Гдѣ тѣ народные герои высшаго народнаго духа, мужества, терпѣнія и безпредѣльной любви къ родной землѣ: Александръ Невскій, Іоаннъ Калита, Димитрій Донской, Іоаннъ III, сынъ его, покоритель трехъ царствъ Іоаннъ IV, Гермогенъ, Діонисій, Авраамій, праотецъ дома Романовыхъ Филаретъ, Никонъ и т. д. и т. д.? Не слѣдовало-ли-бы первопрестольному граду, этому сердцу Россіи, почтить память великихъ создателей и хранителей царства Русскаго? Писалъ я однажды (въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“): какъ-бы прилично было собрать ихъ вокругъ величественнаго памятника нашей народной и міровой славы—вокругъ храма Христа Спасителя. Пусть-бы народъ смотрѣлъ на эти лица, изучалъ свое или славное, или много-страдальное прошедшее, и уносилъ съ собою чувства глубокой

благодарности къ тѣмъ, которыхъ Промыслъ воздвигалъ изъ народа въ потребное для него время. Нѣтъ, пусть что ни говорить, но надо сознаться, что мы еще не дозрѣли до историческаго самосознанія; мы больше живемъ настоящимъ, т. е. не дѣйствительною историческою жизнію, которая слагается изъ прошедшаго, настоящаго и будущаго. „Исторія, сказалъ нашъ безсмертный историкъ Карамзинъ, завѣтъ предковъ потомству, дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго“.

Долгъ каждаго честнаго человѣка, сказано въ одной умной книгѣ,—сѣять; но взойдетъ-ли сѣмя, дастъ-ли плодъ: это не его дѣло. Кто знаетъ, можетъ быть высказанная мною мысль объ увѣковѣченіи памяти доблестнѣйшихъ сыновъ русской земли когда нибудь и осуществится; можетъ быть осуществится и сладкая мечта именитаго архипастыря русской земли—воздвигнется храмъ Божій во имя святителя Иннокентія на Палатъ—горѣ...

Я невольно взглянулъ на портретъ незабвеннаго моего владыки и въ кроткихъ глазахъ его какъ будто говорится: пора намъ на Чатырдагъ...

Послѣ молебна при Космодамианскомъ источникѣ и обозрѣнія владыкою мѣстности для будущихъ построекъ предполагаемой киновіи и частице—на первый разъ пріюта для богомольцевъ, который впоследствии и выстроилъ Н. П. Спниотъ, получившій испѣленіе у этого источника отъ тяжкаго недуга¹⁾,—была предложена скромная трапеза, за которою пришлось, по неимѣнію стола и стульевъ, возлежать. Съ сентября 1851 года прошло не мало времени; но мнѣ живо представляется картина этого возлежанія. Когда мы возлежали за трапезой, было уже за-полдень и полутѣни стали спускаться въ это ущелье, обставленное такими высокими горами, что изъ-за нихъ даже въ лѣтніе мѣсяцы, въ 5 часовъ, не видно солнца. Эти полутѣни какъ будто увеличивали окружающую насъ пустышность и дикость природы; отъ мало нагрѣтаго воздуха, отъ сырости въ немъ—становилось прохладно. Но мы не чувствовали ни опускавшихся тѣней, ни холода при такомъ свѣтѣ и теплотѣ, которые исходили отъ возлежавшаго съ нами великаго учителя. Простая, задушевная, согрѣтая всею теплотою сердца рѣчь владыки была

¹⁾ Космодамиановская киновія. Прот. Г. Руднева.

для насъ и согрѣвающимъ лучами, и живительной теплотою. Серебромъ отливалъ съ шумомъ бѣгущій, кристальный, Космодаміановскій источникъ, но мы слышали и другой серебристый потокъ. Конечно, предъ именитымъ мужемъ всѣ мы были маленькіе люди и отчасти подчиненные ему; но смотря на простоту обращенія, на теплую привѣтливость Иннокентія, невольно припоминались слова Заповѣдашаго намъ взаимную любовь: вы друзи мои есте (Іоан. XV, 14). Заботливость владыки о возлежащихъ съ нимъ простиралась до того, что онъ, видя нѣкоторую застѣнчивость, не рѣдко напоминалъ, что надобно для предстоящаго подвига хорошо подкрѣпить свои силы и емъ предлагалъ съѣсть то или другое, выпить того или другаго вина. Кстати замѣчу, что Иннокентій остался вѣренъ русскому хлѣбосольтву; это былъ самый радушнѣйшій хозяинъ даже для подчиненныхъ ему. Это радушіе доходило до того, что онъ за столомъ даже предлагалъ, кому что полезнѣе пить. Миѣ, напр., говаривалъ: ты, братъ, худенькій; тебѣ хорошо иной разъ стаканъ портеру выпить, и велеть сейчасъ-же подать его. А тебѣ, о. протодіаковъ, обладающему такимъ здоровьемъ, только дозволяется пить, и то по-малу, рейнвейнъ. Налейте ему рейнвейна.

Иннокентій имѣлъ самый простой столъ; но, конечно, по временамъ, были у него и изысканныя яства. Къ характеристикѣ этого дивнаго человѣка скажу, что онъ особенно любилъ соленые огурцы, но только самые крупные, можно сказать совершенно выспѣвшіе, т. е. пожелтѣвшіе и съ зрѣлыми семенами. Это настоящіе, говорилъ онъ, огурцы; все незрѣвшее вредно человѣку, какъ и самъ незрѣвшій человѣкъ мало полезенъ человѣчеству! При сидячей жизни такіе огурцы (т. е. вызрѣвшіе, соленые и даже отчасти сморщившіеся) очень хорошо дѣйствуютъ на пищевареніе. Имъ я не одинъ разъ лечился. И замѣчательно, владыка ѣлъ ихъ не очищая отъ плоховаримой кожицы.

Но время въ путь, „на гору велику“. Отъ Космодаміановскаго источника на Чатырдагъ обыкновенно ѣдутъ или идутъ чрезъ Алушту, отъ которой до вершины горы, по прямому направленію, будетъ верстъ 5 или 6; а по извилистымъ дорожкамъ, какъ пробираются путники, пожалуй, наберется и втрое

больше. Но, очевидно, возвращеніе въ Алушту и оттуда возвращеніе на Чатырдагъ составитъ своего рода крюкъ, т. е. протяженіе этого пути дойдетъ до 30 верстъ. Но кривыхъ путей Иннокентій терпѣть не могъ. Когда онъ предложилъ ѣхать прямо на Чатырдагъ, то спутники, зная мѣстность, представляли ему всю трудность этого пути и позднее время; но для Иннокентія слово *impossibile* не существовало, и онъ сказалъ, что ему хочется проѣхать на Чатырдагъ именно этимъ путемъ. Можетъ быть, намѣреваясь открыть киновію при Космодаміановскомъ источникѣ и другую на темени Палать-горы, онъ хотѣлъ узнать: удобно-ли будетъ сообщеніе между ними по прямому пути. И поѣхали мы этимъ прямымъ путемъ; одинъ изъ проводниковъ, татаринъ, впереди, за нимъ Иннокентій, Н. П. Спягутинъ, я съ своею тяжелою ношею—слѣпцемъ Григоріемъ и т. д. Признаюсь, миѣ и теперь какъ-то не ловко становится, когда представляю себѣ этотъ путь. На какія крутизны поднимались мы, въ какіе овраги спускались, сквозь какія лѣсныя чащи лѣзли, чрезъ какіе камни или утесы прыгали! И я невольно дивился бодрости владыки: по временамъ онъ шутилъ, при спускѣ въ какой нибудь оврагъ ободрялъ, а миѣ то и дѣло наказывалъ — смотрѣть за Григоріемъ. По собранымъ справкамъ оказалось, что мы проѣхали до 30 верстъ, пока достигли вершины горы, но еще не самого темени. Да проститъ миѣ праведная тѣнь незабвеннаго Иннокентія; каюсь, что подъ конецъ этого пути, совершившагося уже ночью, я сталъ разочаровываться великимъ мужемъ, величая его про себя просто упрямымъ человѣкомъ. Я, кажется, хотѣлъ бы лечь и не двгаться съ мѣста, боясь за свою жизнь и жизнь порученнаго миѣ слѣпца; миѣ приходило въ голову просто удерживать и самого Иннокентія и даже, при упрямствѣ его, наговорить ему кучу самой ѣдкой правды, и первѣе всего—безцѣльности подобнаго опаснаго путешествія на гору. Вотъ нѣкогда что было мною написано (а потомъ и напечатано) объ этомъ пути. „Почти въ глухую полночь, и притомъ среди нависшихъ облаковъ, верхами мы взбирались на Чатырдагъ; не много оставалось до самой маковки горы; но я положительно отказался карабкаться выше (мы съ ранняго утра были верхами), хотя подо мной была опытная татарская лошадка, и я сказалъ:

я не Христосъ, и ангелы не возьмутъ меня на крылья своя, когда я буду летѣть въ пропасть. Ну, можно-ли было сказать подобную глупость? Кѣмъ, спрашивается, былъ на этотъ разъ Иннокентій, приглашавшій меня на вершину горы. Я и другіе спутники остались; но Иннокентій одинъ, бодро сядя верхомъ, взобрался на вершину и, простоявши тамъ добрыхъ минутъ пятнадцать, спустился и, обратившись ко мнѣ, сказалъ: вы, ученые люди, не знаете, какъ сладко молиться въ полночь на вершинѣ горы. Живо рисуется въ моемъ воображеніи картина, которую я видѣлъ назадъ тому около 30 лѣтъ; но теперь она представляется мнѣ болѣе величественною, и понятнѣе говоритъ моему сердцу; рѣзкія черты изгладились, остались одни мягкіе, теплые тоны. Искры меріады звѣздъ надъ вершиною Чатырдага, гдѣ одинъ, около усталой лошадки, стоитъ молящійся Иннокентій; внизу мы видимъ клубящіяся облака; тишина невозмутимая, и къ ней какъ будто особенно чутко прислушивается слѣпецъ Григорій. О, какъ бы я желалъ проникнуть въ твою христіанскую, высокую, воспламеняющуюся душу, мой незабвенный Иннокентій, въ эти минуты твоей молитвы“.

Что имѣемъ—не хранимъ, потерявши—плачемъ. Эта поговорка имѣетъ особенное значеніе для насъ по отношенію къ тѣмъ близкимъ нашему сердцу, которые оставили здѣшній міръ. При жизни ихъ намъ иной разъ какъ будто и скучно было вести разговоръ съ ними; но когда они оставили насъ, какъ бы хотѣлось услышать отъ нихъ хотя бы одно словечко, даже звукъ ихъ голоса. Живя съ ними, мы иногда позволяемъ себѣ дѣлать имъ и неприятности, и огорченія; но по удаленіи ихъ изъ здѣшняго міра, какъ все это представляется намъ достойнымъ полного осужденія, и внутренній голосъ говоритъ: мы не умѣли цѣнить этихъ людей, мы не дорожили ими, и особенно если эти лица гораздо выше насъ стояли по всѣмъ своимъ правамъ надъ нами, по превосходству своихъ духовныхъ силъ, по своему высокому значенію въ обществѣ. О, какъ бы мнѣ хотѣлось не только слышать какое нибудь слово Иннокентія, но хотя бы взглянуть на это лицо, сіявшее кротостію, умомъ и правдою! и какъ бы я бросился цѣловать его руку, прося прощенья за неумѣстныя иной разъ слова, за которыя, конечно, по величію своего духа, онъ не сердился; но которыя

во всякомъ случаѣ были неприятны ему. Выше я привелъ одну собственнаго измышленія выходку,—выходку неумѣстную, даже прямо глупую; но подобныя выходки повторялись не разъ, къ которымъ какъ будто предрасполагала простота обращенія Иннокентія со мною, даже иной разъ смѣхъ надъ моими выходками. „Ты, братъ, человекъ угловатый, мало обтесанный, съ наивностію, которая прощительна только дѣтямъ. Прячь свои углы, особенно когда тебѣ приходится быть въ кругу лучшихъ или высшихъ свѣтскихъ людей, у которыхъ есть свой кодексъ общечитія, есть особо сложившіеся приемы, которыми пренебрегать не слѣдуетъ. То люди высшего вкуса и всякое проявленіе безвкусіа имъ противно“. Вотъ что сказалъ мнѣ Иннокентій послѣ какой то моей выходки, отзывавшейся угловатостію, и во время оно передалъ эту угловатость обществу осмѣянію.

Выписываю нѣсколько строкъ изъ нѣкогда напечатаннаго мною.

„Однажды у преосвященнаго Иннокентія былъ обѣдъ, на который были приглашены лица, пользовавшіяся его расположеніемъ и, какъ обыкновенно на этотъ разъ выражался владыко, *свои*; въ числѣ другихъ этой чести удостоился и я. Надобно замѣтить, что Иннокентій любилъ обѣдать съ такими лицами, которыя давали полный просторъ его широкой мысли и его дивному слову. Вотъ, здѣсь нужно было слышать нашего именитаго витію, когда съ глубиною взглядовъ его свѣтлаго ума сыпались ярко-блестящія искры удивительнаго остроумія и даже юмора. Иннокентій, повидимому, особенно любилъ спуститься съ высоты долу; вдругъ переходить отъ великаго къ самому малому, отъ важнаго къ смѣшному. Эта черта просвѣчиваетъ и въ проповѣдяхъ его; но она выразительнѣе выступала въ обыкновенной бесѣдѣ, въ кругу близкихъ къ нему лицъ. Въ теченіе обѣда, о которомъ я говорю, Иннокентій былъ неподражаемъ; вдохновенная рѣчь его лилась какимъ то неудержимымъ потокомъ; мы все превратились въ слухъ; повидимому, нашъ дивный ораторъ собралъ своихъ гостей, чтобы подѣлиться съ ними тѣмъ, что накопилось у него на душѣ и на сердцѣ, и рвалось на свѣтъ Божій. Подъ конецъ обѣда рѣчь склонилась къ русскому народу (о, какъ онъ любилъ этотъ народъ! какъ чаялъ онъ воскресенія этого народа для свободной жизни!) и между прочимъ коснулась того, что нѣкоторые изъ чсто-

русскихъ людей носятъ совершенно чуждыя русскому языку фамиліи. Припомнилось и то, что въ прежнія времена въ нашихъ духовныхъ училищахъ въ одномъ классѣ ученикъ носилъ фамилію „Дилigentовъ“, а въ слѣдующемъ „Неглігентовъ“, смотря по прилежанію и успѣхамъ его. Во время разговора на эту тему и я вставилъ замѣтку, относившуюся лично до моей особы: какъ чистѣйшій русскій, сказалъ я, терпѣть не могу своей греческой фамиліи. Надоно замѣтить, что Иннокентій, зная мою угловатость, особенно любилъ подшучивать надо мной, чтобы вызвать на новую выходку по части угловатости. Не упустилъ онъ настоящаго случая. Да, ужъ если кто, сказалъ онъ, то вы, мой ученый профессоръ (такъ въ шутку любилъ называть меня покойный владыка) подлинно чистѣйшей русской крови; но вы не помните, какъ звали вашего праотца или дѣда? Ничего не подозрѣвая, я поспѣшилъ отвѣтить: дѣда моего звали Михаиломъ (дѣйствительно дѣдъ мой назывался Михаиломъ Яковлевичемъ). — Ну я такъ и зналъ: кивнувши, замѣтилъ Иннокентій. — Общій смѣхъ. Да, сказалъ я: я *вѣдало* и тотъ душистый медъ, который ѣлъ, и тотъ, который лился за столомъ изъ одного золотого сосуда. — Иннокентій догадался, что я сказалъ неумѣстную любезность гостепріимному хозяину; отъ души разсмѣялся и, знаменательно кивнувши своимъ гостямъ, отвѣтилъ только четырьмя словами, которыя вызвали неудержимый смѣхъ: „перевернулся на другой бокъ“.

Спускъ съ горы хотя былъ и короче, но при наступившей темнотѣ не менѣе труденъ и даже опасенъ. По прежде составленному плану, мы должны были спуститься на почтовую станцію, первую отъ Алушты, Тавшань-базаръ, до которой отъ тѣмени горы наберется добрыхъ верстъ пять. Очевидно, на станціи, такъ долго дожидаясь нашего возвращенія, безпокоились за насъ и въ особенности за владыку, который однако всѣхъ насъ былъ бодрѣе и неустрашимѣе и даже иной разъ шутилъ, слыша испугъ нѣкоторыхъ изъ своихъ спутниковъ. Не доѣзжая до станціи версты двѣ, мы встрѣтили верховыхъ съ фонарями и это придало намъ духу. Часамъ къ 8 утра мы пріѣхали въ Симферополь, гдѣ владыка долженъ былъ служить литургію. Мѣстный протоіерей обратился къ нему съ предложеніемъ прослушать утреннюю; на что Иннокентій отвѣчалъ: я слушаю

ее на Чатырдагѣ; и, велѣвши начать благовѣсть въ 10 часовъ, остался одинъ для приготовленія себя къ служенію.

Весь день этотъ владыка былъ занятъ церковными дѣлами, и мнѣ приводилось видѣть его, можно сказать, мелькомъ. На слѣдующій день я позволилъ себѣ объявить, что мнѣ время бы и на должность явиться. Да, сказалъ владыка, хотѣлось бы мнѣ показать тебѣ еще нѣкоторыя, собственно степныя мѣстности, куда я ѣду отсюда, — но служба прежде всего. Отправляйся; но не всѣмъ и не все рассказывай слышанное отъ меня; лишнія слова могутъ повредить не мнѣ, а тебѣ. Я, какъ умѣлъ, благодарилъ владыку за его наставленія; за тѣ драгоценныя для меня свѣдѣнія, которыя онъ сообщилъ мнѣ. — Владыка, смѣясь, сказалъ: а помнишь, что мы съ тобой учили въ азбукѣ: невѣжду наставъ, печальныхъ утѣшь. Это, другъ, святая истина; не скупись и ты наставляя ближняго, чѣмъ Господь умудритъ тебя. Взаимность между людьми есть одна изъ величайшихъ силъ въ человѣчествѣ, какъ сила тяготѣнія между небесными тѣлами. Отними у нихъ, т. е. у міровъ, разсѣянныхъ по тверди небесной, эту силу, и весь ихъ стройный ходъ нарушится; потеряется цѣль творенія и бытія ихъ. То же было бы и между людьми безъ той силы неотразимаго общенія, которая движетъ ими и связываетъ въ общества и государства — силы влеченія другъ къ другу или взаимнаго обмѣна мыслей и чувствъ. Тунѣ пріятѣ, тунѣ дадите. Вотъ гдѣ законъ общенія между людьми, — законъ высокій, въ первый разъ ясно выраженный для рода человѣческаго въ евангеліи. Наши силы духовныя совершенно справедливо называются дарами или дарованіями. Дѣйствительно, мы тунѣ принимаемъ ихъ; и потому и тунѣ должны дѣлиться ими.

Ты поѣдешь отсюда на Перекопъ, изъ Перекопа на Алешки, изъ Алешекъ на Херсонъ, на Николаевъ и въ Одессу. Весь путь этотъ не можетъ быть не поучительнымъ для тебя. Къ Перекопу ты будешь подъѣзжать уже къ вечеру: полюбуйся заходомъ солнца; такое величественное зрѣлище не вездѣ можно видѣть и, увидѣвши, нельзя забыть его; нарочно можно бы ѣздить сюда ради этого видѣнія. Но эту чудную, величавую картину сторожатъ страшныя чудовища; они стаями будутъ нестись на тебя; но ты не бойся ихъ и припомни мои

слова, которыхъ смыслъ когда нибудь я объясню тебѣ: о глу-
пыхъ людяхъ Богъ больше печется, чѣмъ объ умныхъ, такъ
какъ глухие люди известнаго рода дѣти. Владыка улыбнулся
своею кротою и умною улыбкой. Близъ Перекопа ты уви-
дишь соленыя озера, которыя суть продолженіе Сиваша, или
Гилага моря. Здѣсь идетъ борьба между водою и сушию, и
ясно, что вторая одолеваетъ первую; придетъ время, — даже
оно и не такъ далеко, — когда ни этихъ озеръ, ни Сиваша,
да пожалуй и самаго Азовскаго моря не будетъ. Такихъ пере-
мѣнъ не мало было на земной оболочкѣ. Но здѣсь, при пере-
копскихъ озерахъ, равно какъ и при другихъ подобныхъ имъ,
нельзя не видѣть, какъ земля постепенно выѣсняетъ воду.
Вотъ на известномъ разстояніи отъ соленого озера, мы ви-
димъ пластъ земли довольно черной, съ сѣнокосною травою
или годный для хлѣбопашества; идемъ ближе къ озеру, и
этотъ пластъ становится все тоньше и тоньше, все свѣтлѣе и
свѣтлѣе, а растительность бѣднѣе и бѣднѣе, наконецъ, при
самомъ озерѣ уже голая глина или илъ безъ всякой расти-
тельности; но этотъ илъ или глина, съ теченіемъ времени такъ
же превратятся въ болѣе или менѣе тучную землю. Въ Алеш-
кахъ слѣдуетъ остановиться: тамъ идутъ очень успѣшно ра-
боты по укрѣпленію сыпучихъ песковъ лозою, — тѣхъ песковъ,
которые уже не одну тысячу десятинъ прекрасной земли за-
сыпали и засыплютъ болѣе, если ихъ не останавливать. Обрати
вниманіе на оставшуюся древесную растительность окрестъ
Алешекъ; думаютъ, что здѣсь была часть Геродотовой Гилей.
Проѣдешь ты, переправляясь черезъ Днѣпръ, обширнымъ
пространствомъ тростника, называемымъ здѣсь камышемъ, и
припомни мои слова, что наша земля старѣетъ. Во время оно,
то, что теперь подъ камышами, было сплошнымъ устьемъ рѣки,
которая, ибѣтъ сомнѣнія, была несравненно многоводнѣе, чѣмъ
теперь. А многоводнѣе Днѣпръ, какъ и другія наши рѣки,
были въ тѣ давнія времена, когда теперешнюю русскую землю
покрывали сплошныя лѣсныя дебри. Впрочемъ, и на нашей
памяти рѣки всей юговосточной Россіи видимо мѣлѣютъ, оче-
видно отъ повсемѣстнаго истребленія лѣсовъ. Объ этомъ го-
ворятъ и въ вашемъ ученомъ мірѣ. Отъ Херсона до Одессы
почти не на чѣмъ остановиться; но знай, что эта южнѣйшая

окраина Новороссіи имѣетъ болѣе тощую землю и болѣе под-
вержена дѣйствию иссушающихъ растительность восточныхъ
вѣтровъ, чѣмъ сѣверная, а потому и урожан здѣсь менѣе
постоянны и обильны, чѣмъ тамъ, дальше на сѣверѣ. Обрати
вниманіе на изсохшія балки и лиманы: они были когда-то
рѣками и притомъ рыбными, что помнятъ даже здѣшніе старо-
жилы. Явленіе это тебѣ современемъ пригодится. Въ Нико-
лаевѣ забѣги въ такъ называемые „лѣски“, на песчаномъ бе-
регу Буга; ихъ насадила рука человѣческая, и деревья рас-
тутъ изрядно. Но съ Богомъ! Да управитъ онъ путь твой.
Владыко благословилъ меня, далъ изъ собственнаго кошелька
на дорогу денегъ. Я съ глубокою любовію обლობызалъ эту во-
истину отеческую руку и отправился въ Одессу. Дорогою я
ничего не пропустилъ, на что вѣрно было мнѣ обратить
вниманіе, и все это было для меня поучительно.

Не забуду я захода солнца, которымъ, вѣроятно, не одинъ
разъ любовался Иннокентій до самой горячей восторжен-
ности, на что такъ способно было его поэтическое чувство.
Этотъ закатъ солнца едва ли доступенъ самому живому
перу и самой мастерской кисти, хотя бы и такой геніальной,
какою владѣетъ И. К. Айвазовскій. Величавая картинность
этого истинно царственнаго явленія главнымъ образомъ про-
исходитъ отъ „видимой“ лучистости солнца; а эта лучистость
въ свою очередь происходитъ отъ тончайшихъ пылинокъ —
органическихъ и неорганическихъ, — которыя въ этихъ сухихъ
мѣстахъ, благодаря постоянному току воздуха, обусловливае-
мому сосѣдствомъ двухъ морей, обыкновенно поднимаются отъ
земли и наполняютъ собою нижайшіе слои атмосферы. Протя-
женіе на далекія пространства, дробленіе и преломленіе лучей
въ этой средѣ рисуются съ поразительною ясностію, какъ пуки
лучей, вырвавшихся изъ щели густаго облака и разсыпавшихся
сіяніемъ въ тѣневой сторонѣ его. Вы видите солнце дѣйстви-
тельно въ лучахъ или испускающихъ изъ себя лучи и при-
томъ съ тѣневою окраскою. Здѣсь вы невольно назовете его
лучезарнымъ. И что замѣчательно: представляется, какъ будто
это лучезарное свѣтило не далеко отъ васъ; какъ будто оно
и не ярко — пылающее огненное тѣло, а тѣло вылитое изъ бѣло-
ватаго свѣта, безъ пламени, безъ жара. На него вы можете

прямо смѣтрѣть, и оно не ослѣпляетъ васъ. Но вотъ въ вашихъ глазахъ это свѣтовое тѣло какъ будто таетъ въ своихъ дивныхъ лучахъ или собираетъ ихъ внутрь себя. Дѣйствительно по мѣрѣ паденія солнца за горизонтъ, лучи его видимо становятся короче и короче, тусклѣе и тусклѣе, и наконецъ совсѣмъ исчезаютъ, и лучезарное свѣтило почти вдругъ превращается въ огненно-багряный, гладко очерченный кругъ, который куда-то быстро падаетъ и мгновенно исчезаетъ. Такимъ образомъ, вы можете ясно замѣтить, какъ свѣтъ смѣняется мракомъ, день—ночью. Надо замѣтить, „перекопская“ степь (я видѣлъ этотъ закатъ солнца не доѣзжая Перекопа) и слѣдующая за нею къ сѣверу степная равнина на далекое пространство почти не имѣютъ не только возвышенностей, но даже волнистости. А потому-то здѣсь исчезновеніе солнечнаго диска происходитъ также быстро, какъ на обширныхъ водныхъ равнинахъ, т. е. солнце какъ будто вдругъ падаетъ куда-то, оставляя послѣ себя мракъ ночи. Картинность этого захода солнца увеличивается въ свою очередь и тѣмъ, что вы видите, какъ свѣтовые лучи стелются по поверхности земли на самыя огромныя пространства, не находя для себя преградъ, благодаря упомянутой равнинности или гладкости степи. Въ свою очередь всякое возвысившееся надъ уровнемъ земли тѣло—столбъ, камень, большая глыба земли, человекъ, овца, лошадь, бросаютъ отъ себя длиннѣйшія тѣни, и тѣни какогонибудь пасущагося чумацкаго вола, принимаетъ видъ исполинскаго животнаго, имѣющаго длиннѣйшія ноги и невѣроятной длины рога. Тѣни эти по истинѣ имѣютъ что-то волшебное, фантастическое. Представьте себѣ, что по ровной, покрытой золотистыми лучами поверхности, и стоятъ, и движутся, и принимаютъ различныя положенія громаднѣйшія тѣни животныхъ, при которыхъ, т. е. при этихъ поражающихъ васъ тѣняхъ, образы, производящіе ихъ, до того уменьшаются, что какъ будто и нѣтъ ихъ. Для полноты картины добавимъ, что этихъ мрачныхъ тѣней мы видимъ сотни на всемъ видимомъ нами пространствѣ, и они такъ отчетливо рисуются на золотистомъ полѣ лучей, что какъ будто отражаются въ этомъ полѣ, какъ въ зеркалѣ воды. Одного этого краткаго наброска

достаточно, чтобы дѣйствительно остановиться предъ заходомъ солнца въ этой равнинѣ степей.

Сбылось предсказаніе Иннокентія и о встрѣчѣ моей съ нѣкими страшилищами. Ѣдучи перекопскою степью, я видѣлъ, что слѣва направо неслись одно за другимъ, даже цѣлыми стаями, какія-то чудовища и большихъ, и малыхъ, и огромныхъ величинъ; они катились, кувыркались, припрыгивали, цѣплялись другъ съ другомъ, какъ будто вступая въ ожесточенную борьбу; потомъ опять разъединялись и мчались каждый своею дорогою. Признаюсь, это зрѣлище, въ первый разъ мною видѣнное, поразило меня: то была какая-то пляска сказочныхъ вѣдьмъ, ягичъ бабъ, лѣшихъ, медвѣдей и подобныхъ имъ чудовищъ. Теперь, при повсемѣстной распашкѣ земли, при многочисленности стадъ разнаго скота, можно видѣть иногда только слабое подобіе видѣннаго мною. Но что же это за чудовища? Это катилась шарообразная, оторвавшаяся отъ своего корня, трава — „перекати поле“, взаимно цѣпляясь кустъ съ кустомъ и образуя въ одинъ, въ три, пять, восемь и болѣе аршинъ массы, имѣющія болѣе или менѣе округлопродолговатую форму. Замѣчательно, что кувырканіе этихъ массъ совершалось именно по длинной оси, по направленію же короткой, онѣ болѣею частію катились и при томъ съ замѣчательною быстротою, оставляя за собою клубы пыли, а зацѣпившись за чтонибудь и потомъ оторвавшись силою вѣтра—онѣ довольно высоко поднимались на воздухъ, неслись по немъ и снова, съ нѣкоторымъ глухимъ шумомъ, ударялись о землю. Пусть представляютъ, что въ этой чудовищной пляскѣ принимаютъ участіе не десятки, а сотни чудовищъ, и притомъ въ полумракѣ ночи или въ полночь при мерцаніи звѣздъ, и тогда поймутъ, что подобное зрѣлище не могло не обратить на себя вниманія такой любознательной и отчасти поэтической души, какова была у именитаго нашего архипастыря. Послѣ я узналъ отъ него и смыслъ загадочныхъ словъ по поводу этихъ бѣсновавшихъ чудовищъ. Вотъ въ чемъ дѣло, сказалъ онъ: здѣшній народъ и глупъ, и лѣнивъ; а лѣнивъ потому, что глупъ. Лѣса онъ не разводитъ; топить свои хаты кизякомъ, да и того лѣнъ надѣлать, и вотъ Тотъ, Который дождитъ на праведныхъ и неправедныхъ, на трудолюбивыхъ и лѣнивыхъ,

растить эту не съдобную (ее ѣдят только верблюды) траву и потомъ сгоняеть въ балки или овраги, и глупымъ людямъ остается только прѣхать на волахъ, набрать заготовленное и топить имъ свои жилища.

VI.

Иннокентій беретъ меня въ степи для наблюденія солнечнаго затмѣнія.—О. протоіерей, профессоръ философіи П. М. Скворцовъ.—Онъ ревизуетъ Херсонскую семинарію и отправляется съ нами въ Бобринець.—Рекреаціи и экзамены при Иннокентіи.—Мысли, высказанныя Иннокентіемъ въ дорогъ.—Астрономъ А. Н. Савичъ.—Диктованіе П. М. Скворцовымъ отчета о солнечномъ затмѣніи.—Прощаніе учителя и ученика.—Чумацкая дорога и ливень.—Обѣдъ у одной помѣщицы.—Мифы Иннокентія о бытности лѣсовъ на югѣ Россіи.—Теорія образованія земли.

Послѣ первыхъ моихъ представленій (что было, какъ выше сказано, въ маѣ 1851 г.) владыкъ Иннокентію, я былъ у него, конечно, по зову, раза три: онъ то указывалъ мнѣ на книгу, касавшуюся изучаемой мною области, то желалъ слышать рѣшеніе нѣкоторыхъ занимавшихъ его агрономическихъ вопросовъ. Являлся я къ нему на самое короткое время. Но вотъ зоветь онъ меня въ первыхъ числахъ іюля того же года и говорить: „ты, вѣроятно, не забылъ, что я хотѣлъ показать тебѣ степи; я это хорошо помню, и свое слово сдержу; я хочу, чтобы ты былъ работникомъ съ зрячими глазами, имѣлъ ревность по разуму. Я скоро отправляюсь въ Бобринець, а оттуда поѣдемъ къ одному изъ самыхъ крупныхъ здѣшнихъ землевладѣльцевъ, который имѣетъ почти полувѣковую опытность и прокладываетъ торную дорогу къ самому важному для юга Россіи дѣлу—къ лѣсоразведенію. Старецъ этотъ будетъ или долженъ быть для тебя необходимымъ сокровищемъ, учителемъ, которому я и сдамъ тебя съ рукъ на руки. Увѣренъ, что ты уроками его воспользуешься. Но у меня есть и другая цѣль взять тебя съ собою. Академія наукъ, между прочими, просила и меня сдѣлать свои наблюденія во время предстоящаго полнаго солнечнаго затмѣнія. Ты считаешься естествоиспытателемъ и я возлагаю на тебя наблюдать въ это время надъ животными, которыя представляются тебѣ. Я беру съ собою и профессора Лашкевича въ качествѣ секретаря. До Бобринца съ нами поѣдетъ и нашъ возлюбленнѣйшій о. протоіерей Иванъ Михайловичъ, гдѣ мы съ

нимъ и простимся. Ты „не стяжи злата, ни сребра, ни мѣди при поясѣ твоемъ“¹⁾; мы вездѣ найдемъ и пріютъ, и трапезу; но „ризу и сапоги“ возьми. Владыка улыбнулся. Итакъ, къ назначенному часу приходи сюда. Мы поѣдемъ на почтовыхъ, безъ остановокъ; но ты все таки присматривайся къ степямъ. Ты успеешь замѣтить, какъ, по мѣрѣ удаленія отъ берега Чернаго моря, къ сѣверу земля становится чернѣе и чернѣе и слой ея (какъ это можно видѣть на оврагахъ) толще и толще. На языкѣ геологіи это явленіе называется выклиниваніемъ. Дѣйствительно, пластъ чернозема отъ сѣверныхъ границъ нашихъ степей къ берегу моря, въ разрѣзѣ, представляется клиномъ. Очевидно, что въ верхнихъ предѣлахъ края земля ранѣе освободилась отъ воды, ранѣе началась растительность и такимъ образомъ могла оставить по себѣ больше перегноя. Ясно также, что здѣшній материкъ не вдругъ выдвинулся изъ подъ воды, а постепенно; въ противномъ случаѣ верхній покровъ повсюду былъ бы одинаковаго состава и свойства. Но объ этомъ мы потолкуемъ на свободѣ. И такъ, въ назначенный часъ—какъ сивка-бурка—вѣщая кавурка предстанъ здѣсь“.

Но что это за возлюбленнѣйшій, по выраженію Иннокентія, о. протоіерей Иванъ Михайловичъ? То извѣстный нашъ русскій философъ, бывшій въ свое время звѣздой въ русскомъ ученомъ мѣрѣ первой величины, профессоръ кievской духовной академіи и университета св. Владиміра, наставникъ и нашего именитаго богослово-философа Иннокентія,—Иванъ Михайловичъ Скворцовъ. Онъ пріѣзжалъ въ Одессу въ качествѣ ревизора мѣстной духовной семинаріи. Но при этомъ, конечно, имѣлось въ виду удовлетворить своему пламенному желанію провести нѣсколько отраднѣвшихъ дней съ бывшимъ своимъ ученикомъ—знаменитымъ іерархомъ—витіею Иннокентіемъ. Дивною личностію всѣмъ намъ представился этотъ ученый мужъ. Уже почтенная сѣдина украшала его; но въ немъ столько было жизни и, если позволено такъ выразиться, дѣтской игривости, простоты, душевности, что нельзя было безъ истиннаго наслаж-

¹⁾ Да и брать то было нечего. Въ Одессу я пріѣхалъ съ 50 коп. въ карманѣ, на жалованье 26 руб. въ мѣсяць. Вскорѣ добрыйшій владыка испросилъ мнѣ 100 руб. квартирныхъ. Авт.

денія видѣть его и находиться съ нимъ въ общеніи. Живо я помню это лицо, дышащее умомъ, кротостію, привѣтливостію, на которомъ просвѣчивали тончайшія жилки свѣжаго румянца, и бѣлизна лица имѣла отчасти розовый оттѣнокъ. Въ кроткихъ и умныхъ глазахъ его, кажется, можно было читать: смотрите въ нихъ, и они могутъ быть свидѣтелями, что въ сердцѣ моемъ ничего нѣтъ затаеннаго, — я весь передъ вами. Какъ ревизоръ, почтеннѣйшій ученый мужъ бывалъ на всѣхъ испытаніяхъ питомцевъ семинаріи и по нѣкоторымъ предметамъ въ присутствіи Иннокентія, на этотъ разъ лица въ нѣкоторомъ отношеніи отвѣтственнаго предъ нимъ. Но что это были за испытанія? Самый торжественный, самый роскошный праздникъ и для учащихся, и для учащихся ¹⁾. Было чего послушать, когда оба эти ученые мужа заговорятъ, иногда вводя въ свои ученія разсужденія такія остроты, которыя невольно заставляли всѣхъ присутствовавшихъ не только улыбаться, но даже смѣяться. Иванъ Михайловичъ всѣ мѣры и средства употреблялъ, чтобы доказать Иннокентію на этихъ испытаніяхъ, что его семинарія въ научномъ отношеніи находится въ самомъ блестящемъ положеніи. Даже слабоватый и колеблющійся питомецъ при Иванѣ Михайловичѣ оказывался смыслящимъ и понимающимъ дѣло. — Да, вы, почтеннѣйшій о. протоіерей, предоставьте самому ученику говорить, — иной разъ замѣчалъ Иннокентій. — А развѣ, ваше выс-во, вы не замѣчаете даже по глазамъ, что испытуемый именно хотѣлъ тоже сказать, что и я. Эдѣсь кругомъ виноватъ я, а не онъ, — виновата моя привычка говорить, обратившаяся въ нѣкую природу. Вотъ послушайте, какъ онъ самолично отвѣтитъ. И ученикъ повторитъ сказанное Иваномъ Михайловичемъ, что и вызоветъ общую улыбку. Впрочемъ, надобно сказать, что во времена Иннокентія и ректора о. Паренія, одесская духовная семинарія стояла на желаемой высотѣ и въ научномъ, и въ нравственномъ отношеніи: лѣнивыхъ не было, и не слыхали мы о какихъ нибудь неопозволительныхъ шалостяхъ питомцевъ. Но какъ отличитель-

¹⁾ И въ прочіе годы Иннокентій обыкновенно бывалъ на экзаменахъ по главнымъ предметамъ, что считалось также большимъ праздникомъ: учащимся легче было отвѣчать, а учащимъ было чего послушать. *Авт.*

ную черту можно поставить относительно ихъ — смѣлость, развязность и даже большую изящность въ платѣи и во всѣхъ приемахъ. Между ними не было изъ подлобыя смотрящихъ, и не было заносчиваго самомиѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что духъ стоявшихъ во главѣ этой школы, живой, открытый духъ Иннокентія и Паренія вздыхали дыханіе такой жизни въ эту школу. Думаемъ, что и самый городъ, даже море, дышавшіе такою непринужденностію, такою свободою, просторомъ для своихъ движеній, невольно отражались на юныхъ впечатлительныхъ душахъ питомцевъ этой школы ¹⁾. Слышно, что и теперь она сохранила и хранитъ все прекрасное, унаслѣдованное отъ незабвенныхъ для нея Иннокентія и Паренія, благодаря опытному водителству такого преданнаго и наукѣ, и школѣ, какимъ по всѣмъ правамъ долженъ быть поставленъ настоящій ея ректоръ, о. протоіерей М. Чемена. А если припомнить, что тамъ, во главѣ духовнаго просвѣщенія, стоитъ такая свѣтлая личность, — личность по громадной своей учености первенствующая въ нашей духовной іерархіи — преосвященный Никаноръ, — то можно съ полнымъ речательствомъ сказать, что славное наслѣдіе приснопамятнаго Иннокентія съ честію и славою будетъ служить наукѣ и церкви.

Послѣ всѣхъ экзаменовъ Иннокентій далъ дорогому своему гостю и почтенному ревизору обѣдъ, пригласивши на него, какъ онъ говаривалъ, ученую братію и весь освященный соборъ, кончившій курсъ въ академіи. Что это былъ за обѣдъ, достаточно сказать одно, что его давалъ самый радушный русскій хозяинъ, и что душею его была очаровательнѣйшая душа Ивана Михайловича. Иннокентій все время держалъ себя такъ, чтобы центромъ обѣда былъ его возлюбленнѣйшій авва. Умилительно было видѣть, съ какимъ глубокимъ уваженіемъ и съ какою теплою сердечностію они относились другъ къ другу.

Пользуясь полученнымъ мною письмомъ отъ одного почтеннаго лица, служившаго при Иннокентіи въ качествѣ наставника Одесской духовной семинаріи, я сдѣлаю здѣсь небольшую вставку, за которую, смѣю думать, не посѣтуетъ на

¹⁾ Однако, Иннокентій все-таки думалъ перемѣстить ее за 12 верстъ за городъ, въ монастырь; и однажды бралъ меня съ собою для обзора мѣстности, которая, по береговому положенію, подвергается обваламъ. *Авт.*

меня мой снисходительный читатель. Вот что, между прочимъ, пишется въ этомъ письмѣ. „Безъ сомнѣнія вы не забыли заботливыхъ отношеній незабвеннаго для насъ Иннокентія въ Одесской семинаріи... Помните ли вечернія собранія у него преподавателей семинаріи, какъ онъ дѣлился съ ними новостями богословскихъ и человѣческихъ наукъ? Помните ли гулянья на его дачѣ въ маѣ наставниковъ семинаріи и учениковъ? Что касается моихъ личныхъ воспоминаній, то для меня дорого то, что я очутился въ Одессѣ неожиданно по волѣ Иннокентія. Заботясь о томъ, чтобы составъ служащихъ въ Одесской семинаріи былъ устроенъ изъ лучшихъ силъ, онъ ходатайствовалъ предъ св. Синодомъ о назначеніи въ Одесскую семинарію лучшихъ изъ окончившихъ курсъ въ Академіи. Св. Синодъ, имѣя подъ руками разрядный списокъ, назначилъ меня. Иннокентій старался привлечь меня къ литературнымъ и научнымъ трудамъ, — поручилъ было мнѣ составить христоматію изъ образцовыхъ сочиненій для духовныхъ семинарій. „Что намъ смотрѣть все въ руки свѣтскихъ? Только и знаемъ Галахова. Развѣ у насъ не хватитъ силъ и умѣнья составить что-либо болѣе подходящее для нашихъ духовныхъ школъ? Нужно только болѣе довѣрять своимъ силамъ“. Такъ говорилъ мнѣ Иннокентій и очень ободрялъ юныя силы. Къ сожалѣнію, скорая перемѣна службы и занятій отвлекли меня отъ этого дѣла, которое, конечно, дѣлалось бы подъ руководствомъ мудраго архипастыря. За нѣсколько дней до своей кончины, владыко Иннокентій хотѣлъ сдѣлать меня священникомъ при острогѣ, въ соединеніи службы моей при семинаріи. „Нужно взыскать вниманіемъ, говорилъ онъ, несчастныхъ преступниковъ, часто совершающихъ беззаконіе по тяжкимъ обстоятельствамъ жизни и крайнему невѣжеству. У молодого магистра богословія если мало опытности, то довольно духовнаго просвѣщенія и идеаловъ, а потому и болѣе найдется сердечности въ отношеніяхъ къ падшимъ“. Я побоялся взять на себя эту великую миссію; а кончина святителя помѣшала ему настоять на своемъ, что онъ любилъ дѣлать“.

Въ этомъ письмѣ подтверждается то, что я высказалъ въ началѣ „Моихъ воспоминаній“, именно, что въ числѣ высо-

кихъ качествъ души именитаго іерарха Иннокентія слѣдуетъ поставить одно изъ самыхъ выдающихся—это—самое искреннее желаніе поднять молодыя силы вѣрою въ себя и дать имъ работу.

И смотрите, какъ широкъ взглядъ былъ у этого воистину многообъемлющаго ума. Иннокентій думалъ составить христоматію собственно для духовныхъ школъ, — ту христоматію, которой до сихъ поръ онѣ не имѣютъ, и въ духовныхъ семинаріяхъ знакомятся почти только съ свѣтскими писателями, съ ихъ жизнью и произведеніями, какъ будто забывая (да и дѣйствительно такъ), что духовная литература во многихъ, если не во всѣхъ отношеніяхъ, богаче свѣтской, по крайней мѣрѣ по богатству содержания въ ней. Да и не прокладывала ли первая пути для второй? Не заимствовали ли языкъ свѣтскіе писатели у духовныхъ? Намъ приводилось просматривать (въ печати) программы духовныхъ нашихъ школъ обоюго пола, — программы по исторіи русской литературы, и мы не могли не по удивиться почти полному отсутствію въ нихъ духовныхъ писателей: есть и Кантеміръ, и Херасковъ и т. д.; но и словескомъ не упомянуто напр. о св. Дмитріѣ Ростовскомъ, о Платонѣ, Филаретахъ, Иннокентіи, Макаріи, Хрисанфѣ и т. д. и т. д. Но здѣсь не мѣсто говорить объ этомъ воистину странномъ явленіи ¹⁾.

Последнія строки въ упомянутомъ письмѣ, относящіяся до намѣренія Иннокентія сдѣлать молодого магистра богословія острожскимъ священникомъ, не могутъ не остановить на себѣ вниманія каждаго мыслящаго и сердечнаго человѣка. Сколько въ короткихъ словахъ Иннокентія свѣта и теплоты! Припомнились и мнѣ майскія рекреации на дачѣ Иннокентія, припомнилось кое что и изъ слышаннаго тамъ изъ золотыхъ устъ этого мудреца—витіи. Впрочемъ, по множеству занятій, кажется, я

¹⁾ Намъ извѣстна вышедшая въ позднѣйшее время въ двухъ томахъ Христоматія собственно духовныхъ писателей, или точнѣе проповѣдниковъ, которую можно назвать дорогимъ вкладомъ въ наши духовныя семинаріи. Но намъ также извѣстно, что по мысли Иннокентія слѣдовало бы составить Христоматію для духовныхъ школъ такого рода, чтобы и произведенія свѣтскихъ писателей вошли въ нее, но съ выборкою того изъ нихъ, что ближе къ духовному образованію.

былъ всего только на двухъ. Эти рекреации можно бы очер-
тить такими короткими словами: тамъ была одна родная семья,
„отецъ, веселящійся о чадахъ“, и чада, не спускающія съ отца
своихъ любящихъ очей. Здѣсь, при дыханіи чистаго степнаго
воздуха, подъ свѣтлой, обыкновенно безоблачною или съ лег-
кимъ пухомъ облаковъ лазурью неба, при живительной теплотѣ
весенняго солнца, все дышало самою сердечною радостію, са-
мымъ задушевнымъ довольствомъ, самою патриархальною про-
стотою. Здѣсь было средоточіе свѣта и теплоты, и все тяго-
тѣло къ этому средоточію; все окружало его. Ловилось каждое
слово неистощимаго источника мудрости; какъ будто перели-
валось въ душу каждое біеніе глубоко-любящаго сердца. Здѣсь
владыко Иннокентій любилъ шутить и подшучивать; смѣялся
со всею искренностію сердца, но никогда не забывая своего
священнаго сана; любилъ слѣдить за играми и бѣготнею дѣ-
тей, припоминая рѣзвыя годы и своего дѣтства, но тутъ же
сколько иной разъ дѣлалось самыхъ вѣрныхъ замѣчаній отно-
сительно дѣтскихъ игръ; именно какая игра болѣе способ-
ствуетъ къ развитію не только тѣлесныхъ силъ, но и душев-
ныхъ. Особенное значеніе онъ придавалъ бѣганью вообще и
вчастности „въ перегонки“, которое, по его словамъ, развиваетъ
грудь, легкія, — эти, какъ онъ выразился, мѣхи въ нашей куз-
ницѣ, безъ которой въ насъ ничего не скуется, ничто не на-
варится и не сварится. Помнится и слѣдующее его замѣчаніе:
„Для игръ дѣтей—первѣе всего просторъ и чистый воздухъ, а
затѣмъ полная свобода играть, т. е. играми развивать свои
силы и доставлять себѣ удовольствіе, такъ, какъ дѣтямъ хо-
чется; здѣсь природа умнѣе каждаго учителя гимнастики“¹⁾.

¹⁾ Конечно, нельзя не согласиться съ этимъ правиломъ; но оно не безъ
исключеній и нерѣдко очень прискорбныхъ: дѣти могутъ придумать такіа
игры, которыя, пожалуй, отправятъ ихъ и на тотъ свѣтъ. Припоминаю нѣчто
изъ своего дѣтства. У отца моего—іерей—была школа, въ родѣ нынѣшнихъ
церковно-приходскихъ, съ нами, его дѣтцами, учились и крестьянскіе мальчуганы;
всѣхъ учениковъ было 12—15 душъ. Разъ какъ-то отецъ съ матерью отпра-
вились рано утромъ въ отдаленную деревню, гдѣ они должны были пробыть
почти весь день. Насъ засадили за книжки, задали уроки, крѣпко накатали
чтобы учились и не шалили, при чемъ было указано отцемъ на висѣвшую на
стѣнѣ двухвостую плетку. Дѣло было зимой. Вскорѣ послѣ отъѣзда отца съ
матерью, повалилъ снѣгъ и поднялась вьюга, но при тепломъ воздухѣ. Чрезъ
нѣсколько часовъ появились на дворѣ такіе сугробы, что лошади было по

Воображаю, какъ бы возмущалась душа Иннокентія при видѣ
„онихъ“ висѣлицъ, веревокъ и шестовъ, которыми теперь укра-
шаются дворы при школахъ. Широкая, такъ любившая про-
сторъ и свободу душа этого мудреца, не потерпѣла бы ихъ въ
вѣранныхъ ему духовныхъ школахъ. То же самое Иннокентій
не разъ проводилъ и относительно ученя въ школахъ. Помню
слѣдующія его слова: „Не мертвите юныхъ силъ буквой, не

брюхо. «Снѣжки» такая веселая игра, что мы оставили свои книжки, выбѣ-
жали въ однихъ рубашенкахъ и начали играть. Но вдругъ одного изъ насъ
озарила мысль: давайте представлять св. мучениковъ, съ которыми мы уже
успѣли познакомиться изъ Четив - Миней. Что за счастливая мысль! Въ мгнѣ
рубашенки долой, и въ пухлый снѣгъ: кто вязнетъ въ немъ по самую грудь,
кто ныряетъ, кто кувывается; толкотня, смѣхъ, крикъ; раскраснѣлись всѣ, какъ
Раки; но вдругъ кто-то взвизнулъ: батюшка ѣдитъ! Видимъ, онъ связываетъ
съ горы (домъ былъ подъ горою) и грозитъ кнутомъ. Въ одно мгновеніе всѣ
въ рубашенкахъ, и сидимъ за книжками. Въздохъ отецъ во дворѣ; распрѣгъ
лошадь и входитъ къ намъ, потупившимъ свои очи долу, въ книжки. Что вы
дѣлали? спрашиваетъ. Запираться было нельзя, и одинъ изъ насъ отвѣчаетъ:
мы мучениковъ представляли. — Но вѣдь мучениковъ и бичевали, говоритъ отецъ;
и за сямъ берется знакомая, но не пользовавшаяся нашею любовію, при всей
нѣжности дѣтскаго сердца, двухвостка и отсчитывается ею горячихъ—по три
старшимъ, по двѣ среднимъ и по одному самымъ младшимъ, такъ какъ они
сами еще не читали въ Четив-Минейхъ о подвижничествѣ св. угодниковъ.
Хоть и отецъ мнѣ былъ, произведшій такое бичеваніе, но я долженъ сказать,
что онъ, во первыхъ, былъ человекъ въ высшей степени справедливый, что
видно изъ одного распредѣленія бичеваній, а во вторыхъ умный, ибо едва ли
это бичеваніе не спасло насъ отъ какой нибудь болѣзни. — Да, подобная игра
не можетъ быть предлагаема дѣтямъ, особливо нынѣшняго чахлаго склада. Но
другія игры неизмѣримо выше стоятъ оныхъ висѣлицъ. Припомните, благо-
клонный мой читатель, если вы сверстникъ мнѣ, городки, лапту, горѣлки,
жгуты, мушку и т. п. Было что, отъ чего могли крѣпнуть мускулы, разви-
ваться грудь, приводиться въ движеніе кровь; да была и для самолюбія пища,
что также не лишнее для человека, особливо начинающаго слагаться. Лапта
и городки особенно нравились и Иннокентію; они, между прочимъ, напоми-
нали ему дѣтство. Но съ особеннымъ удовольствіемъ онъ любилъ вспоминать
бросаніе камешковъ въ даль или въ высь поднебесную. Преданіе говоритъ,
что онъ на этотъ разъ отличался особенною ловкостію: ему ни почемъ было
попасть въ тотъ кувшинъ съ водою, который несетъ женщина. Конечно,
кувшинъ разбитъ; вода вылилась; но маленькій шалуни спрятался какъ воро-
кушникъ въ хворостъ. По себѣ зналъ Иннокентій дѣтскія игры и шалости; а по-
тому-то такъ отечески и смотрѣлъ на нихъ. — Прочитавши мое сказаніе о пре-
терпѣнномъ мученіи «во езерѣ» снѣжномъ и отъ бичеванія двухвосткою и при-
помнивши взглядъ Иннокентія на дѣтскія игры, современная педагогика ста-
жетъ: то были нарварскія времена для школы; но мы, старики, скажемъ: та-
кая грубая школа не знала ни самоубійствъ, ни умопомраченій. *Авт.*

давите ихъ сухой наукой, многопредметностію, многознаніями: это будетъ въ ущербъ и духу, и тѣлу. Если замѣчаете напряженность къ развитію, проблески дарованій, — не задерживайте незнаніемъ того или другаго, давайте ходъ, ободрите, поддерживайте, не тушите искръ, которыя, можетъ быть, дадутъ и свѣтъ, и теплоту“. О, съ какимъ бы отвращеніемъ посмотрѣлъ Иннокентій на нынѣшнюю строгую баллистику или на тѣхъ сухихъ и тупыхъ педагоговъ, которые за неправильно-поставленное удареніе (въ греческомъ языкѣ) ставятъ единицу. Съ глубочайшею благодарностію вспоминаю своихъ пѣтуновъ: если бы и мы ставили единицы за неправильную постановку ударенія, то, можетъ быть, дальше третьяго класса училища я не ушелъ бы. Особою внимательностію или прилежаніемъ я въ тѣ поры не занимался; но по преданности играмъ стоялъ въ первомъ разрядѣ.

Въ присланномъ миѣ письмѣ припоминается одинъ изъ экзаменовъ въ одесской семинаріи, на которомъ присутствовалъ самъ Иннокентій.

Я подѣлюсь этимъ письмомъ съ моими читателями, которые увидятъ изъ него, что умъ и слово Иннокентія и на шестомъ десяткѣ его лѣтъ были также обаятельны, какъ въ годы его профессорской дѣятельности.

„Экзамены при Иннокентіи — это не тяжелый порывъ бури, что такъ обычно было въ старые годы, а озареніе свѣтомъ, приливъ авторитетной силы, которая поднимаетъ незамѣтно и сладостно преподавателей и учениковъ. Слишкомъ высокій для скромнаго міра семинаріи, немощи которой ему хорошо были знакомы по опыту всѣхъ семинарій того времени, онъ не накидывался на мелочи семинарской жизни и знаній, а велъ бесѣду на экзаменахъ такъ, что посѣщеніе его было праздникомъ для школы. Въ одинъ день онъ побываетъ во всѣхъ трехъ отдѣленіяхъ семинаріи, и вездѣ оставляетъ впечатлѣніе въ высшей степени ободряющее и одушевляющее. Вотъ напр., пришелъ онъ въ богословскій классъ. Послѣ обычной молитвы и благословенія, всѣ усѣлись чинно. Спрошенный ученикъ отвѣчаетъ „о благодати“. Давъ понятіе о благодати, ученикъ, по учебнику Антоія, излагаетъ „виды благодатныхъ дѣйствій“. „Благодать Божія: а) начинается въ насъ духовную жизнь,

б) сохраняетъ и возвращаетъ, в) приводитъ къ совершенству. Благодать, начинающая наше спасеніе, или *предваряющая*, открывается: а) въ призваніи ко спасенію, б) въ обращеніи, в) въ обновленіи или возрожденіи; далѣе — возрожденію подаютъ: г) оправданіе, д) освященіе и г) приводитъ его въ союзъ и единеніе съ Іисусомъ Христомъ“. — Ровнымъ, спокойнымъ голосомъ Иннокентій прерываетъ ученика: „не слишкомъ ли много уже беретъ на себя ваша наука, измѣряя какимъ-то мѣриломъ человѣческимъ великую тайну дѣйствій благодати Божіей на душу нашу?“ — Преподаватель богословія, въ послѣдствіи въ Бозѣ почившій архіепископъ Воронежскій, Серафимъ, поясняетъ, что таково ученіе св. церкви. — Какъ такъ? спокойно возражаетъ Иннокентій; гдѣ оно выражено въ такихъ формулахъ? — Въ грамотахъ восточныхъ патріарховъ, отвѣчаетъ о. ректоръ Серафимъ и читаетъ текстъ по брошюрѣ.

— „Къ сожалѣнію, говоритъ Иннокентій, это дань схоластики, которая породила вопросы и вынудила патріарховъ на соответствующіе отвѣты. Но для истинно-вѣрующаго эти вопросы и излишни, и странны. Благодать Божія и ея дѣйствія на человека — это тайна Божества, предъ которою онъ, какъ предъ величайшею святынею, умиленно преклоняется, но и къ которой не смѣетъ прикоснуться своими грѣшными руками, а тѣмъ болѣе не возьметъ въ руки ножа для анализа. Силы Божіей схоластики или совопросникъ вѣка сего не умертвить, а свое чувство охладить и ослабить“. Затѣмъ начинается вдохновенное разъясненіе дѣйствій благодати Божіей по ученію св. Писанія, по ученію св. отцовъ, и противопоставляется ему сухой схоластицизмъ. Рѣчь архипастыря льется плавно, убѣжденно, благоговѣнно, льется полчаса, часъ и болѣе; забыто всѣми, что производится экзамень; забыты ученики, начавшіе отвѣчать; всѣ притаили дыханіе, влупиваясь въ нѣсколько тихую, сдержанную рѣчь Иннокентія. Тайна благодати какъ бы испытывается каждымъ; забывается собственное бытіе. И самъ ораторъ, кажется, вознесся духомъ въ премірная. Обаяніе всеобщее“. — Возлѣ вставка по случаю полученнаго мною письма.

Мы остановились на данномъ Иннокентіемъ обѣдѣ столѣ строгому ревизору Одесской духовной семинаріи, незабвенному И. М. Скворцеву. Идемъ далѣе.

Въ назначенный день и часъ мы отправились созерцать солнечное затмѣніе въ Бобринець; Иванъ Михайловичъ сѣлъ съ Иннокентіемъ въ карету, чтобы долѣе не разлучаться. Вѣхали мы безъ остановокъ и только на одной станціи остановились, чтобы, по выраженію Ивана Михайловича, заморить червячка; а заморить чѣмъ—нашлось въ обильномъ запасѣ, который, по распоряженію владыки, сдѣлалъ его вѣрный слуга и наперстникъ о. Діонисій. Досточтимый философъ и за этой трапезой, равно какъ и на всѣхъ станціяхъ во время перемѣны лошадей, былъ тѣмъ же очаровательно-любезнымъ, какимъ мы видѣли его въ качествѣ ревизора семпнаріи, и на данномъ Иннокентіемъ обѣдѣ. Видимо свѣтлая душа его была полна восторгомъ, что онъ находится въ обществѣ съ знаменитымъ своимъ ученикомъ, и оставилъ въ Кіевѣ всѣ свои ученые работы, подчасъ столь тяжелыя для мозга. Нѣтъ сомнѣнія, что въ каретѣ между этими учеными мужами велись разговоры и иного рода; но въ присутствіи нашемъ Иванъ Михайловичъ сыпалъ острогу за острогу, которыя невольно заставляли смѣяться не только насъ, но и владыку. Но среди этого шуточного разговора мы услышали и достойное глубокаго вниманія. Я высказалъ одну мысль, касавшуюся собственно моего предмета, т. е. сельскаго хозяйства. Иннокентій сдѣлалъ замѣчаніе не въ пользу этого мнѣнія и поставилъ меня въ несовсѣмъ ловкое положеніе, какъ онъ это дѣлалъ и не съ такими учеными людьми, какъ я. Но Иванъ Михайловичъ сейчасъ же явился на выручку. „Владыко, сказалъ онъ, ученаго учить только портить; вы съ своимъ уставомъ да въ чужой монастырь“!—Нѣтъ, отвѣчалъ Иннокентій, я его везу еще доучиваться; у него теперь есть только одна ученая спѣсь, а намъ нужна настоящая наука, наука степная, степенная, — наука, выработанная въ потѣ лица. Знаете ли, мой возлюбленнѣйшій авва, я какъ будто пристращаюсь къ сельской жизни, даже подчасъ мечтаю объ ней. Вотъ, кажется, такъ бы и поселился среди нашего добраго русскаго народа, среди нашихъ очерствѣвшихъ, закорузлыхъ тѣломъ, но не душою пахарей, сѣялъ бы вмѣстѣ съ ними хлѣбъ, и молился бы, чтобы Господь Богъ уродилъ его. Какое наслажденіе видѣть волнующіяся нивы и вѣрить, что то даръ Божій, плодъ нашей молитвы! Я убѣж-

день, что наши пахари, въ простотѣ сердца вѣрующіе въ Гворца и Промыслителя, несравненно счастливѣе насъ, умудряющихся разными премудростями: не уродится кормилецъ-хлѣбушко, и они говорятъ: за грѣхи Богъ наказываетъ; уродится—значитъ Богъ милостивъ къ намъ и надо благодарить Его за эту милость. А такъ ли разсуждаютъ ученые агрономы?

— Вы на нихъ не нападайте, сладчайшій нашъ владыко; они идутъ своею дорогою и повторяютъ поговорку: на Бога надѣйся, а самъ не плошай,—снова вступился за меня Иванъ Михайловичъ.

— Да, вы правы, мой дорогой авва; но я все-таки скажу, что хотѣлось бы дышать однимъ сельскимъ воздухомъ; усталъ какую-то я чувствую, душевную истому; какъ будто иной разъ мнѣ даже воздуха не достааетъ. И при такой истомѣ вотъ такъ бы и полетѣлъ на какую нибудь высокую гору, съ которой открывалась бы безбрежная даль, напримѣръ, на Палатъ-гору, гдѣ я такъ и думаю со временемъ поселиться.

— Но прежде къ намъ, владыко, въ объятія древней матери городовъ русскихъ.

— Знаю, на что вы намекаете; но у меня есть предчувствіе, что тамъ мнѣ не быть; я умру на югѣ. Но вотъ что, и это говорю не ради себя: по всѣмъ правамъ слѣдовало бы открыть митрополию здѣсь, и именно въ Тавридѣ. Учрежденія митрополіи, скажу прямо, *требуютъ* древнѣйшія святилища этого края; требуютъ край, чтобы скорѣе походить на чисто-русскую землю; требуютъ сосѣдство юга съ славянскими племенами и даже съ Кавказомъ. Но мало одной митрополіи, я открылъ бы здѣсь духовную Академію, для которой и мѣсто есть хорошее—Георгіевскій монастырь; но какую академію? Академію миссіонеровъ. Подобное учрежденіе есть въ Римѣ и католичество раскинуло свои сѣти по всему лицу земли; а наша православная Россія ничего подобнаго не имѣетъ, а между тѣмъ поле для проповѣди Христа Распята—цѣлая и притомъ обширнѣйшая часть свѣта—Азія, да и своихъ заблудшихъ овецъ много. Мысли эти я кое-кому передавалъ; говорятъ, что мысли хорошія; но, конечно, на томъ дѣло и останется.

Смотритель станціи доложилъ, что лошади готовы. И мы

пустились в путь. Въ Бобринецъ прибыли мы къ вечеру накануне солнечнаго затмѣнія.

Мысль объ открытіи самостоятельной митрополіи на югѣ Россіи Иннокентій не разъ повторялъ; и нельзя было не согласиться съ приводимыми имъ доводами въ пользу ея, и особливо такой благодѣтельной академіи, которую онъ проектировалъ. И будь онъ живъ, можетъ быть, все это и осуществилось бы. Этому дѣлу много помѣшала Крымская война, преждевременно ускорившая смерть и Государя Николая Павловича, такъ уважавшаго свѣтлый умъ Иннокентія, и смерть самаго Иннокентія, котораго душа изболѣлась, глядя на русскую гологоу. Относительно уваженія, которымъ имѣлъ счастье пользоваться Иннокентій отъ такъ горячо любимата имъ Монарха, отмѣтимъ здѣсь слухъ, который въ одно время выдавали за самый достовѣрный. Греческій король Оттонъ желалъ наградить Иннокентія орденомъ Спасителя, но низшей степени. По докладѣ объ этомъ, Государь сказалъ: онъ у меня больше имѣетъ. И Иннокентію данъ былъ орденъ I степени.

Въ Бобринецъ еще ранѣе насъ прибылъ извѣстный нашъ астрономъ А. Н. Савичъ, съ извѣстнымъ самоучкой-астрономомъ курскимъ Семеновымъ. Они немедленно явились привѣтствовать владыку. Вечеръ былъ одинъ изъ прекрасныхъ, кое гдѣ, въ видѣ бѣлыхъ хлопьевъ, плыли по небесной лазури легкія облачка. А потому достопочтенный астрономъ не жалѣлъ для насъ своей богатой сокровищницы. Поставлена была длинная труба, и мы созерцали дотолѣ невидимое нами. Замѣчательно: Иннокентій и здѣсь былъ на своемъ мѣстѣ. Онъ, указывая на ту или другую звѣзду, на то или другое созвѣздіе, давалъ имъ безошибочно имена, припоминалъ то величину, то разстояніе ихъ отъ земли или солнца. Но душею часовъ, проведенныхъ подъ открытымъ небомъ, на чистѣйшемъ воздухѣ, былъ нашъ астрономъ, почтеннѣйшій А. Н. Мы заслушались его; онъ очаровалъ насъ своими неподражаемыми разказами о звѣздномъ небѣ, иной разъ приправляя ихъ такими остротами, что мы всѣ отъ души смѣялись. Бесѣда длилась далеко за полночь.

Встаемъ мы по утру, и всѣ нахмурились, увидавши нахмурившееся небо, которое ко времени затмѣнія покрылось

самыми густыми облаками. Однако, въ извѣстный часъ всѣ отправились за городъ, за исключеніемъ меня, оставленнаго владыкою для наблюденія надъ домашними животными. Созерцаніе солнечнаго затмѣнія не удалось, и владыка, который такъ любилъ необычайныя явленія природы и такъ жаждалъ увидѣть—какъ „темная завѣса закроетъ лучезарное свѣтило“, былъ довольно пасмуренъ. Но добрѣйшій Иванъ Михайловичъ и здѣсь хотѣлъ развеселить своего сладчайшаго Иннокентія.

— Я не знаю, сказалъ онъ, чѣмъ тутъ быть недовольнымъ, владыко; вы хотѣли видѣть мракъ среди бѣлаго дня, и облака усугубили этотъ мракъ; etgo мы должны даже благодарить небо столь щедрое на мракъ и столь благосклонное къ намъ.

— Такъ то такъ; но все таки любопытно бы было видѣть какъ эта черная тѣнь приближается и, такъ сказать, поглощаетъ свѣтъ, сказалъ Иннокентій.

— Очень просто, владыко: яко тать въ пощи; а какъ она поглощаетъ круглое свѣтящееся тѣло, представьте себѣ круглый вкусный пирогъ, поданный на горячей сковородѣ, и голодныхъ гостей: одна минута, и вмѣсто пирога — черный дискъ сковороды.—Иннокентій невольно засмѣялся. Но Иванъ Михайловичъ, обратясь къ намъ, начинаетъ декламировать извѣстное слово Георгія Конискаго: „Оставимъ астрономамъ доказывать“... и, произнося слова: „наше солнце вокругъ насъ ходитъ“, глазами, незамѣтно для Иннокентія, далъ намъ знать, кого онъ разумѣетъ подъ этимъ солнцемъ.

На другой день, часамъ къ 8 утра, мы (т. е. Ив. Мих., Лашкевичъ и я) собрались въ гостиницу Иннокентія, который, благословивши насъ, полувозлегъ на диванъ и говоритъ: мнѣ надобно составить отчетъ о солнечномъ затмѣніи для Академіи наукъ.

— Да какой же отчетъ вы напишете о томъ, чего вы не видѣли? Это будетъ противно самой снисходительной логикѣ. Вы можете, владыка, написать доносъ въ высшее святилище науки, что атмосфера не уважаетъ науки: вотъ это будетъ совершенно логично! Такъ повель рѣчь свою, смѣясь и заставляя улыбаться насъ, Иванъ Михайловичъ.

— Оно, конечно, такъ, сказалъ Иннокентій, но шутки въ сторону: надо же что нибудь написать общими силами. Беру,
«Иннокентій».

секретарь, бумагу и перо, а вы, мой возлюбленнѣйшій Иванъ Михайловичъ, диктуйте. Но мы прежде разберемъ матеріаль. Говорите, что вы замѣтили? обратился Иннокентій ко мнѣ первому съ вопросомъ.

— По совѣсти скажу, ваше в—во, что я только одно замѣтилъ: въ тотъ моментъ, когда, по моимъ часамъ, долженъ былъ скрыться въ тѣни весь дискъ солнца, воробьи со всѣхъ сторонъ начали слетаться и спѣшили спрятаться подъ крышу.

— И только-то? спрашиваетъ Иннокентій, видимо недовольный невидѣніемъ такого величаваго явленія въ природѣ. Ну, а вороны что? добавилъ онъ съ добродушною улыбкой. Очевидно, Иннокентій намекалъ на то, что я что нибудь проворонилъ. Но добрѣйшій Иванъ Михайловичъ выручилъ меня.

— Вы спрашиваете, владыко, нашего естествоиспытателя: а вороны что? Да развѣ вы не замѣтили, что онѣ были окрестъ насъ, и зряще, чюдяхуся, како пмущіе очи ничего не видятъ! Послѣднія слова были пропѣты Иваномъ Михайловичемъ подъ извѣстный церковный напѣвъ.

Иннокентій отъ всей души разсмѣялся надъ шуткою своего бывшаго профессора, чему и мы невольно послѣдовали.

— Но все же нельзя ограничиться одними воробьями. Не замѣтили ли вы еще чего? сдѣлалъ мнѣ вопросъ Иннокентій.

— Мнѣ казалось, ваше в—во, что именно въ это время начали мычать коровы или волы.

— А! это очень знаменательно. Замѣтите, секретарь, сказалъ Иннокентій.

— Позвольте, сладчайшій мой владыко, отъ имени критики здраваго разума я протестую противъ связи мычанія коровъ съ солнечнымъ затмѣніемъ. Если нашъ знаменитый астрономъ А. Н. Савичъ съ своею длинною трубою ничего не видѣлъ, то могъ ли видѣть дивное явленіе, совершающееся въ тверди небесной, какой нибудь дебѣлый волъ своими оловянными глазами?

— Да не шутите, возлюбленнѣйшій мой Иванъ Михайловичъ. Развѣ вы не знаете, что необычайныя явленія не только чувствуютъ безсловесныя твари, но даже предчувствуютъ ихъ, напримѣръ, землетрясенія, изверженія вулкановъ, страшныя бури и т. п.

— Нѣтъ, мой дорогой владыко, здѣсь дѣло другое: мы должны признать, что перечисленные вами явленія что-то, какія-то частицы, такъ сказать, выдѣляются изъ себя, и онѣ падаютъ на чувства животныхъ, какъ тѣ неуловимыя частицы, по которымъ собака находитъ слѣдъ своего хозяина или оставленную имъ вещь.

— Такъ по вашему и не нужно упоминать о мычаніи или ревѣ коровъ и воловъ во время солнечнаго затмѣнія?

— Почему же и не упомянуть, но во имя строгой логики надобно пояснить, что коровы и волы въ это время ревѣли и мычали отъ мучившей ихъ жажды, такъ какъ здѣсь край безводный и бѣдныхъ животныхъ гоняютъ на водопой за нѣсколько версть. *Ab esse ad posse valet consequentia*; но не наоборотъ.

— Такъ что же? по вашему остается упомянуть только о воробьяхъ? Напротивъ, я въ полномъ убѣжденіи, что мычаніе и даже ревъ были вызваны преждевременно наступившимъ мракомъ. Не забудьте, что въ сумерки обыкновенно происходятъ доеніе коровъ, предъ чѣмъ онѣ мычать.

— Да можно бы и воробьевъ исключить, мой владыко, или, по крайней мѣрѣ, оставить въ сильномъ подозрѣніи, на томъ основаніи, что *a posse ad esse non valet consequentia*. Вамъ извѣстно, владыко, продолжалъ Иванъ Михайловичъ, съ добродушіемъ улыбаясь, что воробьи—народъ самый общительный и болтовня есть нѣчто прирожденное ихъ субстанціи. Почему нельзя допустить, что наканунѣ солнечнаго затмѣнія, они „во пиру были, во бесѣдушкѣ“, не выспались, и ранѣе обыкновеннаго захотѣли спать?

— Но вѣдь, мой возлюбленный философъ, здѣсь вы уже противоречите своему же положенію: *a posse ad esse non valet consequentia*, сказалъ Иннокентій, добродушно разсмѣявшись.

— Ну, владыко, вы совершенно подрѣзали меня! Какъ же это сказано: ученикъ не бываетъ больше своего учителя? Думаю, что до извѣстнаго возраста: „егда же состарѣешься, воздѣжши руцѣ твои, и нинѣ ты пошеть“. Благо, есть кому и поясать! сказалъ Иванъ Михайловичъ, сладко улыбаясь и кивая на бывшаго своего ученика.

— Однако, меня ждуть къ обѣду, и я хочу непременно

кончить это дѣло общими силами. Диктуйте же, мой возлюбленнѣйшій пѣступь.

— Извольте. Но вѣдь надо все по порядку, какъ было дѣло. Въ которомъ часу мы вышли, чтобы видѣть то, чего не видѣли? А, припоминаю! Пишите. И почтениѣйшій Иванъ Михайловичъ, расхаживая по комнатѣ, сталъ диктовать. Все шло складно и ладно, и владыка только давалъ одобрителные знаки легкимъ киваніемъ своей головы. Но вдругъ мы слышимъ: „и внезапно тьма блеснула, какъ молнія“.

— Что вы, что вы, мой возлюбленнѣйшій философъ?

— А что, владыка? спрашиваетъ Иванъ Михайловичъ, съ невозмутимымъ спокойствіемъ глубокомысленнаго мужа.

— Да что вы сказали? Тьма блеснула, какъ молнія?

— Я хотѣлъ этимъ выразить мгновенное наступленіе тьмы.

— Да можетъ ли тьма блистать, какъ молнія?

— Но вѣдь подобныя выраженія въ вашемъ духѣ, нашъ многовѣщанный витія. Теперь я—не я; ваше живое, неподражаемое вдохновеніе, такъ сказать, перелилось въ мое философски-сухое я. Ахъ, что за дивное выраженіе: и тьма блеснула, какъ молнія! Не правда ли, какъ это величаво, картинно?..

Конечно, всѣ мы отъ души смѣялись восторгу такого глубокаго мыслителя, измыслившаго такое необычайное выраженіе.

Наконецъ, диктованіе отчета было кончено; онъ былъ прочитанъ нѣсколько разъ, выправленъ; и хотя воробы и коровы, по выраженію Ивана Михайловича, должны бы остаться „въ сильномъ подозрѣніи“, однако и они заняли свое мѣсто. Былъ поданъ завтракъ. Иннокентій, чтобы достойно проститься съ своимъ возлюбленнымъ Иваномъ Михайловичемъ, велѣлъ сдѣлать такой запасъ, чтобы его достало и на этотъ случай. Но вотъ настала и минута разставанья,—минута, которая никогда не изгладится изъ моей памяти. Я живо помню, съ какою покорностію или правильнѣе—благоговѣніемъ склонилась посѣдѣвшая голова учителя подъ благословляющую руку бывшаго ученика, который съ вѣрою и любовію возводилъ очи горѣ, и трижды положилъ на ней знаменіе креста. Вотъ учитель цѣлуетъ эту благословившую руку, а ученикъ его, и оба обнимаются; ни тотъ, ни другой не хотеть отнять объятий; цѣ-

луются много и крѣпко, воистину лобзаніемъ святымъ. — Молись за меня, владыка святой, предъ престоломъ Божиимъ! говорить однихъ. — Молюсь, и до гроба буду молиться; молись за меня и ты, праведный отче, мой авва, возродившій меня духомъ своимъ, произносить другой. И крупныя слезы льются у обоихъ по ланитамъ и капли ихъ, какъ чистѣйшіе кристаллы, дрожать на волосахъ сѣдыхъ бородъ. Кончались лобзанія; друзья взяли за руки, пристально смотрятъ другъ другу въ глаза, какъ будто читаютъ въ нихъ всю глубину овладѣвшихъ ими чувствъ. Но вдругъ Иванъ Михайловичъ, съ мгновенно просіявшимъ лицемъ, оборачивается къ намъ и, не выпуская рукъ Иннокентія, говоритъ: а каково выраженіе—и тьма блеснула, какъ молнія? Я могъ сказать это только подъ наптіемъ духа нашего возлюбленнѣйшаго архипастыря—витія. Философія не можетъ такъ выражаться; только для облагодатствованнаго ума тьма можетъ заблестѣть, какъ молнія. Нѣтъ, владыка, вы хорошенько подумайте и вставьте въ свой отчетъ: и тьма блеснула, какъ молнія. Неподражаемо! дивно! Высшее святилище наукъ будетъ поражено, какъ молніей. И снова полились шутки и остроты неподражаемаго Ивана Михайловича, смотря на котораго мы невольно задавались вопросомъ: это ли глубокомысленный русскій философъ, создавшій цѣлое поколѣніе достойныхъ мыслителей!

Блаженъ! скажу теперь и я, доживающій седьмой десятокъ лѣтъ, кто до сѣднѣхъ сохранилъ въ себѣ всю дѣтскую игривость ума и сердца. Ему только присущи чистѣйшія минуты наслажденія жизнию; онъ только можетъ приходить въ блаженный восторгъ отъ самаго малаго, отъ того, что доступно каждому, дается даромъ—только принимай. А этого малаго утаеннаго отъ премудрыхъ и разумныхъ и открытаго для младенцевъ—такое неисчерпаемое море, и во всей вселенной, и въ тѣсной средѣ, окружающей каждого изъ насъ, что только нужно быть младенцемъ по сердцу, младенцемъ во Христѣ, чтобы имѣть каждую минуту неистощимый источникъ и для свѣтлой мысли, и для отрадныхъ біеній сердца. Разочарованіе, мракъ на душѣ—это послѣдствія огрубѣнія или пресыщенія такими удовольствіями, которыя растлѣваютъ и умъ, и сердце, и, для полноты дѣла скажемъ, карманъ; ибо ничто такъ мрачно не

дѣйствуетъ на предрѣкъ и разумныхъ вѣка сего, какъ растлѣніе кармана, ощущеніе явнаго оскудѣнія той силы, которая въ наше время считается самою могущественною, безъ которой якобы и жизнь—не жизнь. Нѣтъ, не тотъ „блаженъ, кто смолоду былъ молодъ“, а тотъ, кто всю свѣжесть мыслей, истривость и воспримчивость чувствъ сохранилъ и до сѣднѣи глубокой старости.

Наконецъ, мы оставили Бобринець, столь приснопамятный для всѣхъ насъ, но не потому густому покрову облаковъ, который скрылъ отъ насъ затмѣніе солнца,—и поѣхали въ разные стороны: очаровательнѣйшій философъ—въ Кіевъ, а мы по направленію къ Вознесенску, къ тому учителю, которому Иннокентій опредѣлилъ отдать меня въ ученіе, къ В. П. Скаржинскому.

Такъ какъ владыка по пути обзрѣвалъ церкви, то впереди насъ поѣхалъ благочинный; за нимъ, на разстояніи версты или двухъ—каре́та Иннокентія, а за каретою легкий открытый экипажець (на югѣ зовомый петычанкой) съ моею особой. Весь нашъ багажъ былъ отправленъ на особой подводѣ въ имѣніе В. П. Скаржинскаго—Трикраты; и я ѣхалъ въ одномъ сюртукѣ. Мы спѣшили къ обѣду къ пригласившей Иннокентія помѣщицѣ. Ѣхали широчайшею чумацкою дорогою, гдѣ въ лѣтніе мѣсяцы пыль чуть не по колѣни и тянутся безконечныя вереницы чумацкихъ фуръ, направляющихся за солью въ Крымъ, или возвращающихся съ нею домой. Я пустился въ эти подробности потому, что хочу упомянуть объ одной моей школьнической проделкѣ. Однако, мнѣ доселѣ такъ стыдно за нее, что не знаю передавать ли это событіе во всеобщую извѣстность. Рѣшаюсь передать; не прежде предложу слѣдующіе вопросы, которые могутъ быть для меня нѣкими смягчающими обстоятельствами. Позволительно ли человеку купаться?—Не только позволительно, но даже это необходимое условіе порядочной жизни. Гдѣ можетъ человекъ купаться?—Конечно, въ морѣ, рѣкѣ, озерѣ, пруду—коротко, во всякой чистой водѣ. А слѣдовательно и въ дождевой водѣ, которая кристаллы струями слускается изъ хлябій небесныхъ?—Конечно, такъ. Этого достаточно, чтобы вполиѣ облѣпить меня.

Ѣдемъ мы и задыхаемся въ пыли, а намъ еще осталось

ѣхать около десятка верстъ. Но вотъ предъ нами взмывается туча; ползетъ она все выше и выше и становится все чернѣй и чернѣй, какъ будто изъ нѣдръ земныхъ выдвигается предъ нами громаднѣйшая свинцовая стѣна. Поднимается, какъ это обыкновенно бываетъ, вѣтеръ и несетъ прямо на насъ. Ну, думаю, быть дождю, и на мнѣ, конечно, не останется нитки сухой. Какъ же я явлюсь за столъ? Но вѣдь тепло, даже удушливо жарко; я не простужусь, и что же мнѣ мѣшаетъ скинуть съ себя все, подложить все это подъ сидѣнье, и выкупаться въ чистѣйшихъ струяхъ благодатнаго дождя? Такъ я и сдѣлалъ. Ѣдетъ человекъ въ чемъ его мать родила; отъ пыли (по поговоркѣ) черенъ, какъ самъ чертъ. Но это еще не все. Ѣхавшій впереди насъ благочинный успѣвалъ говорить чумакамъ, что ѣдетъ архіерей. Поровнявшись съ каретою Иннокентія, они кланялись и крестились, а владыка ихъ благословлялъ и направо, и налево. Но вотъ они видятъ странное видѣніе; съ изумленіемъ озираются другъ на друга и начинаютъ отрециваться: хоба самъ сатана скачетъ за Божьимъ архіереемъ? Конечно, я ни словомъ, ни движеніями не старался увѣрить ихъ въ этомъ глупѣйшемъ суевѣріи. Однако, странно! Отчего это въ нашемъ народѣ распространилось суевѣріе, что особъ духовнаго чина, такъ сказать, по пятамъ преслѣдуетъ нечистая сила? Не изъ житій ли святыхъ, гдѣ такъ много рассказано искушеній подвижниковъ отъ діавола, перешло это повѣрье въ народъ? Другаго источника едва ли можно отыскать. Конечно, сказанія о жизни святыхъ искажаются въ народѣ, и, къ сожалѣнію, это искаженіе, принимая самую мрачную, истинно суевѣрную окраску, кладется въ основу воспитанія поколѣній, слѣды котораго иногда остаются на всю жизнь даже среди людей образованныхъ. При Новороссійскомъ университетѣ служилъ докторъ Ивановъ (теперь покойный); я находился съ нимъ, какъ съ сослуживцемъ и докторомъ моего семейства, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ; и вотъ этотъ докторъ съ полною откровенностью говорилъ мнѣ, что онъ, не разъ почевавшій среди труповъ въ анатомическомъ театрѣ, никакъ не согласится почевать одинъ-на-одинъ съ покойникомъ, положеннымъ въ гробъ. Вотъ какова сила воспитанія! Скажу нѣчто болѣе странное. Я—христианинъ; вѣрю въ особенно благо-

датное присутствіе Бога въ храмѣ, но никакъ не соглашусь одинъ идти въ полночные часы въ церковь Божию. Это не только странно, но даже смѣшно! я и спорить о томъ не стану.

Но вотъ хлынулъ и дождь, да какой? Подлинно тропическій! Чрезвычайно мнѣ можно было видѣть появленіе цѣлыхъ озеръ въ углубленіяхъ степи. Я наслаждался подъ этимъ дождемъ на мое грязнѣйшее тѣло. Ливень миновалъ; я взялъ изъ-подъ сидѣнья свое платье, одѣлся и поѣхалъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Вкатила каретка Иннокентія во дворъ, превратившійся вслѣдствіе своего положенія въ нѣкое озеро, въ которомъ на радостяхъ съ шумомъ и гамомъ полоскались стада гусей и утокъ. Явленіе, т. е. превращеніе барскаго или крестьянскаго двора въ озеро или непролазную грязь, — на св. Руси очень обычное, хотя въ домѣ барскомъ мебель покрыта шелкомъ, есть большихъ размѣровъ зеркала, есть дорогія вазы и бронза. Такой ужъ порядокъ въ нашей еще не совсѣмъ упорядочившейся жизни. Гостей названо было ради такой знаменитости немало, и всѣ они высыпали на крыльцо, чтобы встрѣтить такого дорогого гостя. Подъѣзжаетъ и мой экипажець. Я высказываю, и Иннокентій говоритъ хозяйкѣ дома: я привезъ вамъ ученаго мужа; но извините, теперь онъ во образѣ мокрой курицы. — Я не вижу этого, владыко, сказала хозяйка, ласково подавая мнѣ свою руку. Иннокентій смѣрилъ меня съ ногъ до головы, и, обращаясь къ гостямъ, сказалъ: я правду сказалъ, что это ученый мужъ; а ученые мужи умѣютъ изъ воды выходить сухими. Какъ это дѣлается — они, конечно, вамъ не скажутъ. — Для меня было ясно, на что намекалъ владыко.

Иннокентію отвели особую комнату, гдѣ было припасено обиліе воды съ узорчатыми и бѣлыми какъ снѣгъ утиральниками. Конечно, лучше-бы было, если-бы наши помѣщички обзаводились, по образу англичанъ, ваннами; но это, какъ и нѣчто другое „нужное“ предвидится въ будущемъ.

Обѣдъ былъ самый русскій, т. е. состоявшій изъ множества блюдъ, а радушіе, съ которымъ угощали, не имѣло предѣловъ. Такъ какъ большая часть гостей состояла изъ прекраснаго пола, то за говорливостью, и бойкою, и умною, и нѣжною, а по временамъ и пустою, — дѣло не стояло. Но одна барынька, ужъ слишкомъ зарпортовавшись, послѣ высказан-

наго Иннокентіемъ сожалѣнія, что не удалось видѣть солнечнаго затмѣнія, воскликнула: ахъ, владыко, что вы не пожаловали къ намъ третьяго дня (т. е. наканунѣ солнечнаго затмѣнія); у насъ такая была тьма, что положительно ничего нельзя было видѣть. Ужъ подлинно, было полное затмѣніе солнца! И все это было такъ ясно, ясно видно! Право, какъ жаль, владыка, что вы третьяго дня не были здѣсь! На эту дѣтскую наивность Иннокентій отвѣчалъ самымъ сжатымъ лаконизмомъ: „вотъ какъ!“ и даже не улыбнулся.

Когда мы оставили эту гостепріимнѣйшую усадьбу, я спросилъ Иннокентія: какъ это вы, владыка, не изобличили такой своего рода ереси? — А есть, отвѣтилъ мнѣ Иннокентій, на бѣломъ свѣтѣ такой мудрецъ, который переспорилъ бы женщину? Скажи ей, что астрономы знаютъ не только день, часъ, минуту, даже секунду затмѣнія, и что двухъ подъ рядъ затмѣній никогда не было и не можетъ быть; а она отвѣтитъ: да развѣ ваши астрономы иной разъ не врутъ? Ну-ка, убѣди ее, что астрономы не врутъ. Вѣдь нужно знать высшую математику, чтобы понимать небесную механику; а барыня наша понимаетъ ее? Здѣсь, братъ, тоже, что съ слѣпымъ разсуждать о цвѣтахъ. Не отвѣщай безумному по безумію его. Я держусь этого мудраго изрѣченія; держись и ты; меньше враговъ будешь имѣть.

До с. Трикрать мы ѣхали не торопясь, на лошадахъ той помѣщицы, которая съ такимъ искреннимъ радушіемъ принимала и угощала насъ. Иннокентій нерѣдко выходилъ изъ своей каретки, и мы шли нѣшкомъ версту и дажѣ двѣ и болѣе Широкія, безграничныя степи были по душѣ широкому и постоянно стремившемуся въ даль духу Иннокентія. Смотри, не разъ повторялъ онъ, какая ширь, какая даль, и какъ дышется здѣсь просторно! Я воздухъ степей называю соломеннымъ и нахожу, что онъ самый здоровый. И при этомъ владыка силился какъ можно болѣе поглотить въ себя этого воздуха своею широкою, превосходно сложенною грудью. Дѣйствительно, послѣ проливнаго дождя, который съ такою жадностію былъ поглощенъ растрескавшеюся отъ жаровъ землею, воздухъ имѣлъ необыкновенную мягкость и живительность, а прозрачность его была такова, что за два и болѣе десятка

версть можно различать какіе нибудь предметы, выдающіеся изъ уровня степей. Много полезнаго я выслупалъ въ это путешествіе отъ незабвеннаго моего руководителя. Я чувствовалъ, какъ онъ раскрываетъ мои глаза на край, совершенно незнакомый мнѣ. Сколько было сообщено климатическихъ особенностей, свойственныхъ южно-русскимъ степнымъ равнинамъ и обуславливающихъ не только сельско-хозяйственную культуру, но и самый бытъ земледѣльческаго класса. И все это такъ пригодилось мнѣ, когда я выступилъ на поле моей довольно разнообразной дѣятельности; когда мнѣ пришлось быть въ постоянномъ общеніи съ южно-русскими хозяевами. Кругозоръ мой еще болѣе расширился, и при томъ сравнительно въ короткое время, съ той поры, какъ добрѣйшій владыка отдалъ меня „въ ученье“ такому опытному хозяину и знатоку края, каковъ былъ истинно незабвенный для меня покойный В. П. Скаржинскій. Вотъ во время этого-то путешествія я услышалъ мнѣніе Иннокентія касательно бытности лѣсовъ въ нынѣшнихъ степяхъ юга Россіи, уже не разъ переданное мною въ печатныхъ моихъ трудахъ. — Удивительно, сказалъ мнѣ Иннокентій, какъ это достаётъ охоты и смѣлости доказывать, что здѣсь не было лѣсовъ! Смотря на Бессарабію, на Подолье, на Кіевскую губернію, на сохранившіеся лѣса въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ, лѣса, которые на исторической памяти спускались по рѣкамъ и балкамъ до самаго моря, — далѣе на лѣсную часть Крыма, кто не скажетъ, что это одна полнившаяся картина. Пусть укажутъ, что могло бы удержать лѣсную растительность, какъ извѣстно, вытѣсняющую собою травную. отъ завладѣнія ею теперешнихъ степей, которыя, даже въ XVII и XVIII вѣкахъ, имѣли лѣса тамъ, гдѣ теперь и слѣдовъ ихъ нѣтъ, и эти обезлѣсенныя мѣста теперь также входятъ въ область споровъ о бытности лѣсовъ. — Какой, подумаешь, свѣтлый взглядъ на это спорное дѣло, — взглядъ, предъ которымъ, по моему искреннему убѣжденію, всякій споръ долженъ прекратиться.

Мы проѣзжали одну балку, гдѣ явственно выступилъ или обнажился гранитъ, прорѣзывающій, въ видѣ громадной жилы съ боковыми развѣтвленіями, весь югъ Россіи съ запада на востокъ. Это та жила, которая образуетъ пороги на нашихъ южныхъ рѣкахъ. При подъемѣ на гору, Иннокентій вышелъ

изъ кареты; я сошелъ на землю раньше его и въ одномъ сложенномъ изъ камней (гранитныхъ) заборѣ нашелъ довольно большой булыжникъ, усѣянный венисою (гранатами). Показываю свою находку Иннокентію; онъ внимательно смотритъ и говоритъ: ты себѣ найдешь еще, а этотъ положи въ мою карету. (Иннокентій зналъ, что я имѣю собраніе разныхъ горнокаменныхъ породъ). Мелочь, повидимому, но и она показываетъ, какъ все было цѣнно въ глазахъ этого въ высшей степени любознательнаго мужа. Гранитъ далъ поводъ Иннокентію высказаться о господствовавшей въ то время (да и въ настоящее имѣющей своихъ поборниковъ) теоріи образованія нашей планеты. Видимо, эта теорія была по душѣ ему; она какъ будто вдохновляла его. Но онъ никогда не забывалъ всемогущей творческой силы носившагося надъ законами природы Духа. Пусть и такъ, сколько помнится мнѣ, говорилъ онъ: вотъ всѣ вещества, входящія въ составъ нашей планеты, входятся въ газообразномъ видѣ и образуютъ какую-то огненную туманность; пусть они влекутся къ одному центру и изъ нихъ составляется огненный газообразный шаръ; вотъ этотъ шаръ носится по своей орбитѣ тысячелѣтія, переобразуется мало-по-малу въ нѣкую громадную расплавленную каплю; носится эта капля новыя тысячелѣтія и постепенно охлаждается; вотъ нашъ шаръ становится до того холоднымъ, что спустившіеся на него изъ атмосферы водяные пары ступаются въ воду, и образуется на немъ водяная оболочка; тонкая кора пара растрескивается, расплавленные массы выступаютъ, и воды стекаютъ въ свои вмѣстилища и т. д. Такъ бы могло быть по естественному порядку; но для Того, предъ Которымъ тысяча лѣтъ яко день одинъ, нужны ли были миллионы вѣковъ, чтобы изъ хаоса однимъ словомъ, однимъ дыханіемъ Божественныхъ устъ, сдѣлать тѣло или планету, которая могла бы быть обитаема для царствъ растений, животныхъ и чело- вѣка. Мнѣ каждый разъ становится смѣшно, когда я слышу, что всемогущую силу Творца ограничиваютъ законами природы. Законы могутъ быть для природы, но ужь никакъ не для Творца ея и давныхъ ей законовъ. Законы эти имѣютъ относительную законность; они для нашего разумѣнія законы, а наше разумѣніе таково, что то, что мы нынѣ считаемъ за-

кошнымъ, завтра беззаконіемъ; разумъ не рѣдко опирался на такіе законы, надъ которыми впослѣдствіи смѣялся. Пройдутъ еще вѣка, когда разумъ человѣческій вступитъ на прямой путь законности; долго ему еще блуждать и отыскивать непреложные законы. И не отыщется ли одинъ общій законъ—одна всемогущая сила, дѣйствующая въ природѣ? Силой этой можетъ быть одинъ Богъ. Тѣмъ кончатся всѣ напряженія ума искателей законовъ природы и поклонниковъ ихъ.

Но, знаешь, меня очень занимаетъ скудельная оболочка земнаго шара; и я вѣрю, этотъ шаръ—сосудъ очень хрупкій; ибо нельзя не согласиться, что твердая кора, облекающая нашу землю, сравнительно тонка. И она, какъ ты знаешь, доселѣ трескается. Но я невольно переношусь мыслию въ тѣ отдаленныя времена, когда она была еще тоньше и растрескиванія повторялись чаще и на большія пространства. Какое страшное сотрясеніе испытала наша земля, когда послѣдовала проломъ въ нѣибольшей Швейцаріи и оттуда пошли трещины во всѣ стороны, дошли до насъ,—даже до Скандинавіи. Это было нѣчто похожее на ударъ камнемъ въ стекло. Но какова картина была, когда изъ этого пролома, изъ этихъ трещинъ, стали выступать изъ нѣдръ земнаго шара полурасплавленныя массы гранита! Вотъ гдѣ была страшная ломка прежнихъ наслоеній земли, выносимыхъ на самое темя выступавшихъ массъ! А вѣдь не дурно бы было посылаться въ „верхнихъ кругахъ“ и смотрѣть на эту ломку, на эти ужасающія силы природы! Умремъ, и не то увидимъ. И что? Это выступаніе, эта ломка творились быстро или постепенно? Думается, что послѣднее вѣрнѣе. Признаюсь, вся эта теорія имѣетъ очень привлекательную окраску; здѣсь много величаваго, поэтическаго. Но всѣ эти цвѣты поэзіи могутъ опасть, какъ опадаютъ цвѣты съ дерева, когда завяжутся плоды. Давно ли гранитъ, который мы видимъ, считали первозданною породою; но теперь говорятъ, что эта порода силою огня могла образоваться и изъ осадковъ, и въ подтвержденіе указываютъ на гранито-гнейсы.

Я откровенно сознаюсь, что во всѣхъ этихъ мысляхъ Иннокентія для меня ничего не было новаго; но я привожу ихъ въ подтвержденіе, что нашему богослову-философу были знакомы и другія науки, и открытіями въ нихъ или ихъ теоріей онъ также увлекался.

VII.

Иннокентій въ имѣніи извѣстнаго лѣсовода и хозяина В. П. Скаржинскаго. — Мнѣніе его о важности лѣсной растительности для степей юга Россіи и значеніе въ этомъ дѣлѣ власти. — Взглядъ Иннокентія на крѣпостное право въ Россіи.—Задача для государственной мудрости.—Значеніе для Россіи дворянства.—Совѣтъ Иннокентія редактору «Записокъ П. Общества сельскаго хозяйства южной Россіи». — Взглядъ его на русскій языкъ и шовывміе.

Я описываю не путешесвіе, а отмѣчаю только то, что мнѣ напоминаетъ Иннокентія, и что можетъ послужить къ освѣщенію этой высокой личности, или точнѣе — его сужденія о нѣкоторыхъ предметахъ. Мы въ Трикратахъ. Ни почтенный хозяинъ, ни семейство его не встрѣчаютъ дорогаго гостя. Оказывается, что они въ другомъ имѣніи, въ Мигеяхъ, до которыхъ отъ Трикратъ наберется болѣе двухъ десятковъ верстъ. Хотя владыка хотѣлъ изъ Трикратъ чрезъ Вознесенскъ возвратиться въ Одессу, но обратившись ко мнѣ сказалъ: „Дѣлать нечего, надо ѣхать и въ Мигей; я непременно хочу передать тебя съ рукъ на руки твоему учителю; да кстати, до сихъ поръ я еще не видѣлъ лѣсковъ его въ томъ имѣніи“. Невольно убѣждаешься въ необыкновенной благожелательности приснопамятнаго архипастыря и его изумительной любознательности.

Прежде всего Иннокентій выкупался, что онъ дѣлалъ постоянно, обѣзжая свою обширную епархію въ лѣтніе мѣсяцы. Для его купаній обыкновенно въ какомъ-нибудь сараѣ настилали свѣжей соломы и ставили нѣсколько ведеръ воды самой холодной, но и непременно самой чистой. „Ничто,—однажды сказалъ онъ мнѣ послѣ подобнаго купанья, — такъ не освѣжаетъ нашей головы, какъ свѣжая вода и чистый воздухъ; безъ нихъ можно отупѣть. Правда, турки чаще насъ моются; но, во-первыхъ, они отъ природы тушы; теплый климатъ сдѣлалъ ихъ умственно разслабленными; во-вторыхъ, они не любятъ холодной воды, которая одна имѣетъ свойство освѣжать не только тѣло, но и самый духъ; а въ-третьихъ, скажемъ и то, что, не выпуская изъ рта трубки, они не дышатъ чистымъ воздухомъ. Я убѣжденъ, что постоянное, такъ сказать, ежеминутное куреніе табаку самымъ притупляющимъ образомъ дѣйствуетъ на наши мыслительныя силы и на чувства сердца; въ противномъ случаѣ мы должны-бы допустить, что можно жить и безъ чистаго воз-

духа, и что вещества, возбуждающія наши нервы — не возбуждаютъ ихъ, т. е. не ослабляютъ; ибо за возбужденіемъ неизбежно слѣдуетъ ослабленіе. — Ты не куришь? — Не курю ¹⁾), владыко. — И доброе дѣло дѣлаешь. Можно позавидовать и тѣмъ, которые не нюхаютъ; но лучше нюхать, чѣмъ курить; при нюханіи мы по крайней мѣрѣ не лишаемся чистаго воздуха; а безъ него не можетъ быть правильнаго обращенія крови; кровь справедливо называютъ нашимъ текущимъ тѣломъ; запруди проточную воду и она начнетъ гнить“.

Послѣ купанья Иннокентій осмотрѣлъ трикратскую церковь и мы пошли въ сопровожденіи садовника въ паркъ, насажденный руками знаменитаго лѣсовода. Паркъ этотъ, по своей картинности, по разнообразію древесныхъ и кустарныхъ породъ, получилъ достойную извѣстность въ печати. Покойный лѣсоводъ акклиматизировалъ болѣе 100 различныхъ видовъ и разновидностей изъ лѣсныхъ породъ. И замѣчательно, Иннокентій въ очень рѣдкихъ случаяхъ обращался къ садовнику за названіемъ растений. Когда онъ могъ ознакомиться съ ними? Вотъ что значитъ счастливая память и, пожалуй, любовь! Конечно, здѣсь не мѣсто касаться хотя-бы и самаго краткаго описанія трикратскаго парка и при немъ плодоваго сада съ самыми разнообразными породами. Намъ дороги мысли или слова Иннокентія.

Мы вышли на возвышенность, съ которой всѣ эти насажденія представлялись полною картиною. „Посмотри, другъ мой, окрестъ и сравни безжизненность степи, пожелтѣвшую траву, даже самыя нивы съ этимъ островомъ темной, сочной зелени, — и дѣло само напрашивается. Нашимъ тучнымъ степямъ, этому во многихъ другихъ отношеніяхъ благодатному краю, одного не достаетъ, — лѣсу, который такъ силенъ защитить беззащитныя здѣшнія поля отъ сухихъ, жгучихъ вѣтровъ. На это дѣло ты ударъ и словомъ своимъ, и перомъ хорошенько, конечно, изучивши его. Удивляться надобно, какъ наше правительство такъ равнодушно относится къ лѣсоразведенію въ этомъ краѣ. Правда за поощреніями дѣло не стоитъ, впрочемъ далеко не щедрыми; по

¹⁾ Увы! года черезъ четыре и меня Одесса, гдѣ такъ распространено куреніе, соблазнила; но спасибо и за то, что курительнаго запой никогда не имѣлъ.

здѣсь поощреніями дѣла не подвнешь, а нужна дубинка Петра Великаго: я разумью обязательную силу закона. Со временемъ ты познакомишься съ лѣсонасажденіями нашихъ нѣмцевъ-колонистовъ; но какъ они возникли? За это надобно благодарить попечительный комитетъ объ иностранныхъ поселенцахъ; онъ сдѣлалъ лѣсоразведеніе въ колоніяхъ дѣломъ обязательнымъ; возложилъ его на отвѣтственность шурцевъ, которые иной разъ приобѣгали дѣйствительно и къ палкѣ. Въ здѣшнихъ военныхъ поселеніяхъ повсемѣстно разведены лѣски; но не будь власти, поселяне и не подумали-бы объ нихъ. Мы идемъ какого-то народнаго вдохновенія, думаемъ, что онъ самъ надумается и примется за это важное дѣло. Горькая ошибка! Каждый членъ даннаго общества, особливо незрѣвшаго, живетъ для себя; общественное дѣло для него какъ-бы постороннее; а потому и неизбѣжнымъ становится, чтобы во главѣ общественной пользы становилось лицо, не связанное личными потребностями или вождедѣніями; лицо это — власть, правительство съ своими законами. Правда, и данное общество, при разумныхъ вожакахъ, можетъ стовориться что-нибудь сдѣлать доброе для общей пользы; но можетъ и отмѣнить свое рѣшеніе. Не такова судьба тѣхъ дѣлъ, которыя предписываются закономъ, исходящимъ изъ верховной власти. Если-бы дѣло отъ меня зависѣло, я издалъ-бы относительно лѣсоразведенія въ здѣшнемъ краѣ самый неумолимый законъ. Великій нашъ Петръ своимъ всеобъемлющимъ умомъ постигалъ важность лѣсовъ, и ты знаешь, какіе суровые законы онъ издалъ къ сохраненію деревьевъ, имѣющихъ особенную цѣнность. Мы тяжко грѣшимъ противъ Бога, Который такъ щедро надѣлилъ русскую землю самыми богатыми дарами; мы повсемѣстно истребляемъ лѣса, а о разведеніи ихъ и не думаемъ, и какія-же послѣдствія? Вся наша земля превратилась въ степную равнину и ее постигнетъ участь всѣхъ вредныхъ вліяній такъ называемаго континентальнаго климата.

„Посмотри на здѣшніе крестьянскіе домики: они обсажены деревьями. Ясно, что это дѣло власти помещика, любителей лѣсоразведенія. Но сколько на нашемъ югѣ казенныхъ селеній, щедро надѣленныхъ землею, гдѣ и деревца не посажено, — и не посажено именно по недостатку разумной власти. Ближайшія власти къ народу думаютъ только объ исправномъ взносѣ по-

ловѣку довольно взглянуть на другаго съ какимъ-нибудь недобрѣмъ умысломъ, и съ нимъ приключается недоброе, въ родѣ какой-нибудь болѣзни или несчастнаго случая?

— Что сказать вамъ на это, мой почтеннѣйшій старецъ?— отвѣчалъ Иннокентій. — Скажу вамъ вотъ что: если-бы *глазу* или *съ глазу* вѣрили только одинъ, какъ говорится, бабы, и эта вѣра дѣлалась цѣлые вѣка, переходя изъ рода въ родъ, изъ поколѣнїя въ поколѣнїе; то и тогда-бы мы не имѣли права утверждать, что это вздоръ, женская болтовня, столь присущая этой легкомысленной половинѣ человѣческаго рода. Я такого мнѣнїя, что даже самые грубые предразсудки и суевѣрїя сложились и поддерживаются въ народѣ не безъ основаній.

— Но наука, владыка, признаеть, что можно сглазить человѣка?

— Наука, опираясь на самыя непреложныя свидѣтельства или данныя, признаеть, что глазъ имѣеть въ себѣ необычайную силу, которую обыкновенно называютъ магическою; но едва-ли ученый народъ когда-нибудь объяснитъ, что это за сила и какими путями она дѣйствуетъ.

Живя въ деревнѣ, владыка, мы чуть не каждый день видимъ: вдругъ ребенокъ ни съ того, ни съ другого заболѣеть и горить, какъ въ огнѣ, а мать увѣряеть, что его сглазили. Иной разъ и вѣришь этому, и не вѣришь; вѣришь потому, что вѣришь въ силу глаза, а не вѣришь по той причинѣ, что нашъ народъ чуть не всѣ болѣзни, особливо дѣтей, относитъ къ *съ глазу*.

— Вы вѣрно смотрите на это дѣло, сказалъ Иннокентій. — Дѣйствительно, здѣсь вся ошибка въ томъ, что нашъ народъ чуть не всѣ болѣзни объясняетъ одной причиною, какъ есть знахарки или лекарки, которыя отъ всѣхъ болѣзней лечатъ однимъ снадобьемъ. Въ первомъ случаѣ народъ, пожалуй, и правъ. Что обыкновенно говорятъ наши простые люди, когда посѣтитъ ихъ какая-нибудь болѣзнь? Богъ за грѣхи наказалъ. Сколько здѣсь правды! Не должны ли мы большую часть нашихъ болѣзней отнести къ нашей грѣховности, т. е. къ неправильному, противузаконному образу нашей жизни, къ грѣхамъ плоти и духа? Что иная болѣзнь дѣйствительно причиняется *съ глазу*,—объ этомъ и спору быть не можетъ.

Если одинъ взглядъ человѣка усмиряеть самаго свирѣпаго звѣря и даже самаго человѣка, то почему тотъ-же глазъ, посмотрѣвшій, положимъ на ребенка, какъ болѣе нѣжное, впечатлительное созданіе,—посмотрѣвшій съ завистью или злорадствомъ, не можетъ произвести на него желаемого дурнаго дѣйствїя? Обыкновенно въ народѣ дѣтей, заболѣвшихъ *съ глазу*, умываютъ и что-то шепчуть надъ ними. Говорятъ, что цѣль достигается, и я не позволю себѣ отвергать этого. Если злой глазъ можетъ причинить болѣзнь, то почему обратнаго дѣйствїя не можетъ имѣть добрый глазъ? Сколько я знаю, такимъ способомъ врачеванїя занимаются старушки, извѣстныя своею добротою и нѣжностію. Такъ я смотрю на поднятый вами вопросъ, и едва-ли ошибаюсь. Мы окружены тайнами. Строеніе глаза изслѣдовано до мельчайшихъ подробностей; но объяснили-ли ученые люди: почему одинъ нервъ ощущаетъ звукъ, а другой свѣтъ, когда по строенію и существу они ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга? И какъ эти нервы передаютъ свои впечатлѣнїя духу,—существу, не имѣющему ничего общаго съ веществомъ или матерїею? Все это тайны и придетъ ли время, когда онѣ перестанутъ быть таковыми? Богъ вѣсть.

Владыка замолчалъ и какъ будто весь погрузился въ какую-то непроницаемую таинственность. Въ подобныя минуты Иннокентій представлялся какъ-бы олицетворенною думою: открытое чело, если позволено такъ выразиться, дышетъ какимъ-то невозмутимымъ спокойствїемъ; глаза устремлены въ даль; уста полуоткрыты; всѣ члены или мускулы какъ-бы замерли.

— Я почему, владыко, заговорилъ съ вами о глазѣ, снова повелъ свою рѣчь нашъ лѣсоводъ;—миѣ припомнился одинъ случай.

— Какой? спрашиваетъ Иннокентій, какъ-бы пробудившійся отъ нѣкоего таинственнаго видѣнїя.

— А вотъ слушайте. Прїѣзжаю я разъ вотъ въ этотъ самый лѣсокъ, названный мною Хомутцомъ, вхожу на ту самую полянку, гдѣ мы стоимъ, и начинаю кричать своего Грицка—сторожа. Грицко не отвѣчаетъ, но вижу, онъ выльзъ изъ лѣску и машеть миѣ рукою, чтобы я подошелъ къ нему. Ти-

хонько подхожу, и Гришко шепотомъ говоритъ мнѣ: дивись, т. е. смотри, пане, что такое творится. Смотрю и дивлюсь. Вы, конечно, видѣли, владыка, здѣшнихъ большихъ змѣй, называемыхъ желтопузами? И теперь они попадаются изрядной величины; но въ прежнія времена я видывалъ ихъ съ добрую оглоблю. Ихъ теперь, при увеличившемся народонаселеніи, бьютъ и не даютъ расти до глубокой старости. Представьте-же себѣ, владыка, что я увидѣлъ: желтопузь цѣлою третью своего тѣла выпрямился, какъ свѣча, и смотритъ пожирающими, какъ будто искрящимися глазами на маленькую птичку; птичка въ ужасѣ, чуть-чуть дрыгаетъ крылышками, а спорхнуть не можетъ; желтопузь вытягивается все выше и выше, бѣдная птичка цѣпенѣетъ отъ страха, и этотъ удавъ южныхъ степей глотаетъ ее. Вы вѣрите этому, владыка святой?

— Какъ не вѣрить, отвѣчалъ Иннокентій.

— Какъ-же послѣ этого не вѣрить, что иная завистливая баба такими-же пожирающими глазами смотритъ на хорошенькаго ребенка своей сосѣдки, какъ этотъ желтопузь на бѣдную птичку?

— И этому вѣрю, отвѣчалъ Иннокентій. — Можетъ быть, вотъ этотъ ученый народъ (владыка указалъ на меня) и смѣется надъ нами, стариками, якобы впавшими въ область разныхъ суевѣрій; но вѣдь и мы съ вами въ правѣ назвать смѣхъ такихъ ученыхъ людей смѣхомъ суемудрія или только одною личною невѣрію: загляните въ ихъ душу. Вѣрить въ необъяснимое явленіе имъ какъ-будто стыдно или совѣстно, — и вотъ они избираютъ благую часть — невѣріе, прикрываясь тѣмъ, что подобное явленіе противорѣчитъ законамъ природы. Но при этомъ вотъ какой возникаетъ вопросъ: всѣ-ли законы природы вѣдомы ученому міру? Истинно говорю: здѣсь одно ученое лицемеріе.

— Это правда, владыка. Я зналъ одного доктора, котораго считали очень ученымъ человѣкомъ. Онъ зло смѣялся надъ болѣзнями съ глазу и надъ всякими заговорами. Но однажды пришлось ему жутко: у него страшно разболѣлись зубы; чего онъ ни дѣлалъ? призвалъ на помощь всю свою медицинскую кухню, но кончилъ тѣмъ, что тихонько пошелъ

къ одному, на этотъ разъ прославленному знахарю-мужичку, и тотъ заговорилъ ему зубы. Зубы болѣть перестали; но нашъ ученый докторъ не переставалъ смѣяться надъ заговорами.

— На это я вотъ что скажу вамъ. Какъ въ обыденныхъ нашихъ дѣлахъ, такъ и въ дѣлахъ ученыхъ, на первомъ мѣстѣ должна стоять честность сердца или души; безъ нея мы не можемъ убѣдить себя въ слабости своихъ силъ и вѣчно будемъ путаться или блуждать въ разнаго рода отрицаніяхъ. Какой глубоко-содержательный урокъ заключается въ словахъ Евангелія: „вѣрую, Господи, помоги моему невѣрію“.

— Ну, владыка, сказалъ лѣсоводъ: — отъ такого спасительнаго урока и доктора, и всѣхъ насъ, грѣшныхъ, Господь еще миловалъ, т. е. по правдѣ сказать: мы всѣ избавили себя отъ тяжелаго бремени честности.

Иннокентій засмѣялся и такъ заключилъ свой разговоръ съ почтеннымъ лѣсоводомъ. Есть сила, которую называютъ животнымъ магнетизмомъ, — называютъ такъ туманно по недостатку ученой честности, о которой я сейчасъ говорилъ; ее вѣришь-бы назвать силою нашего бессмертнаго духа — сей „искры божества“. Но суть дѣла не въ названіи, а въ дѣйствительномъ существованіи такой силы, въ ея неоспоримыхъ проявленіяхъ. Въ эту силу во всѣ времена вѣрило человечество; вѣрить и теперь; но только въ позднѣйшее время она сдѣлалась предметомъ изслѣдованій со стороны науки, которая начинаетъ признавать ее и надобно надѣяться, что изслѣдованія ученыхъ людей, если, опять повторю, они не небрегутъ честностію, приведутъ къ такимъ открытіямъ или явленіямъ, о которыхъ мы теперь и не грезимъ. И чѣмъ все это кончится? полною побѣдою духа надъ матеріею, духовнаго міросозерцанія надъ матеріализмомъ. Матеріалисты хотятъ открыть въ этомъ животномъ магнетизмѣ нѣчто подходящее къ ихъ лжеученію; но вѣришь надъ ними оправдается изрѣченіе Псалмопѣвца: „ровъ изры, ископа, и паде въ яму, юже содѣла“. Да, чуть-ли блуждающій по распутіямъ и халугамъ разумъ человѣческой — эта „трость вѣтромъ колеблемая“, не найдетъ здѣсь новаго и при томъ непреложнаго доказательства относительно существованія духовной стороны въ существѣ человѣка, — стороны, не имѣющей ничего общаго съ ма-

терією и не подлежащей разрушенію, столь свойственному всякой матеріи или веществу. Видите-ли: всѣ эти истины открыты намъ въ откровеніи свыше; но человѣку мало одной вѣры; умъ его одаренъ пытливостію, которой не положено предѣловъ; да этихъ предѣловъ и быть не можетъ тамъ, гдѣ дѣло идетъ или касается явленій безпредѣльной творческой силы Творца міровъ. Грѣшитъ ли пытливый умъ человѣка, желающій приподнять завѣсу вѣры или таинственности? Нѣтъ; то его долгъ; то прирожденное требованіе духа человѣческаго, на которомъ видимо отобразились слѣды безпредѣльной, вѣчной творческой силы. Дитя сначала вѣритъ во все, что передаетъ ему мать или отецъ; но было бы нелѣпо осуждать человѣка, пришедшаго въ зрѣлый возрастъ, за то, что онъ провѣряетъ принятое дѣтскимъ умомъ на одну вѣру или довѣріе къ отцу и матери. Человѣчество растетъ, какъ дитя, и чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе будетъ стремиться объяснить себѣ то, во что прежде вѣровали въ простотѣ дѣтскаго сердца. Оставаясь при одной вѣрѣ, человѣчество заснуло-бы, лежало-бы скованнымъ по рукамъ и ногамъ. Мы это видимъ на дикаряхъ. Какая глубина премудрости въ словахъ св. Писанія: „познайте истину и истина сделаетъ васъ свободными!“ Есть, мой возлюбленный старецъ, истины непреложныя, какъ непреложень самъ Богъ; онѣ останутся вѣчными, какъ сама высочайшая Истина—Богъ; и умъ человѣческій чѣмъ долѣе будетъ углубляться въ нихъ, тѣмъ онѣ будутъ становиться для него яснѣе и изъ области вѣры переходить въ область сознанія, убѣжденности. Я думаю, что такимъ путемъ шли и вы, разводя эти лѣски, которыми мы теперь любуемся: сначала, когда вы бросали первыя сѣмена, у васъ была одна вѣра, что лѣсъ можетъ расти въ нашихъ стенахъ; но въ настоящее время, когда вы и другіе имѣютъ предъ собою „толпикъ облакъ свидѣтелей“ (владыка указалъ на окружавшій насъ разнообразный лѣсъ), вмѣсто вѣры явилось убѣжденіе ума.

— Но, владыка святой: вѣра насъ часто обманываетъ. Вѣрю я, что въ моихъ, обильныхъ рыбою запрудахъ, мой Терентій наловитъ хорошей рыбы для нашего обѣда; но вѣдь можетъ и не наловитъ; и вѣра наша безъ этихъ добрыхъ дѣлъ будетъ мертва.

Иннокентій отъ всей души засмѣялся. Мы сѣли въ экипажи и отправились къ обѣденному столу.

Оказалось, что вѣра нашего гостепріимнаго хозяина сопровождалась самыми добрыми дѣлами. Терентій успѣлъ наловить прекрасныхъ окуней въ Бугѣ, изъ которыхъ вышла отличнаго вкуса уха, а изъ искусственныхъ рыбныхъ садковъ (запрудь) жирныхъ карасей, которые со сметаною, только степнымъ жителямъ знакомой по своему аромату и густотѣ, тоже составилось неподражаемо вкусное блюдо, и т. д. Конечно, въ богатомъ погребкѣ богатаго хозяина нашлись и лафитъ, и рейнвейнъ, и хересъ, и мадера, и портеръ, и шампанское, къ которымъ, по обычаю, именитый архипастырь только прикасался и то, само собою разумѣется, не ко всѣмъ. Онъ всегда желалъ, по его собственному выраженію, сохранить свою голову свѣжею. И безъ того, т. е. безъ омраченія головы винными парами, не рѣдко говаривалъ онъ, всюду мракъ среди людей, какъ испорченный плодъ испорченной души вождельніями плоти.

Послѣ обѣда владыко и почтенный старецъ легли отдохнуть; а я занялся твореніемъ своихъ набросковъ о видѣнномъ и слышанномъ.

Къ вечернему чаю, всѣ, включая сюда конечно и необыкновенно ласковую семью именитаго лѣсовода, собрались на террасѣ дома, который стоялъ при самой рѣкѣ, въ этомъ мѣстѣ съ шумомъ и грохотомъ мчавшейся чрезъ гранитныя скалы и камни, образующіе пороги Буга.

Къ 10 часамъ ночи мы только втроемъ остались на террасѣ. Въ деревняхъ, какъ извѣстно ранѣе, чѣмъ въ российскихъ (именно только въ российскихъ) городахъ, ложатся спать; и благо дѣлаютъ: тамъ пшпшность, худосочіе не вѣдомы.

Ночь была, какъ говорится, упоительная. Прохлада отъ рѣки, отъ водной пыли разбивающагося бурнаго потока о камни и скалы; аромат степнаго теплаго воздуха; безоблачное небо съ горящими въ бездонной глубинѣ „огненными лампадами“: все это воистину дѣлало ночь дышавшею какими-то обаятельными чарами. А тутъ чарующій потокъ рѣчи изъ золотыхъ усть дивнаго витія и презанимательные, пересыпаемые неподражаемымъ юморомъ и остротами рассказы столько

видѣвшаго и испытывшаго старожила широкихъ степей. Онъ говорилъ и о взятіи Очакова безсмертнымъ Суворовымъ, по рассказамъ своего отца, бывшаго храбрымъ участникомъ этого боя, и вышедшаго изъ него въ ранахъ съ головы до ногъ; говорилъ, по свѣжимъ преданіямъ, объ удалыхъ запорожцахъ, о безстрашныхъ шайкахъ степныхъ разбойниковъ, отъ которыхъ однажды, только какимъ-то чудомъ спаслась эта семья; говорилъ о дивно-роскошной, въ иные годы, растительности степей, въ травахъ которыхъ нельзя было замѣтить и длинно-рогихъ украинскихъ валовъ и т. д. и т. д.

Бесѣда длилась далеко за полночь. „Но бѣста очи мои отяготѣли“: подъ конецъ я уже свозъ сонъ слышалъ рассказы почтеннаго старца или иную рѣчь Иннокентія; наконецъ и совсѣмъ заснулъ, сидя въ покойныхъ креслахъ. Иннокентій первый замѣтилъ это, и шепотомъ сказалъ своему собесѣднику: а вѣдь нашъ ученый мужъ спитъ. Довольно было для меня, чтобы я встрепенулся и сказалъ: виновать, я дѣйствительно заснулъ.

Припоминая слова Златоуста, благосклонный читатель воскликнетъ: „Сносно-ли это! стерпимо-ли это!“ Заснуть — когда лилась рѣчь русскаго Златоуста или такого рассказчика-старожила степей! Да это просто — сонливость не тѣла, а безсмертнаго, всегда бодрствующаго духа! — Не укоряйте меня и припомните: въ какія минуты, къмъ и кому были сказаны слова: тако-ли не возмогостѣ единаго часа (а мы сидѣли не одинъ часъ!) побдѣти со мною? (Матѣ. XXV. 40); сказаны были въ преддверіи искупленія рода человѣческаго его Искупителемъ будущимъ провозвѣстникамъ этой тайны Божества, предъ которыми, въ чемъ согласится и мой самый строгій читатель, я — ничтожная пылинка, и ужъ во всякомъ случаѣ не могу быть сопричтенъ къ сонму апостоловъ. Духъ бодръ, плоть же немощна, которую, о, неизреченая доброта! взялъ Иннокентій за обѣ руки, сказавши: „Иди, другъ мой спать; мы со старцемъ заснули и продолжимъ свою бесѣду“.

Не осуждайте-же меня, повторяю, мой благосклонный читатель; возьмите поучительный примѣръ съ современныхъ и улпчныхъ, и другаго ранга судей, обѣляющихъ даже убійцъ, отцеубійцъ, грабителей и святотатцевъ. Но какъ-бы строго ни

судили меня, едва-ли на вашемъ вердикѣ вы позволите себѣ изобразить больше сихъ словъ: экая сонная тетеря!

— Приговоромъ вашимъ я доволенъ и дѣла переносить въ высшую инстанцію милостивыхъ судовъ не намѣренъ.

Переночевавши и утромъ простившись съ радушнѣйшимъ хозяиномъ, мы пустились въ обратный путь въ Одессу.

Въ Вознесенскѣ мы остановились. Владыка прежде всего, по обыкновенію, выкупался на соломѣ въ сараѣ мѣстнаго (замѣчу, очень почтеннаго) протоіерея о. Вартмиискаго; занялся епархіальными дѣлами; пообедали у того-же о. протоіерея, и какъ онъ ни спѣшилъ въ Одессу, но хотѣлъ показать мнѣ, или самому посмотрѣть на паркъ, разведенный при зданіяхъ управленія военными поселеніями. И дѣйствительно, было на что посмотреть, хотя насажденіе лѣсныхъ породъ и встрѣтило здѣсь самую неблагоприятную почву. Пришлось мнѣ быть въ Вознесенскѣ спустя нѣсколько лѣтъ (3—4 г.), по закрытіи военныхъ поселеній, и увви, я увидѣлъ здѣсь мерзость запустѣнія: многое вырублено, другое Поломано или посохло, и среди остатковъ лѣсной зелени свободно пасся скотъ. Какъ извѣстно, та же горькая участь постигла и всѣ лѣсонасажденія въ южно-русскихъ военныхъ поселеніяхъ, гдѣ усадьбы поселенцевъ, церкви, мѣста управленій были обсажены деревьями, а въ степяхъ разведены лѣски и тутовые рощицы. Теперь, слышно, и слѣда не осталось отъ этихъ трудовъ. Невольно вспоминаешь слова Иннокентія: въ этомъ важномъ дѣлѣ одна властна власть, неумолимый законъ.

Гуляя по лѣснымъ насажденіямъ, превратившимся въ прекрасный паркъ, раскинувшійся по полугорью, гдѣ стояли упомянутыя зданія, Иннокентій, между прочимъ, сказалъ: вѣдь и здѣсь сѣмячко-то брошено рукою нашего почтеннаго лѣсовода; начальство военныхъ поселеній у него училось разводить лѣсъ и въ первое время его питомники служили рассадниками для лѣсныхъ насажденій по военному округу. Но для него-ли одного? Теперь не у малаго числа здѣшнихъ помѣщиковъ разведены лѣски и плодовые сады: по В. П. Скаржинскаго можно почитать патриархомъ лѣсоразведенія на югѣ Россіи. Ты видишь, этому важному дѣлу пробиваетъ дорогу не народная масса, а перодовое наше сословіе.

Вдруг Иннокентій переходитъ къ другому предмету и дѣ-
лаетъ мнѣ вопросъ:

— Ты знаешь, что такое крѣпостное состояніе?

— Знаю.

— А какая разница между крѣпостнымъ состояніемъ и раб-
ствомъ! Одно ли это и тоже?

Я молчалъ, соображая отвѣтъ. Но Иннокентій не дождался
его и началъ говорить. У насъ есть крѣпостное состоя-
ніе; но рабства нѣтъ, и было бы худой назвать нашихъ дво-
рянъ-помѣщиковъ рабовладѣльцами¹⁾. Правда, они имѣютъ право
продавать своихъ крестьянъ (хотя и съ нѣкоторыми ограни-
ченіями); могутъ сколько душъ угодно тѣлесно наказывать ихъ,
могутъ распоряжаться всѣмъ ихъ достояніемъ; но все это да-
леко отъ рабства въ истинномъ значеніи этого слова; это не
то рабство, которое было въ древнемъ мірѣ, или въ современ-
номъ намъ рабствѣ невольничковъ въ Новомъ Свѣтѣ. Тамъ не
было и нѣтъ родственной племенной связи, тамъ рабъ была
вещь, только обтянутая рабочими мускулами. Тяжелое бремя
несетъ наше крестьянство при крѣпостномъ на него правѣ; но
владѣющіе крестьянами видятъ и чувствуютъ въ нихъ одну род-
ную кровь, и нельзя сказать, что они не заботятся объ ихъ
благосостояніи и матеріальномъ, и даже духовномъ. Сколько
нашими дворянами-землевладѣльцами построено церквей? и— что
же? изъ какого-нибудь тщеславія? не имѣлась ли здѣсь въ виду и
духовная сторона крестьянъ? этого исторія не должна забывать.
Я не отвергаю, что большинство нашихъ помѣщиковъ больше
преслѣдовали личныя выгоды (но многіе ли изъ насъ иначе по-
ступаютъ?), даже не безъ жесткихъ злоупотребленій своими пра-
вами; но было и есть не мало такихъ, которыхъ можно назвать
отцами для крестьянъ. Исторія и этого не должна забывать.
Впрочемъ родственной связи между владѣльцами душъ и вла-

¹⁾ Такого же мнѣнія былъ и приснопамятный святитель Филаретъ, какъ это
видно изъ слѣдующихъ словъ его рѣчи, сказанной Царю-Освободителю 18 мая
1861 г.: «У насъ не было рабства, въ полномъ значеніи сего слова: была однако крѣп-
кая наследственная зависимость части народа отъ частныхъ владѣльцевъ». Этимъ
словомъ нельзя не повѣрить, потому что едва ли кто лучше этого мудреца-вла-
дыки зналъ строй нашей народной и государственной жизни. Думаемъ, что съ
этими двумя именитыми іерархами согласно и все православное духовенство
такъ близко стоявшее къ народу. А между тѣмъ, наши глашатаи, готовые

дѣемыми душами, даже при грубости нравовъ, было больше въ
прежнія времена, чѣмъ въ позднѣйшія: рознь пошла, но еще
не глубоко пустила свои корни, съ той поры когда наши дво-
ряне стали говорить на непонятномъ для народа языкѣ. Францу-
зы нанесли намъ величайшее зло; они послужили къ расгнѣнію
русскихъ нравовъ и къ нѣкоторому, хотя бы и малому, раз-
общенію нашего передоваго сословія съ народомъ. Не Вели-
кій Петръ сдвинулъ съ русской колеи русскую жизнь въ верх-
немъ нашемъ слоѣ; не брадобритіе и не нѣмецкіе кафтаны, на
которые ссылаются наши славянофилы, открыли для этой жиз-
ни новое русло,—а мишурный блескъ французской жизни, ко-
торая такъ обаятельно подѣйствовала на нашу неразвитость.
Преданія, историческій духъ древнихъ бояръ видимо стали
исчезать въ ихъ потомкахъ, и они охотнѣе соглашались при-
нять нѣкое подобіе французовъ, чѣмъ сохранить истинно-рус-
скій, православный, твердый, какъ сталь, умственный складъ
своихъ дѣдовъ. Въ этомъ они сами себя не рѣдко изобличали.
Ты читалъ, что писалъ по этому предмету знаменитый графъ
Растопчинъ? Конечно, строго винить въ этомъ случаѣ наше
передовое сословіе нельзя; зло шло сверху и современемъ цар-
ство женщины въ этомъ отношеніи добромъ не помянетъ исто-
рія. Франція подарила свѣтъ міровыми тенями; но все-таки
я назвалъ бы ее воплощеннымъ легкомысліемъ; то—во истину
„жалкій и пустой народъ“. Крѣпостное состояніе необходимо
вычеркнуть изъ нашей исторіи. Эта болячая язва, это черное
пятно на могучемъ русскомъ тѣлѣ,—не могутъ быть терпимы.
Оно не рабство,—это правда; но отзывается рабствомъ; оно
отнимаетъ свободу у разумно свободныхъ существъ; а свобо-
да—одинъ изъ первыхъ даровъ вѣры во Христа; она завѣ-
щана человечеству Евангеліемъ. Здѣсь какой то непонятный
рокъ тяготѣетъ надъ русскою землею: и мудрая Екатерина, и
благословленной Александръ, и могущественнѣйшій нашъ Го-
сударь Николай Павловичъ—крѣпко думали уничтожить крѣ-
постное право,—и не уничтожили. Повидимому, при безгра-

всюду внести мракъ и порицаніе, какими именами ни клеймили наше пере-
довое сословіе! То были и рабовладѣльцы, и плантаторы, и крѣпостники и
д. д. Теперь мы видимъ настоящее ярмо рабства, наложенное на народъ міро-
дами кунно съ кабатчиками.

Дан.

ничной власти, достаточно было бы одного державнаго слова, чтобы смыть это позорное пятно и съ русскаго народа, и съ самой правящей власти, — и доселѣ успѣли сдѣлать только кое-что. Конечно, мы идемъ къ тому, что крѣпостное право уничтожится. Но знаешь ли, что самое трудное въ этомъ дѣлѣ? Землею мы богаты, и впереди у насъ громадныя пространства въ Азіи, которыя рано или поздно будутъ находиться подъ рукою Бѣлаго Царя. Мы можемъ щедро надѣлать угодыми крѣпостныхъ, даже не нанося ущерба землямъ теперешнихъ помѣщиковъ, изъ которыхъ вѣроятно многіе согласятся, на извѣстныхъ условіяхъ, поступиться частію своихъ земель въ пользованіе или собственность бывшихъ своихъ крестьянъ. Кромѣ того, уничтожая крѣпостное состояніе, мы достигнемъ другой важной цѣли — болѣе правильнаго распредѣленія нашего народонаселенія по лицу русскаго земли. А въ богатой деньгами нашей казнѣ средства для переселеній найдутся. Все это, повторяю, дѣла удобоисполнимыя. Но вотъ въ чемъ задача государственной мудрости: какъ сохранить нравственное вліяніе дворянъ-помѣщиковъ на освобожденныхъ отъ крѣпостной зависимости крестьянъ? А это вліяніе необходимо, и пренебречь имъ — значитъ сдѣлать величайшую ошибку. Безъ передоваго болѣе или менѣе образованнаго сословія и притомъ болѣе или менѣе богатаго вещественными средствами, не можетъ двигаться народная масса на пути матеріальнаго и духовнаго развитія. Этой массѣ нужны вожаки. Но если, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія, нравственная связь между передовымъ сословіемъ, которое въ общей своей массѣ дышетъ чистымъ русскимъ духомъ, и бывшими крѣпостными, — порвется, кто будетъ вожаками народа? чиновники? Но они не знаютъ народной жизни и у нихъ ничего общаго нѣтъ съ народомъ: какъ между сохою и перомъ, чернилами и дождевою влагою; да кромѣ того народъ, по преданію, знаетъ, что такое значить „кормленіе“ чиновнаго люда. Еще менѣе можно ожидать добра, если водительство народа на пути его развитія, и матеріальнаго, и духовнаго, будетъ передано вожакамъ, избраннымъ изъ его же среды. Здѣсь будетъ то, что сказано небесною правдою: „если слѣпецъ слѣпца водить, то оба упадутъ въ яму“. Каковы бы ни были отношенія между помѣщиками и крестьянами, худы ли, хороши ли, по связь

между ними сложились исторически, и вдругъ прервать ее будетъ нарушеніемъ историческаго хода нашей жизни; подобныя нарушенія не сопровождаются добрыми послѣдствіями; жизнь народная не любитъ скачковъ; она тогда только правильно развивается, когда похожа на рѣку плавно и тихо текущую въ своихъ берегахъ. Конечно, при образованіи народа, изъ него самаго могутъ образоваться народные вожаки, но исторія имѣетъ свою закваску, которая должна квасить все квасное смѣшеніе. У насъ есть родовитые дворяне, въ теченіи цѣлыхъ столѣтій служившіе Россіи всей вѣрой и правдой: предай забвенію этотъ квасъ, выбрось его изъ кваснаго народнаго смѣшенія, — и ты увидишь страшную пустоту въ народной жизни, и для высшей власти не останется самой надежной опоры. Сатана былъ сверженъ съ неба за гордыню. Гордость есть вопіющую сатанинскій грѣхъ. Но есть гордость и благородная, есть честолюбіе, ради котораго человекъ готовъ на самыя большія жертвы ради ближняго или отечества. Здѣсь нѣтъ сатанинскаго духа, хотя и нѣтъ высшей христіанской любви. Представь, что нашъ родовитый бояринъ идетъ на поле брани, на явную смерть, даже по одному тому побужденію, что таковы были его предки, что доблестный духъ ихъ переходитъ въ это время на него: гордыня ли это? честолюбіе ли, достойное порицанія? Все это я говорю въ поясненіе, что намъ надобно сохранить наше дворянство и особливо наше родовитое боярство. Для чего сохранить и какъ сохранить? Сохранить для того, чтобы оно было передовымъ, руководящимъ началомъ въ народной жизни, примѣромъ служенія престолу и отечеству, первымъ стражемъ вѣры православной. Какъ сохранить? такъ, чтобы, по уничтоженіи крѣпостнаго состоянія, оно сохранило свою матеріальную силу и всегда было готово помочь народной нуждѣ. Отъ кулака, другъ, нельзя ожидать особой любви къ меньшей братіи; у него на первомъ планѣ расчетъ, и кровь течетъ въ жилахъ болѣе грубая. Вотъ гдѣ задача для государственной мудрости! Тянь-лянь не дѣлается корабль; а устроить жизнь народную, — этотъ сложный, плавающий въ волнахъ житейскаго моря, корабль неизмѣримо труднѣе, чѣмъ многочисленнѣйшій флотъ изъ стопушечныхъ кораблей. Но намъ время ѣхать, и поѣдемъ мы въ Одессу, гдѣ, по выраженію нашего славнаго

отца протоіерея Ивана Михайловича, „пыль классическая, а деревья напудренные“. Но у меня на хуторѣ хорошо. Ты ходи ко мнѣ, какъ только вздумается.

Но не могъ я въ это время воспользоваться выпавшимъ на мою долю такимъ счастьемъ: видѣть и слышать дивнаго мужа. Возвратившись въ Одессу, съ ея ослѣпительнымъ солнцемъ, съ страшными жарамн и съ классическою пылью, я заболѣлъ глазами до самыхъ нестерпимыхъ болей. Лечили меня, но безуспѣшно, и я самъ вылечилъ себя, прикладывая куски льда на оба глаза. А поправившись, переселился въ монастырь къ добрѣишему о. ректору Пароенію, съ которымъ, какъ ниже увидитъ благосклонный читатель, прудили пруды и строили „ненасытенскіе пороги“.

Въ августѣ 1851 года, т. е. въ годъ моего прибытія въ Одессу, И. общество сельск. хозяйства южной Россіи избрало меня своимъ дѣйствительнымъ членомъ и редакторомъ „Записокъ“. На такое важное и новое для меня дѣло, какъ изданіе журнала, я счелъ своимъ долгомъ испросить благословеніе моего владыки. Прихожу и объясняю дѣль моего прихода. Первые слова Иннокентія были слѣдующія: ваше или правильнѣе наше (потому что и я состою его почетнымъ членомъ) Общество сельскаго хозяйства—странное общество! Журналъ его не выходитъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, со времени смерти редактора; но вѣдь онъ носитъ названіе Записокъ общества, а общество существуетъ. Такъ дѣла не дѣлаются.—Тебя выбрали редакторомъ; къ Новому году, до котораго осталось не много, ты долженъ выпустить книжку въ нѣсколько печатныхъ листовъ. Остались какіе нибудь матеріалы отъ прежней редакціи?

— Ни строчки, владыко.

— Такъ я тебѣ совѣтую, по зрѣломъ обсужденіи, отказаться. Я самъ издавалъ журналъ, а въ другомъ принималъ дѣятельное участіе, и вотъ что скажу: журналъ можетъ пойти хорошо, если онъ имѣетъ въ запасѣ матеріалу по крайней мѣрѣ на годъ. Записки Общества прекратились именно потому, что не было такого запаса. Смерть редактора не могла оставить ихъ.

— Нѣтъ, владыка, благословите; съ вашимъ благослове-

ніемъ, моихъ силъ достанетъ по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ редакторства.

— Смотри, кумъ, чтобы не осрамиться; дѣло мастера боится. Но я совѣтовалъ бы тебѣ на первый годъ составить сборникъ изъ статей, которыя были помѣщены въ „Запискахъ“ во все время существованія ихъ.

Я передамъ этотъ совѣтъ владыки, какъ онъ уже былъ мною въ одномъ мѣстѣ напечатанъ: „Я люблю молодая силы; я уважаю свѣжихъ, рьяныхъ дѣятелей; но помните и отцы не сидѣли трутнями, ни чего не дѣлая, ни о чемъ не думая; они работали, думали, до многого додумывались и многое добывали и добыли собственнымъ опытомъ, предъ которымъ иной разъ въ пухъ разлетается всякое ученое мудрствованіе, т. е. такъ называемая теорія. А потому было бы непростительною само-надѣяностію молодыхъ силъ — ихъ стремленіе идти впередъ, безъ оглядки назадъ, на дѣла и труды отцевъ. Да, это такъ. Если исторія есть своего рода учитель для человѣчества, то нельзя сказать, чтобы для сельскихъ хозяевъ не было своей поучительной исторіи. Но гдѣ исторія сельскаго хозяйства юга Россіи? Въ „Запискахъ?“ Но гдѣ онѣ? Кто имѣетъ ихъ? Многіе изъ дѣтей, нѣтъ сомнѣнія, и поучились бы у отцевъ; но гдѣ оставленные отцами уроки? Искать ихъ тоже, что искать оставленные отцами уроки? Послушайтесь моего совѣта, составьте сборникъ, эту поучительную исторію сельскаго хозяйства юга Россіи. Хорошо идти впередъ, но не слѣдуетъ забывать и прошлаго. Сія подобаешь творити, и онѣхъ не оставлять“. — Я поблагодарилъ мудреца владыку, и далъ ему слово заняться этимъ трудомъ по окончаніи десяти или болѣе лѣтъ; но улыбаясь, позволилъ себѣ привести другой текстъ, который касается области сельскаго хозяйства, и смыслъ котораго тотъ: „пахарь, взявши въ руки рало, не долженъ оборачиваться назадъ“.

— Конечно вы шутите, отвѣчалъ Иннокентій. Но я спрошу васъ, чье рало въ вашихъ рукахъ? Рало, добытое отцами, и, ведя имъ свою борозду, вы читаете исторію обработки земли, т. е. смотря впередъ, чтобы не надѣлать огрѣховъ, оборачиваетесь и назадъ, „творите сія, но не оставляете и онѣхъ“.

На семнадцатый годъ своего редакторствованія Записокъ Общества сельскаго хозяйства южной Россіи, я осуществилъ

совѣтъ Иннокентія: составилъ, въ строгомъ систематическомъ порядкѣ, сборникъ лучшихъ статей, помѣщенныхъ въ „Запискахъ“ за все время изданія ихъ: съ 1830 по 1868 г. На этотъ сборникъ, вышедшій въ 1868 году, хозяева юга Россіи смотрятъ какъ на дорогую настольную книгу, на собраніе родныхъ имъ опытовъ и наблюденій. Общество сельскаго хозяйства достойно оцѣнило его, чего нельзя не видѣть изъ того одного, что оно имѣло счастье представить мой трудъ въ Божіе почившему Государю Императору Александру Николаевичу, отъ щедротъ котораго я получилъ за свои 17-ти-лѣтніе труды такое вознагражденіе, которое вноситъ долю въ обезпеченіе моей старости. И когда представляю свое прошедшее, даже одинъ совѣтъ составить сборникъ, то невольно возношусь благодарною мыслию къ незабвенному для меня Иннокентію.

Вышла первая книжка „Записокъ И. Общества с. хозяйства южной Россіи 1852 г.“, подъ моею редакціей. Я представилъ ее моему именитому руководителю; на другой день онъ призываетъ меня и говоритъ:

— Я книжку твою прочиталъ и вотъ смотрю...

Смотрю я на свое дѣтище и вижу на многихъ страницахъ рукою Иннокентія карандашемъ на поляхъ написано: „ладно“, „дѣльно“, „очень хорошо“, „вотъ это такъ“ и т. п.

Вижу, братъ, что ты съ замашками; честь и хвала тебѣ, что въ такое короткое время успѣлъ ознакомиться съ новымъ для тебя краемъ. Ты поставилъ вопросъ о бытности лѣсовъ въ степяхъ юга Россіи на совершенно новую точку зрѣнія. Изъ твоего труда я вижу, что ты ознакомился съ своими противниками и не безъ основанія говоришь, что и были здѣсь лѣса, и есть полная возможность развести ихъ. И впредь труби великимъ гласомъ на эту животрепещущую тему.

Почти всю первую книжку „Записокъ“ (до 4 лст.) наполнила моя статья, въ которой я старался, вопреки господствовавшему на югѣ Россіи и даже нѣкоторыхъ ученыхъ мнѣнію, доказать, что степи этого края нѣкогда были покрыты лѣсами, а слѣдовательно нѣдра земли совершенно способны принять въ себя вновь эту растительность. Доказательства мои дѣйствительно отличались новизною; доселѣ ихъ не опровергли; а журналъ М. Г. И. въ свое время сдѣлалъ такой отзывъ, что

до этого взгляда скорѣе можно было соглашаться съ отвергающими бытность лѣсовъ на югѣ Россіи, но теперь становится этотъ вопросъ такъ, что приходится и пными глазами смотрѣть на него. — И кому я обязанъ, что такъ, думаю — правильно, взглянулъ на новый для меня край? — Моему незабвенному Иннокентію. И мнѣ снова приходится напомнить благоклонному моему читателю, что за благожелательная душа была у этого мужа! То, воистину, было, по выраженію М. П. Погодина, „великій гражданинъ русскій, котораго душа отзывалась на всѣ вопіющіе вопросы отечества“.

Но мой первый трудъ на югѣ Россіи не обошелся безъ одного замѣчанія со стороны Иннокентія, за которое конечно я глубоко ему благодаренъ. Этотъ дивный мужъ, по отзыву митрополита Макарія, „не только отличный знатокъ, но и гениальный художникъ отечественнаго слова“, терпѣть не могъ тѣхъ иностранныхъ словъ, безъ которыхъ легко можно было обойтись богатому русскому языку, и, нашедши въ моей статьѣ слово „гуманный“, вотъ что сказалъ (что уже было мною однажды напечатано). „Какъ и ты, Бруть, съ береговъ родимой матушки Волги, за то же? и ты съ своимъ перомъ на родное слово? Гуманный! можетъ ли быть что неблагозвучнѣе этого слова? ¹⁾ чувствуешь ли, какъ оно вязнетъ на русскихъ губахъ? Но ты вступи въ дѣло поглубже. Я не буду говорить о томъ, что стыдно пренебрегать такимъ богатымъ языкомъ, какъ нашъ языкъ, и что на этомъ языкѣ мы можемъ свободно, со всею полнотою, выражать и всѣ истины ума, и всѣ ощущенія сердца. Но вотъ во что нужно покрѣпче вдумываться. Мысль и слово находятъ между собою въ самой тѣсной связи: и мысль рождаетъ слово, и слово рождаетъ мысль. Ты знаешь: и самъ высочайшій Умъ, Богъ бѣ слово. А потому я положительно утверждаю, что иноземныя слова замедляютъ развитіе русскаго ума, удерживаютъ его отъ самобытности, самодѣятельности, даже отъ сознанія своихъ силъ. А это, само собою разумѣется, не можетъ не сопровождаться самыми худыми послѣдствіями. Если къ Россіи привились науки, если нашъ умственный кругозоръ расширился; то знаешь ли, кого русская

¹⁾ При этомъ владыка употребилъ одно слово близкое по созвучію, но не принятое въ печати.

«иннокентій».

земля должна благодарить за это? Да почти исключительно тѣхъ, которые умѣли говорить и писать только по русски, т. е. лишь изъ средняго или даже низшаго слоя русскихъ людей. Отъ кого бы, кажется, ближе всего ожидать самаго широкаго развитія нашихъ мыслительныхъ силъ, какъ не отъ нашего передоваго сословія, гдѣ воспримчивость впечатлѣній и способность ощущеній и мышленія развились ранѣе, чѣмъ у насъ съ вами, лапотниковъ или босоногихъ мальчишекъ. Но я, не обвиняясь, скажу, если не на него палъ этотъ жребій, то потому, что высшій слой русскаго общества, разучившись писать и даже говорить на родномъ языкѣ, разучился и мыслить по русски. Ты скажешь: а творцы нашего слова—Ломоносовъ, Карамзинъ, Пушкинъ, Жуковскій, на которыхъ, по обычаю, у насъ ссылаются, забывая духовныхъ писателей, которые не менѣе, если не болѣе, и во всякомъ случаѣ ранѣе трудились надъ разработкою роднаго слова. Ломоносовъ былъ сынъ народа; Карамзинъ, Пушкинъ, Жуковскій и другіе, хотя и принадлежали къ высшему слою русскаго общества, но могутъ ли они назваться творцами русскаго слова, какъ ихъ обыкновенно величаютъ? То были зодчіе, и безспорно великіе; но откуда они брали матеріалъ для своихъ построекъ, во всякомъ случаѣ прекрасныхъ? Не творили они его и не съ неба доставали; этотъ матеріалъ приготовила для нихъ развивавшаяся и разнообразившаяся жизнь народа, или вѣрнѣе—жизнь грамотной среды его, т. е. жизнь, работа надъ роднымъ словомъ средняго слоя русскаго общества. Вникни, Бругъ—волжанинъ, поглубже въ слова мои, орловца, и не клади грѣха измѣны родному слову на свою грѣшную русскую душу. Надѣюсь, что слово „гуманный“ я болѣе не встрѣчу въ твоихъ писаніяхъ“...

VIII.

Кабинетъ Иннокентія.—Прекраснѣйшая душа о. архимандрита Пароенія, въ послѣдствіи архіепископа иркутскаго.—Небольшой грѣшекъ за Иннокентіемъ и таковой же за другимъ архипастыремъ.—Иннокентій въ полномъ блескѣ своей учености предъ бывшими своими учениками—М. К. Павловскимъ и І. Г. Михневичемъ, бесѣдуя съ Д. Н. Струковымъ.—Твердость воли Иннокентія.—Посѣщеніе имъ Крыма во время крымской войны.—Разговоръ его съ А. Г. Тройницкимъ.

И одинъ на одинъ, и въ бесѣдахъ съ другими, мнѣ случилось нерѣдко слышать дивныя рѣчи именитаго нашего Иннокентія; но едва-ли нижеслѣдующій случай не долженъ считаться для меня единственнымъ,—случай, гдѣ Иннокентій представлялся мнѣ въ полномъ блескѣ своего ума и красотѣ своего слова. При этомъ меня поразила его начитанность. Ближе меня знавшіе Иннокентія, его бывшіе слушатели, говорили мнѣ, что онъ обладалъ необыкновенною памятью, помнилъ все когда-либо прочитанное имъ; но онъ читалъ до послѣднихъ дней своей жизни, не смотря на многосложность занятій по управленію херсоно-таврическаго епархіею, по веденію большой переписки, по участію въ различныхъ ученыхъ обществахъ, читалъ и также, благодаря своей счастливой памяти, все прочитанное помнилъ. Правда, онъ читалъ иногда и такъ, какъ мы, обрядные люди, не умѣемъ читать; но объ этомъ скажется ниже. Для характеристики этого ученаго мужа прибавлю, что въ его рабочемъ, сравнительно довольно просторномъ¹⁾, кабинетѣ стоялъ письменный, очень простой, столъ съ выдвигаемыми ящичками, — столъ едва-ли не до двухъ сажень длины и соответственной ширины. Письменные принадлежности—самыя простыя²⁾. По срединѣ стола кипы бумагъ

¹⁾ Каковой имѣлся по перестройкѣ архіерейскаго дома послѣ пожара. *Авт.*

²⁾ Почтенный Ив. П. Барсуковъ, написавшій біографію приснопамятнаго русскаго апостола, митрополита московскаго Иннокентія, въ иныхъ мѣстахъ своего дорогаго для насъ труда выставялъ такія черты этой высокой личности, что иному онъ покажутся мелочными, недостойными гласности чрезъ печатное слово. О вкусахъ не спорять; лично намъ кажется, что и на мелкія черты

въ довольно безпорядочномъ видѣ, — доказательство, что Иннокентій, отыскивая какую-нибудь бумагу, по своей кипучести, прочія разбрасывалъ. Подобныя кипы бумагъ лежали на стульяхъ, столикахъ, на этажеркѣ и т. д. Но не это, можно

крупнаго лица слѣдуетъ обращать вниманіе. Но объ этомъ не будемъ говорить. И. П. Барсуковъ передаетъ, что приснопамятный митрополитъ Иннокентій, какъ бы негодуя, что такая, повидному, неспорченная вещь, какъ притупившееся стальное перо, должна быть брошена, подчищалъ такія перья и снова пускалъ въ употребленіе. Позволю себѣ и я сказать кое-что о перьяхъ, которыми писалъ нашъ именитый витія Иннокентій. Онъ писалъ только одними гусиными перьями и даже не любилъ стальныхъ. Не потому-ли, что при его пылкомъ характерѣ стальныя перья во время писанія дѣлали ему претенженіе, защипляли за бумагу своимъ остриемъ? Но такъ какъ онъ самъ, по его признанію, чинить перьевъ не умѣлъ, то эту должность исполнялъ его вѣрный слуга и напереникъ о. Діонисій, и дѣло приготовления перьевъ дѣлалось такъ. Въ стаканъ, стоявшій на письменномъ столѣ Иннокентія, вставлялся цѣлая горсть очиненныхъ о. Діонисіемъ перьевъ. Расходуя ихъ такъ много всегда писавшій нашъ святитель, истощается запасъ, вотъ уже нѣтъ болѣе ни одного сноснаго пера, одиѣ мазилки (выраженіе Иннокентія), и возвышается сердитый голосъ, обращенный къ Діонисію: ты чего смотришь? При этомъ подается пучекъ испортившихся перьевъ, съ словами: очини, да соблюдай экономію. Это значитъ: не рѣжь безъ нужды пера. И перо чинилось до того мѣста, пока можно было держать его въ рукѣ, т. е. до $\frac{1}{3}$ костылька. Разсчитъ, невольно вызывающій улыбку, особенно когда припомнить щедрую руку Иннокентія, бросающую и сотни, и тысячи отъ всей искренности сердца обѣдности или на какое нибудь доброе дѣло, даже на роскошный обѣдъ ученой и учащей братіи. Но нѣкотораго рода скупость Иннокентія на гусиные перья можно-ли назвать мелочностью? Нашъ именитый іерархъ вездѣ былъ человекъ дѣла. Но я еще кое-что скажу по части перьевъ, употреблявшихся Иннокентіемъ. Или о. Діонисій не умѣлъ чинить перьевъ, или ужъ такая была рука у нашего именитаго мужа, по какъ-то намъ не случалось видѣть написаннаго имъ не написаннаго „мазилкой“. Думаемъ, послѣднее, т. е. рука, будетъ вѣрнѣе. Говорятъ, что по почерку пера можно гадать о душевномъ складѣ человека. На сколько это замѣчаніе вѣрно — оставимъ такой вопросъ открытымъ. Но при пылкости души Иннокентія, при сильномъ притоцѣ мыслей и ощущеній, конечно онъ не былъ способенъ «выводить» буквы, т. е. давать имъ болѣе или менѣ изящное очертаніе; рука его не успѣвала за этимъ притокомъ, — и не писала, а «мазала». Если къ этому прибавить, что Иннокентій писалъ сравнительно довольно крупно, отчего перо естественно скорѣе могло притупиться, то и будетъ понятно, почему очиненное перо скоро превращалось въ мазилку. И вотъ возвышается грозный голосъ къ Діонисію: «вѣкъ ты, братъ, прожилъ, кончилъ курсъ семинаріи, а чинить перьевъ не выучился; во второй бы классъ тебя учлища, да покормить березовой кашей!» Конечно, весь этотъ гнѣвъ оканчивался неподражаемо-кроткимъ взоромъ и самою спокойною улыбкою, въ которыхъ выражалась вся глубина добрейшаго сердца Иннокентія.

сказать, бумажное царство отличало кабинетъ Иннокентія, а множество книгъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были разложены по краю стола, почти по всей его окружности. Здѣсь вы видите огромные фоліанты на греческомъ или латинскомъ языкѣ изъ твореній какихъ-нибудь отцовъ церкви; рядомъ лежатъ французскія или нѣмецкія книги; подлѣ нихъ русскія, чаще всего изъ историческихъ сочиненій; вотъ новыя книжки періодическихъ изданій и русскихъ, и иностранныхъ, и свѣтскихъ, и духовныхъ и т. д. Раскрытыя книги означали или отмѣченныя справки, или то, что Иннокентій, читая ихъ, остановился и оставилъ книгу, чтобы снова начать чтеніе. Очень часто случалось, что Иннокентій, взявши книгу, ходилъ съ нею по кабинету или по пріемной, довольно просторной залѣ. При многосложности занятій, трудно да и невозможно было слѣдить Иннокентію за выходомъ въ свѣтъ замѣчательныхъ сочиненій, и въ этихъ случаяхъ онъ пользовался указаніями лицъ, имѣвшихъ большую возможность смотрѣть за печатнымъ движеніемъ въ ученое мѣрѣ. На этотъ разъ особенную услугу оказывалъ ему ректоръ семинаріи, о. Парѣній, впоследствии приснопамятный архіепископъ Иркутскій, такъ много потрудившійся въ обращеніи нашихъ язычниковъ ко Христу и оставившій въ томъ краѣ самую добрую память, какая немногимъ достается. Что за младенчески-чистая и простая душа была у этого мужа, который былъ глубокаго ума и самой разносторонней образованности! Когда онъ оставилъ Одессу, то одинъ продавецъ французскихъ книгъ (покойный Вильетти) съ грустію сказалъ, что онъ лишается покупателя, который ежегодно бралъ у него книгъ рублей на 500. По консисторіи это была правая рука Иннокентія, который глубоко уважалъ своего любимата о. ректора, — уважалъ не только за оказываемую ему помощь по управленію епархіей, но и за свѣтлый умъ, за честныя убѣжденія сердца. Изъ наставниковъ семинаріи иные говорили, что ректоръ семинаріи даже больше знакомъ съ современнымъ состояніемъ богословскихъ и философскихъ наукъ на западѣ, чѣмъ самъ Иннокентій. Невольно воскресаетъ въ моей памяти и эта воистину прекраснѣйшая душа! Отъ наставника семинаріи до послѣдняго питомца ея, ректора Парѣнія боялись, хотя онъ, при всей своей строгости относи-

тельно исполненія обязанностей, едва-ли даже посмотрѣлъ на кого сурово, — боялись оскорбить эту, можно сказать, воплощенную кротость, эту нѣжную любовь отца къ дѣтямъ. Всѣ любили о. ректора безгранично и онъ любилъ всѣхъ такую же любовью. Я расскажу то, чему едва-ли повѣрять. Въ первый же годъ моего переселенія въ Одессу, отъ солнечнаго жара и пыли я страшно заболѣлъ глазами; но когда сталъ поправляться, о. ректоръ взялъ меня къ себѣ въ монастырь (находящійся верстахъ въ 12-ти отъ Одессы, на берегу моря) и окружилъ самымъ отеческимъ попеченіемъ. Но это все дѣло обычное, а вотъ что не обычное. Мы почти постоянно гуляли по берегу моря; говорили о разныхъ предметахъ, но чаще всего о предметахъ, относящихся до физической географіи ¹⁾, науки, которая особенно занимала о. ректора (въ свое время онъ былъ преподавателемъ физики); а по временамъ занимались — чѣмъ бы думали вы, благосклонный читатель? Лѣпили изъ глины плотины, запружали ими ручьи, вытекавшіе изъ береговаго обрыва; строили цѣлую систему прудовъ съ протоками воды изъ одного пруда въ другой, превращая ихъ въ водопады или пороги; пускали по этимъ протокамъ лоточки или щепочки, во образъ лодочекъ и т. д. И все это о. ректоръ, уже начавшій украшаться сѣдинами, дѣлалъ съ увлеченіемъ ребенка; бѣгалъ, суетился, чтобы данная плотина выдержала напоръ воды, чтобы вода шла именно намѣченнымъ направленіемъ, чтобы наши лодки удачно миновали какіе-нибудь „ненасытенскіе пороги“ и т. д. Если вы, мой благосклонный читатель, принадлежите къ юношескому возрасту современнаго направленія, то, конечно, обоихъ насъ сопричислите къ людямъ неразвитымъ, даже дурковатымъ. А мы, люди стараго времени, отвѣтимъ: въ тысячу разъ лучше до сѣдыхъ волосъ сохранить въ себѣ дѣтство, чѣмъ въ 16—20 лѣтъ корчить изъ себя „мужа совершенна“, съ презрѣніемъ смотрѣть на невинныя забавы; и во столько же разъ лучше прудить пруды, строить „ненасытенскіе пороги“, чѣмъ просиживать ночи за зеленымъ столомъ, во тьмѣ табачнаго дыма,

¹⁾ Въ моемъ сочиненіи, помѣщен. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» — «Перемѣнится ли климатъ юга Россіи?», были отмѣчены мысли, высказанныя о. Пароеніемъ.
Лет.

за картами, игры которыми, — благодареніе Богу! ни о. ректоръ, ни я не разумѣли. Но это не къ дѣлу.

Я выше сказала, что Иннокентій глубоко уважалъ о. ректора Пароенія; любилъ шутить съ нимъ; дорожилъ его свѣтымъ взглядомъ, его честнымъ сердцемъ; но однажды въ большомъ обществѣ близкихъ имъ обоимъ лицъ, смѣясь, вотъ что сказала: „Вы, о. ректоръ, во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшій мужъ; проповѣди ваши очень умныя, но слѣдовало-бы именнымъ указомъ запретить вамъ поучать народъ съ церковной кафедрѣ“. Конечно о. ректоръ со всею дѣтскою простотою разсмѣялся надъ этимъ отзывомъ знаменитаго витія. Дѣйствительно, по крайней застѣнчивости о. ректора, у котораго не рѣдко отъ одного слова вспыхивалъ румянецъ какой-то стыдливости, — слова, напр., выражавшаго любовь къ его лицу, — онъ при произношеніи проповѣди былъ какъ будто самъ не свой: то вскрикивалъ безъ нужды, то очень торопился. Но въ Иркутскѣ, какъ пишутъ, онъ своими поученіями оставилъ по себѣ самую добрую память. Можетъ быть, съ годами дѣйствительная застѣнчивость утратила свою силу.

Заговоривши о кабинетѣ Иннокентія, заваленномъ книгами и бумагами, считаемъ не неумѣстнымъ отмѣтить одну непохвальную черту въ имени томъ мужѣ, и на этотъ разъ я призываю во свидѣтели праведную тѣнь приснопамятнаго Пароенія, отъ котораго, равно какъ и отъ другихъ, я не разъ слышала объ одной непохвальной чертѣ. Черта эта — „зачитываніе“ чужихъ книгъ вообще и въ частности книгъ о. ректора, словами котораго мы и передадимъ процессъ этого дѣйства.

— Ну, что новаго въ ученomъ мѣрѣ? — спрашиваетъ Иннокентій своего возлюбленнаго о. Пароенія.

— Ничего особеннаго нѣтъ, владыко.

— Ты, братъ, не криви душой; ты знаешь, кто считается отцемъ лжи, — смѣясь, говоритъ Иннокентій. Такой аргументъ сильно дѣйствуетъ на чистую душу о. ректора, который сквозь зубы говорить: получилъ я одну книгу на французскомъ языкѣ, но еще не успѣлъ просмотрѣть.

— Принеси, братъ, пожалуйста. Я при тебѣ же посмотрю на нее и отдамъ. Вѣдь мнѣ, ты знаешь, и читать-то некогда.

Приносить о. ректоръ книгу. Перелистовываетъ ее Иннокентій и говорить: „а вѣдь книга-то добрая; ты оставь мнѣ ее до завтра, или дня на два; я пробѣгу и возвращу“. Это значить, книга никогда не возвратится. Иной разъ благодушнѣйшій о. ректоръ и напоминалъ своему такъ пламенно-любимому владыкѣ о взятой у него и не прочитанной имъ самимъ книгѣ, но обыкновенно получалъ такой отвѣтъ: гдѣ мнѣ отыскать твою какую-то книгу; посмотри какія! кучи лежатъ, да и стоитъ-ли она того? И даетъ себѣ о. ректоръ слово — и въ который разъ? — не говорить болѣе о новополученной книгѣ, и каждый разъ не можетъ устоять противъ своего возлюбленнѣйшаго Иннокентія, который выманивалъ книги у своего о. ректора и другими путями. Такъ иной разъ владыко заweistъ такую іереміаду предъ своимъ добрѣйшимъ о. ректоромъ, что тотъ не только книгу, но и сорочку съ себя готовъ отдать.

— Что это дѣлается со мной, мой другъ? какая-то мурысь нашла на меня; чувствую, что какъ-будто голова моя тупѣетъ; ни одной свѣтлой мысли; ничего путемъ связать не могу; все старое какъ-то прискучило; право, чувствую какую-то тяжесть и въ головѣ, и на сердцѣ. Не освѣжишь-ли ты меня чѣмънибудь? Тебѣ есть время слѣдить за науками, а посмотри на меня, какъ я заваленъ епархіальными бумагами. — Разжалобила эта рѣчь о. ректора; приносить книгу и даже, сострадавъ къ своему возлюбленнѣйшему владыкѣ, — двѣ, которыя и постигаетъ обычная участь зачитыванія. Впрочемъ Иннокентій много выписывалъ книгъ и на свой счетъ или по личному усмотрѣнію, или по указанію о. ректора и другихъ лицъ. И ему мѣрили тою же мѣрою, т. е. также зачитывали его книги. Кажется, у него не было даже составлено каталога его во всякомъ случаѣ обширной бібліотеки, подаренной имъ мѣстной семинаріи; а чтобы записать — кому онъ далъ книгу, или у кого взялъ, — это было не согласно съ „кипячкомъ“ души Иннокентія.

Преосвященный Гурій, архіепископъ Таврической, имѣлъ при своей бібліотекѣ особаго бібліотекаря изъ наставниковъ семинаріи на жалованьи; тамъ былъ заведенъ отличный порядокъ, и тѣни не было того хаоса, который царилъ въ бібліотекѣ Иннокентія.

Но можно-ли приснопамятному архіепископу поставить во грѣхъ зачитываніе имъ чужихъ книгъ, нѣкотораго рода присвоеніе чужой собственности? Положительно можно сказать, что здѣсь не было и тѣни злаго умысла; взятая чужая книга была для такой широкой личности такою мелочью, что она не обращала на нее вниманія; да притомъ въ такомъ хаосѣ бумагъ и книгъ дѣйствительно иной разъ и трудно было отыскать проспую книгу. А съ другой стороны зачитываніе чужихъ книгъ не въ обычаѣ ли у ученой братіи, по-крайней мѣрѣ, русской? и ставить-ли она это зачитываніе во грѣхъ себѣ? Какъ-бы въ нѣкое поясненіе этихъ вопросовъ расскажу слѣдующую исторію.

Нѣкогда, т. е. до перехода моего въ Одессу, приблизили меня къ себѣ епископствовавшій въ Саратовѣ Аѳанасій (бывшій во время оно ректоромъ С.-Пб. Духовной Академіи и скончавшійся въ Астрахани въ санѣ архіепископа). Смѣю думать, что Аѳанасій, вообще державшій себя высокоумно, малодоступно, награждалъ меня своимъ расположеніемъ отъ чистаго сердца и по временамъ былъ со мною даже откровененъ; но другіе это расположеніе объясняли тѣмъ, что я съ болѣею ревностію строилъ въ его саду фонтаны, гроты, пруды и т. п. Впрочемъ скажу, когда я узналъ незабвеннѣйшаго для меня Иннокентія и вспомнилъ Аѳанасія, то могъ на опытѣ убѣдиться въ такъ часто повторяемой истинѣ: чѣмъ выше человекъ по своимъ дарованіямъ и нравственному уровню, тѣмъ онъ человѣчнѣе, смиренномудреннѣе, кротче, проще. Читатель онъ человѣчнѣе, смиренномудреннѣе, кротче, проще. Читатель вспомнить, какъ былъ принятъ мой „Словарь“ Иннокентіемъ; поспалъ я этотъ безъ малаго пятнадцатилѣтній трудъ и Аѳанасію, въ Астрахань, но не удостоился даже отвѣта. Этого одного факта достаточно, чтобы понять и того, и другаго. *Et capillus habet suam umbram*, т. е. и волосъ имѣетъ свою тѣнь.

Впрочемъ я все-таки съ благодарностію вспоминаю то расположеніе, которымъ дарилъ меня преосвященный Аѳанасій, и многое, сообщаемое имъ, было для меня дорого. Если удосужусь, кое-что напишу и о немъ. Теперь же расскажу исторію, къ которой отчасти подходитъ зачитываніе книгъ вообще и ученою братіею въ частности.

Въ одинъ изъ осеннихъ вечеровъ приглашаетъ меня Аѳа-

насій къ себѣ. Прихожу; шьемъ чай, и слышу я отъ него предложеніе заняться съ нимъ разборкою минераловъ. Надо замѣтить, что Аѳанасій имѣлъ довольно богатое собраніе разныхъ предметовъ изъ царства ископаемаго, и особенно богатъ былъ мелкими отшлифованными камнями. Изъ этихъ-то камней ему хотѣлось сдѣлать покрывку на одинъ, довольно большіхъ размѣровъ, круглый столъ (т. е. сплошную облѣпить поверхность стола), — покрывку такого рода, чтобы съ изяществомъ рисунка былъ соединенъ и научный элементъ, или извѣстнаго рода система въ расположеніи камней. Для этой работы я былъ подготовленъ, имѣя и собственное собраніе минераловъ и разнаго рода ископаемыхъ. Оба мы согласились, что задуманное дѣло — дѣло хорошее. Вотъ и поле нашей дѣятельности — круглый столъ, на который Аѳанасій и высыпалъ мѣшечка четыре (въ четверть высоты каждый) отшлифованныхъ камней, отъ которыхъ даже зарябило у меня въ глазахъ. Сидимъ, разбираемъ; но вдругъ докладываютъ о пріѣздѣ какой-то важной особы. Оставляетъ меня Аѳанасій; но не прошло и двухъ-трехъ минутъ, какъ онъ пробѣгаетъ мимо меня яко-бы за какою-то книгою, и скороговоркой замѣчаетъ: „смотрите, они у меня счетные“. Зѣло опечалился я этимъ замѣчаніемъ, и когда Аѳанасій, проводивши своего гостя, возвратился ко мнѣ, я не могъ утерпѣть, чтобы не сказать: „почему вы, владыко, сдѣлали мнѣ такое замѣчаніе? Не ужели вы думаете, что я унижусь до такой низости?“ Сказавши это, я началъ выворачивать свои карманы, но Аѳанасій не допустилъ до выворота, однако, послѣдняго кармана и произнесъ слѣдующія пріенопамятныя для меня слова: „вѣрю, вѣрю, что вы невинны передъ Богомъ, предо мной, предъ своею совѣстію, но не передъ наукою. Я — архіерей; но спросите меня: сколько здѣсь камней не благопріобрѣтенныхъ мною? Да такія дѣла и въ грѣхъ не ставятся, какъ и зачитываніе книгъ. И вы еще любитель минераловъ! вы просто какъ есть дитя природы“. — Впослѣдствіи Аѳанасій не рѣдко величалъ меня этимъ именемъ. Впрочемъ, подозрительность Аѳанасія едва ли не была очень присуща ему. Онъ, можетъ быть, искусившись какими-нибудь горькими опытами, какъ-то мало вѣрилъ въ искренность и чистоту намѣреній соприкасавшихся къ нему лицъ; а потому многія изъ дѣйствій его по

епархіи больше отзывались властностію надъ подчиненными, чѣмъ отеческою любовію къ нимъ.

Но время же, наконецъ, сказать, когда и гдѣ Иннокентій представился мнѣ въ полномъ блескѣ своего ума и красотѣ своего слова, что выше было обѣщано мною. Благосклонный читатель, конечно, не могъ не замѣтить, что я какъ-будто уклоняюсь отъ обѣщаннаго, кидаюсь то туда, то сюда. Есть тотъ грѣхъ, но что дѣлать, когда намѣченное дѣло такъ трудно для меня. По неволѣ будешь отлынивать, какъ школьникъ, не приготовившій своего урока. Однако, если не суть дѣла, то обстановку его я передамъ.

Въ 1851 году открылась на югѣ Россіи „Инспекція сельскаго хозяйства“ и инспекторомъ этого учрежденія явился служившій при Министерствѣ Г. Им. Д. Н. Струковъ. Личность эта, какъ говорится, была довольно выдающаяся изъ уровня образованныхъ людей. Покойный Д. Н. кончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ съ степенью кандидата по юридическимъ наукамъ. По землевладѣнію былъ помѣщикомъ Саратовской губерніи и принадлежалъ къ разряду родовитыхъ русскихъ дворянъ. Я узналъ его, когда онъ доходилъ къ концу пятидесятихъ годовъ своей жизни, но не смотря на это, способности его были въ полной силѣ. Онъ много читалъ, не разъ бывалъ за границей; умѣлъ быстро схватывать прочитанное или слышанное, усвоить и разработать въ собственной своей головѣ. Могъ говорить или по крайней мѣрѣ говорилъ и о Кантѣ, и о Гегелѣ, и о Шиллингѣ и т. д. Но едва-ли не отличительнѣйшею чертою этой личности былъ языкъ его, про который, по всей справедливости, можно сказать: яко бритва изощренъ. И не щадилъ покойный этимъ языкомъ ни кого: это былъ языкъ всепорипающій и многое отвергающій. Едва-ли не единственное лицо было, котораго не касалась эта бритва — лицо графа А. Г. Строганова, предъ свѣтлымъ умомъ и дивною добротою сердца котораго Д. Н. благоговѣлъ, и графъ, въ свою очередь, цѣнилъ его способности и благородную, неподкупную честность. Но если кого чернилъ этотъ изощренный, яко бритва, языкъ, то наше православное духовенство, въ которомъ онъ и тѣни образованія не видѣлъ.

Мы были земляки и дружили. Д. Н. нанялъ особый домъ,

въ которомъ нашлась и для меня комнатка, какъ разъ противъ его кабинета. Сельское хозяйство связывало насъ; мы часто бесѣдовали и нерѣдко рѣчь переходила на нашу церковь, на духовенство, которыя Струковъ обыкновенно дѣлалъ предметомъ своихъ насмѣшекъ. Не разъ я говорилъ ему, что нельзя наше духовенство поголовно считать невѣжественнымъ; есть между ними и высокообразованные люди; что порицающій грѣшить по невѣдѣнію.

Однажды, послѣ подобнаго высказа, Д. Н. съ нѣкоторою горячностію сказала: а ну, вотъ вашъ знаменитый Иннокентій: знаетъ своего Петра Могилу, а дальше и не спрашивай; это не то, что духовныя лица лютеранскаго или католическаго вѣроисповѣданій; тѣ дѣйствительно люди многосторонне образованные и идутъ въ уровень съ вѣкомъ.

— Вы жестоко ошибаетесь на счетъ Иннокентія. Вы просто не знаете его, — возразилъ я.

— А хотите, я докажу вамъ, что я правъ. Когда я представлялся ему, онъ звалъ меня на свой хуторъ. Поѣдемъ, и вы увидите, что это православный, пожалуй, византійскій поппъ, но не больше.

Дѣйствительно мы какъ-то собрались послѣ обѣда и поѣхали. Замѣчу, что жена Д. Н., прощаясь съ нами, напомнила мужу, чтобы онъ непременно къ 8 часамъ воротился, такъ какъ взяты билеты на концертъ какой-то знаменитости.

Пріѣзжаемъ. Входимъ въ гостинную, и слышимъ привѣтъ Иннокентія. — А вотъ пожаловалъ къ намъ и инспекторъ сельскаго хозяйства, да и съ моимъ ученымъ агрономомъ. Услышимъ, что возглаголотъ о нашихъ трудахъ.

У Иннокентія мы застали бывшихъ учениковъ его, которые, и состарѣваясь, благоговѣли предъ своимъ учителемъ: о. протоіерея М. К. Павловскаго¹⁾ и І. Г. Михневича²⁾. Замѣчу здѣсь, что оба эти почтенные мужи знали чрезъ меня взглядъ Д. Н. на наше духовенство и въ частности на достойнѣйшаго представителя его — Иннокентія.

Послѣ обычныхъ привѣтствій и нѣсколькихъ словъ о томъ,

¹⁾ Бывшаго профессоромъ въ лицей, а потомъ въ Университетѣ.

²⁾ Былъ профессоромъ въ Киев. дух. академіи и Рижск. лицей; послѣдняя его должность — помощникъ попечителя Варшавск. учебн. округа.

о другомъ, Д. Н. направилъ рѣчь свою на животный магнетизмъ, — потому-ли, что тогда все помѣшалось на столоверченіи, или чтобы вывести Иннокентія на такую дорогу, которая, по мнѣнію Струкова, была неизвѣстна ему.

И пущень былъ въ дѣло острый языкъ; не безъ блескоу ума, не безъ искръ краснорѣчія изливалась бойкая рѣчь оратора. Видно было по всему, что онъ хотѣлъ во всемъ блескѣ показать свои знанія, свой умъ. Признаюсь, я не много трусилъ за своего Иннокентія; я боялся торжества надъ нимъ Струкова, и мнѣнами показывалъ свою скорбь не далеко сидѣвшему отъ меня І. Г. Михневичу, который въ свою очередь отвѣчалъ мнѣ также мнѣнами: подождите-де, что будетъ дальше.

Д. Н. безъ передышки говорилъ минутъ 20 или и того болѣе; наконецъ, остановился.

— Вы кончили? — спрашиваетъ Иннокентій.

— Нѣтъ, я еще не сказала о вѣрѣ или, правильнѣе, о суевѣрїи: будто есть сообщеніе между живыми и умершими.

— Продолжайте, — мы будемъ слушать. — И опять полилась бойкая рѣчь; и снова остановился ораторъ.

— Вы кончили? спрашиваетъ Иннокентій.

— Кончилъ, владыко.

— Вы много говорили, а мы долго васъ слушали. Теперь послушайте и насъ. Животный, а можетъ быть правильнѣе — духовный магнетизмъ, духовная сторона человѣка, загробное состояніе души человѣческой, ея отношеніе къ нашему міру — предметы высокой важности. Умъ человѣческій съ древнѣйшихъ временъ и до сего дня пытается проникнуть въ эту тайну и нельзя сказать, что вотще трудился и трудится. Мы теперь многое понимаемъ не только вѣрою, но и разумомъ. Вамъ, конечно, знакомы труды или мысли по этому предмету такихъ глубокихъ мыслителей, какъ... — Иннокентій указалъ на пять или на семь германскихъ ученыхъ, на что Струковъ отвѣтилъ, что онъ по-нѣмецки не читаетъ.

— Да, вы читаете по-французски; но вѣдь и ученые французы писали объ этихъ предметахъ. При этомъ опять было указано на нѣсколько ученыхъ изъ французовъ. Вы читали ихъ сочиненія?

— Откровенно сознаюсь, что не читалъ, — отвѣтилъ Струковъ.

— Поздравляю вас; вы съ корнями-то и не познакомились! Чтобы судить о такихъ важныхъ предметахъ, непременно нужно знать мысли тѣхъ мыслителей, которые годы посвящали на изученіе ихъ. Схватывать одиѣ верхушки, знакомиться съ такими глубоко-содержательными предметами по газетнымъ фельетонамъ, и потомъ пускаться въ сужденія о нихъ, — это тоже, что говорить о такомъ предметѣ, котораго мы непонимаемъ. Конечно, вы простите мнѣ это замѣчаніе, и выслушаете насъ.

Вотъ тутъ-то я увидѣлъ, что такое Иннокентій. Я былъ пораженъ блескомъ этого ума, несокрушимую логикою, множествомъ неопровержимыхъ фактовъ, которые Иннокентій какъ будто сыпалъ изъ богатой сокровищницы своей удивительной памяти. Я былъ въ восторгѣ отъ своего возлюбленнаго, неподражаемаго владыки; по временамъ посматривалъ на достойнѣйшихъ бывшихъ учениковъ его: нельзя было не замѣтить, что и ими овладѣло чувство восторга и воскресалъ въ ихъ воображеніи образъ обаятельнаго для нихъ профессора. Струковъ, видимо, былъ пораженъ ученостію и блестящимъ словомъ Иннокентія; онъ весь превратился въ слухъ и только отрывисто по временамъ отвѣчалъ на вопросы застѣливаго его мѣсто дивнаго оратора-учителя: „я совершенно согласенъ съ вами“; „этого нельзя не признать“; „это не подлежитъ и малѣйшему сомнѣнію“ и т. д. Рѣчь Иннокентія была такъ логично послѣдовательна, такими подкрѣплялась доказательствами и а priori, и а posteriori, что не могла не привести Д. Н. къ умозаключеніямъ совершенно противнымъ прежнимъ его взглядамъ. Можно сказать, что Иннокентій съ такимъ умѣньемъ разбросилъ свою логическую сѣть, что добыча, противъ желанія, попала въ нее и выпутаться не было никакой возможности. Мы сидѣли рядомъ съ Д. Н. и я могъ наблюдать надъ нимъ: онъ то блѣднѣлъ, то вспыхивалъ, то приходилъ въ изумленіе, то чувствовалъ себя какъ будто осмѣяннымъ. Замѣчу, онъ былъ очень самолюбивъ.

Но вотъ пробило и 8 часовъ. Такъ какъ и меня просила жена Д. Н. напомнить ему о концертѣ, то я шепнулъ моему сосѣду: „вѣдь уже пробило 8 часовъ“. Вскрикиваетъ мой Струковъ и, обращаясь къ Иннокентію, говоритъ: „извините меня, ваше

в-во, я долженъ ѣхать; меня ждетъ жена; мы взяли билеты на концертъ“.

— Съ Богомъ! тамъ легче будетъ слушать вамъ. Соберитесь какъ нибудь и къ намъ; побесѣдуемъ еще; вѣдь мы только разговорились.

Едва мы успѣли выйти изъ гостиной и затворить за собою дверь, я спрашиваю: „а что теперь вы скажите, Д. Н.“ Струковъ схватилъ себя обѣими руками за голову и отвѣтилъ: „это или ангель или... но не русскій монахъ“.

Читатель, можетъ не повѣрить такому отзыву; но это невѣріе пусть останется на его совѣсти. Я передалъ, какъ было дѣло.

Послѣ этой исторіи Д. Н. проникся глубокимъ уваженіемъ къ бывшему своему собесѣднику, и во время не совсѣмъ удачной для насъ крымской войны, повторялъ вмѣстѣ съ другими: да послать-бы Иннокентія, и онъ навѣрное выбросилъ-бы изъ Крыма союзниковъ. Тамъ царить одна бездарность, шагистика, глаза направо, глаза налево, стой, равняйся, или, — но папиль-то и не чѣмъ, и не изъ чего, да и не умѣютъ“. Замѣчу, то была теплая русская душа, искренно желавшая всего добраго родной землѣ. И замѣчательно: Д. Н. всѣ свои года провелъ какъ чиновникъ; но былъ самый лютый врагъ бюрократизма, бумажнаго царства. Изъ сего одного можно безошибочно заключить, что эту личность по всѣмъ правиламъ слѣдуетъ отнести къ разряду личностей, одаренныхъ свѣтлымъ разумомъ и благожелательныхъ.

Но въ чемъ же состояла блестящая рѣчь Иннокентія? Воспроизводя другія его рѣчи, неужели я не воспроизведу самой блестящей? Не воспроизведу, благосклонный мой читатель, — не воспроизведу именно потому, что она блестяща. Это во первыхъ; а во-вторыхъ потому, что къ содержанію ея я не былъ подготовленъ. Еще въ прошедшемъ 1884 году я рѣшился написать мои воспоминанія о незабвенномъ Иннокентіи, (а собрался только 2 ноября текущаго 1885 года — русскій я челоуѣкъ, мой добрый читатель!), и, желая занести въ нихъ бесѣду Иннокентія съ Струковымъ, написалъ къ глубоко-уважаемому І. Г. Михневичу просьбу: не можетъ-ли онъ, хотя въ краткихъ словахъ, возстановить то, что было говорено Инноке-

тѣмъ въ бесѣдѣ его съ Струковымъ. И вотъ, что отвѣтилъ мнѣ Иосифъ Григорьевичъ. Прочтавши это письмо, конечно простятъ мнѣ, что я не рѣшился воспроизвести бесѣды Иннокентія. Если ближайшій ученикъ его, и притомъ одинъ изъ даровитѣйшихъ, оставившій по себѣ самую добрую память своими лекціями по философіи въ Кіевской Духовной Академіи и въ бывшемъ Ришельевскомъ лицейѣ, отказывается отъ этого дѣла, — то мнѣ-ли, пахарю, братья за него? Вотъ что писалъ мнѣ І. Г. отъ 14 ноября 1884 года:

„Вы спрашиваете меня, сердечно любимый и дорогой Иванъ Устиновичъ, о взглядѣ приснопамятнаго іерарха Иннокентія на животный магнетизмъ. Вопросъ этотъ труденъ и неудоборѣшимъ. Не смогу дать вамъ на него удовлетворительный отвѣтъ. Геніальный духъ этого глубокомысленнаго философа-богослова былъ такъ глубокъ и широкъ въ своихъ взглядахъ, что мы, его слушатели и ученики, невольно поражались, восторгались и уносились въ область его воззрѣній, но выносили оттуда только отблески свѣтлаго ума его, глубоко запавшіе въ сердце и неизгладимо хранящіеся въ немъ, но старческаго памятію нашею слабо теперь припоминаемые. Живо помню только, что преосвященный Иннокентій въ своихъ богословскихъ лекціяхъ и любимыхъ имъ бесѣдахъ о мірѣ духовномъ придавалъ особенное значеніе явленіямъ животнаго магнетизма или такъ называемаго месмеризма. Особенно любилъ онъ ссылаться на проявленія ясновидѣнія въ изложеніи богословскаго ученія о загробномъ состояніи души, о связи духовныхъ міровъ и о союзѣ церкви воинствующей на землѣ съ церковію торжествующею на небѣ. Тутъ онъ изъ видѣній души, освобожденной отъ вліянія на нее тѣла силою магнетизма, объяснялъ ея состояніе и образъ дѣйствій по совершенномъ отрѣшеніи ея отъ тѣла силою смерти. Въ магнетическомъ состояніи души тѣсныя предѣлы пространства и времени для нея расширяются и она легко переносится мыслию къ отсутствующимъ лицамъ, къ никогда прежде невиданнымъ предметамъ и прозрѣваетъ въ давно минувшее прошедшее и въ далекую будущность. Видимое уясненіе, утверждалъ онъ, состоянія души за гробомъ. Тамъ взглядъ ея расширится, свобода дѣйствій раздвинется и многое, тайное теперь и незри-

мое, откроется и уяснится. Въ эту загробную жизнь любилъ достопамятный владыко переноситься мыслью, воображеніемъ и чувствомъ. Это была тема, надъ которою онъ глубоко задумывался и, чтобъ рѣшать ее на мѣстѣ, ближе всего напоминающемъ загробный міръ, онъ любилъ посѣщать кладбища и служилъ въ кладбищенскихъ церквахъ непремѣнно въ недѣлю всѣхъ святыхъ. Сказанныя въ Кіевской кладбищенской церкви на Щекавицѣ слова его дышутъ особенною теплотою и одушевленіемъ. Особенно замѣчательно то изъ нихъ, въ которомъ онъ сравнилъ умершихъ и живыхъ съ переправившимися и имѣющими переправиться съ одного берега рѣки на другой и взаимно желающими одни другимъ благополучной переправы. „Слѣдовательно, заключилъ онъ, мы молились объ умершихъ, а они молились и молятся о насъ“. Вотъ и все, что я могъ припомнить для васъ о моемъ незабвенномъ наставникѣ, руководителѣ и благодѣтелѣ. Извините, что писаніе мое коротко и неудовлетворительно. Спѣшу послать вамъ какой ни есть отвѣтъ, чтобъ только не думали вы, что я забылъ васъ. Съ желаніемъ вамъ всякаго добра, съ прибавленіемъ еще желанія успѣвать и затмѣвать даромъ витійства прославленныхъ витій, остаюсь неизмѣнно преданнымъ вамъ и горячо цѣлую васъ. І. Михневичъ“¹⁾.

Но отказавшись отъ воспроизведенія рѣчи въ полнотѣ ея содержанія, въ блестящемъ изложеніи ея, я осмѣливаюсь указать на главныя „положенія“ ея или тезисы: 1) Въ составѣ челоуѣка мы должны признать духовную сторону, духъ, душу. Матерія или вещество не можетъ родить силы во образѣ свободно мыслящаго разума и притомъ объ отвлеченныхъ, не имѣющихъ ничего общаго съ матеріею предметахъ. 2) Матеріи присущи извѣстныя силы — электричество, магнетизмъ, притяженіе и т. п.; но между этими силами и силами духа неизмѣримая пропасть: силы перваго рода, какъ происходящія отъ матеріи, дѣйствуютъ на наши внѣшнія чувства и

¹⁾ Съ великою скорбію сердца отмѣчаю здѣсь: настоящая рукопись моя была уже сдана переписчику, какъ я 8 января получилъ отъ глубокоуважаемаго графа М. Д. Толстаго письмо, въ которомъ пишетъ: «Честнѣйшій челоуѣкъ І. Г. Михневичъ скончался, и скончался какъ истинный христіанинъ». Какъ ждалъ онъ моихъ воспоминаній!

подчинены одному разь опредѣленному закону въ своихъ проявленіяхъ; силы духа неуловимы для нашихъ чувствъ, владѣютъ неограниченною свободою, могутъ видоизмѣняться до безконечности; но что самое главное: силы духа владѣютъ самобытнѣмъ, совершенно свободнымъ творчествомъ *in se et per se*, что между прочимъ проводитъ самую рѣзкую грань между человѣкомъ и безсловесными животными. 3) При извѣстныхъ состояніяхъ тѣла, душа можетъ дѣйствовать, въ полной совокупности своихъ силъ, т. е. мыслительной способности, свободной воли, памяти, воображенія, внутреннихъ чувствъ. Это подтверждается множествомъ неоспоримыхъ фактовъ, признаваемыхъ науками: физиологіей, патологіей, антропологіей, психологіей, и, наконецъ, свидѣтельствами самыхъ добросовѣстныхъ лицъ. 4) А отсюда неизбежно заключать, что душа сохранить свою самобытность, при тѣхъ же силахъ, и отрѣшившись отъ тѣла, т. е. она будетъ жить и тогда, когда тѣло обратится въ землю. 5) Нѣтъ и малѣйшаго основанія не допустить, чтобы душа, свободно живущая внѣ тѣла, не могла имѣть общенія съ душою еще неразлученною отъ тѣла, при извѣстномъ состояніи этого послѣдняго. Неоспоримыя свидѣтельства подтверждаютъ, что общеніе душъ загробнаго міра съ душами здѣшняго существуетъ. 6) Эту истину засвидѣтельствовало откровеніе; но надобно имѣть большой запасъ смѣлости, или вѣрнѣе — безумія, чтобы отвергать существованіе Творца и Его промыслъ о человѣкѣ; а этотъ промыслъ естественно долженъ былъ выражаться въ откровеніяхъ воли Творца.

Вотъ, сколько мнѣ помнится, главныя „положенія“ бесѣды Иннокентія. Можетъ быть я не много и погрѣшилъ, излагая ихъ, но да памятуетъ благосклонный читатель, что я не богословъ, а простой пахарь, всѣ свои силы отдавшій общей нашей кормлицѣ — землѣ.

Нерѣдко мы, т. е. М. К. Павловскій, І. Г. Михневичъ и я, вспоминали приснопамятную бесѣду Иннокентія съ Д. Н. Струковымъ; и однажды я спросилъ Іосифа Григорьевича: да неужели такую массу книгъ могъ прочитать Иннокентій? — Онъ, отвѣтилъ мнѣ І. Г., умѣетъ особеннымъ образомъ читать книги. Для него иной разъ достаточно прочитать со вниманіемъ предисловіе и оглавленіе, а потомъ, какъ говорится, пробѣжать

нѣсколько страницъ, — и содержаніе книги ему знакомо. Вотъ что это за свѣтлый и быстрый умъ! Правда, иной разъ и прорѣзывался нашъ обаятельный профессоръ. Приходишь къ нему и спрашиваешь: нельзя-ли какимъ-нибудь авторитетомъ уяснить занимающую меня мысль? — Да вотъ такой-то объ этомъ писалъ, и чтобы вамъ не перечитывать всего, посмотрите на такой-то страницѣ. Берешь указанную книгу; находишь указанную страницу, но не находишь того, что нужно; иной разъ и найдешь, да въ другой главѣ указанной книги, или и во все не найдешь, хотя это и рѣдко случалось“. Очевидно, что здѣсь Иннокентій дѣйствовалъ по „наведенію“, *per associatiorem idearum*.

Чѣмъ болѣе припоминаешь слышанное отъ другихъ о приснопамятномъ Иннокентіи и лично слышанное отъ него самого, тѣмъ болѣе и болѣе убѣждаешься, что этотъ мужъ былъ сугубо надѣленъ дарами духа. Нашъ именитый историкъ, митрополитъ Макарій, такъ изображаетъ эти дарованія: „Это былъ человѣкъ, въ собственномъ смыслѣ, гениальный: высокій, свѣтлый, пронзательный умъ, всегда богатое, неисощимое воображеніе, живая и обширнѣйшая память, легкая и быстрая сообразительность, тонкій и правильный вкусъ, даръ творчества, изобрѣтательности и оригинальности, совершеннѣйшій даръ слова, — все это, въ чудной гармоніи, совмѣщено было въ покойномъ іерархѣ. При такихъ необыкновенныхъ талантахъ, онъ имѣлъ и необыкновенное образованіе: не одиѣ духовныя науки, которыя извѣстны были ему въ совершенствѣ, онъ зналъ болѣе или менѣе весьма многія свѣтскія науки, такъ что могъ разсуждать объ нихъ съ специалистами, и нерѣдко своими мѣткими, оригинальными вопросами или отвѣтами поражалъ знатоковъ дѣла. Это былъ образцовый профессоръ: своими вдохновенными импровизаціями онъ пробуждалъ, увлекалъ, восторгалъ умы слушателей“.

Но для „мужа совершенна“ мало этихъ даровъ; нуженъ еще одинъ даръ, которымъ какъ-бы вѣнчаются всѣ другіе дары; ибо здѣсь выражается свободная воля, которая одна только и можетъ дать требуемый строй и направленіе прочимъ способностямъ души, чтобы онѣ служили во благо ей самой и ближнимъ. Этотъ верховный или вѣнчающій даръ

есть мужество, твердость воли или характера, по писанію: духъ крѣпости и силы. Присущь-ли былъ этотъ духъ Иннокентію? Если-бы мы на этотъ разъ сослались на все его служеніе наукѣ, церкви, обществу, государству, — служеніе постоянно остававшееся вѣрнымъ своей цѣли, — служеніе, вызывавшее на борьбу съ различными и нерѣдко сильными препятствіями, — то этого одного было-бы достаточно убѣдить насъ, что Иннокентій владелъ духомъ мужества, духомъ крѣпости и силы. Въ насъ, русскихъ, есть очень непохвальная черта: мы скоро облѣниваемся, какъ-бы раскисаемъ; въ насъ не достаетъ настойчивости, тягучести, упорства въ преслѣдованіи намѣченной цѣли. Имѣемъ полное право сказать, что Иннокентій до послѣднихъ дней жизни остался вѣренъ своему призванію; духъ его постоянно рвался впередъ и впередъ. Но есть частные факты, по которымъ мы имѣемъ полное право заключать, что духъ Иннокентія насколько былъ свѣтлый, настолько-же и мужественный. На этотъ разъ достаточно припомнить служеніе этого архипастыря въ страстную субботу, во время бомбандированія Одессы. Впрочемъ, въ этомъ служеніи нѣкоторые не находили и не находятъ чего-нибудь особеннаго и еще менѣе какого-то мужества; это дѣло, по ихъ понятію, было дѣломъ необходимости. Допустимъ, что и такъ; но для Иннокентія не было никакой необходимости все время (т. е. наканунѣ субботы, когда уже было извѣстно о бомбандированіи, всю субботу, ночь подъ воскресенье и прочіе дни) оставаться въ своемъ домѣ, занимающемъ первую линію нагорныхъ приморскихъ домовъ въ Одессѣ. Онъ могъ-бы выѣхать въ предместье города, на свою дачу, и его, конечно, никто не имѣлъ бы права осудить за это. Развѣ осуждаютъ главнокомандующаго, избирающаго себѣ мѣсто внѣ непріятельскихъ выстрѣловъ? тѣмъ болѣе это позволительно было сдѣлать Иннокентію, на котораго не было возложено какой-нибудь воинской обязанности. По моему мнѣнію, здѣсь болѣе выразилось необычайное присутствіе духа въ нашемъ архипастырѣ, чѣмъ въ самомъ служеніи его въ соборѣ, хотя оно въ свою очередь также не вызывалось какою-нибудь необходимостію и имѣло одну цѣль: поддержать отъ страха мятущіяся души. О служеніи Иннокентія въ памятную страстную субботу не мало го-

ворили, и такъ какъ *fama crescit eundo*, то въ это событіе уже успѣли вкрасться нѣкоторыя погрѣшности, которыя, пожалуй, сдѣлаются и достояніемъ исторіи. Нашъ покойный маститый историкъ М. П. Погодинъ такъ говоритъ объ этомъ событіи: „Иннокентій, въ Одессѣ, осыпавый бомбами и ядрами, совершаетъ безтрепетно богослуженіе страстной субботы, около соборнаго храма, подъ выстрѣлами непріятельскаго флота и удержалъ съ собою цѣлый народъ на священной стражѣ“.

Мы положительно можемъ сказать, что соборъ не былъ осыпавъ бомбами и ядрами, и богослуженіе (утренней и литургии) совершалось въ самомъ соборѣ, но не около него. Но суть дѣла не въ количествѣ ядеръ и бомбъ, а въ Иннокентіи, въ его состояніи духа, и на это мы имѣемъ свидѣтельство очевидца. На мое письмо по этому поводу почтенный А. Н. Стрѣхнинъ (директоръ Θεодосійскаго карантиннаго) такъ отвѣтилъ мнѣ, отъ 16 ноября 1885 года.

„Трудно сохранять въ памяти все то, что совершалось лѣтъ за 30 назадъ; но такія событія, какъ война, а въ особенности бомбандированіе города, въ которомъ имѣемъ пребываніе, не забываются во всю жизнь. Какъ сегодня, вижу то раннее утро великой субботы, когда надъ Одессой раздались первые раскаты вражескихъ бомбъ. Не скрываю, что это произвело на меня тяжелое впечатлѣніе; я былъ въ какомъ-то раздумьи; не зналъ что дѣлать; но, выйдя изъ дому, увлекся общей народной суматохой и незамѣтно очутился у соборной площади, гдѣ собрано было значительное количество войскъ, да и самый соборъ былъ уже открытъ, куда стекались молящіяся. Я присоединился къ этимъ послѣднимъ, и когда вошелъ въ церковь, то глазамъ моимъ представилась слѣдующая картина. Преосвященный Иннокентій, смиренный и покойный, стоитъ на амвонѣ среди церкви въ полномъ облаченіи, готовый приступить къ священнодѣйствию. Коль скоро онъ протрѣфовалъ въ алтарь, въ ту минуту раздается трескъ отъ лопнувшей вблизи непріятельской бомбы; осколокъ попадаетъ въ куполь собора; все потрясается; стекла сыпятся изъ верхнихъ оконъ, и масса людская какъ-то заколебалась. Преосвященный выходитъ изъ царскихъ вратъ со свѣтильниками и благословляетъ всѣхъ. Лицо этого великаго витія представляло въ тотъ

моментъ поистинѣ апостольскій видъ: никакого смущенія или возбужденія; одна лишь скорбь просвѣчивалась на немъ. Въ утѣшеніе присутствующихъ онъ сказалъ слово по поводу тогдашнихъ обстоятельствъ; а затѣмъ служеніе продолжалось такъ, какъ-бы ничего особеннаго и не произошло. Вотъ все, что я умѣю сказать, добрыйшій И. У. Если это пригодится вамъ, то я буду очень радъ“.

Это свидѣтельство одного изъ очевидцевъ, которыхъ немного и было въ соборѣ и, вѣроятно, многіе изъ нихъ уже на томъ свѣтѣ, — свидѣтельство чловѣка высокой честности (что подтверждать всѣ знающіе почтеннаго А. И.). Соборъ не осыпался бомбами и ядрами; но за одною лопнувшею близъ него бомбою могли послѣдовать и другія. Стало быть, страхъ за жизнь не уменьшался, и не будь во храмѣ Иннокентія, конечно молвившіеся оставили-бы его. Но испугался-ли самъ Иннокентій? Возможно-ли ожидать другого? Служившіе съ нимъ сказывали мнѣ, что не знаемъ, каковы были мы, когда раздался надъ нами трескъ лопнувшей бомбы, но владыка мгновенно поблѣднѣлъ, какъ полотно; но въ то же время онъ до того владѣлъ собою, что взялъ свѣщники, вышелъ съ ними, благословилъ небольшую группу предстоявшихъ и произнесъ свое успокоительное слово самымъ спокойнымъ образомъ: не было замѣтно никакой заминки, ни дрожанія голоса. Но мы всѣ были не похожи на него, и едва-ли не всѣ желали прекращенія службы. Сколько мы знаемъ, это былъ первый случай съ Иннокентіемъ. Военные люди приготовляются съ большимъ или меньшимъ хладнокровіемъ слышать свистъ пуль, трескъ разрывающихся близъ нихъ снарядовъ; но сохранить такое присутствіе духа незнакомому съ этими страхами, сохранить до того, чтобы съ полнымъ спокойствіемъ говорить поученіе, — говорить подъ куполомъ храма, который могъ и обрушиться, — это едва-ли не будетъ равносильно самому высокому героизму, и мы не имѣемъ права не поставить безсмертнаго нашего витію въ ряду безсмертныхъ и по силѣ и по крѣпости духа. Мы прославляемъ мужество тѣхъ исповѣдниковъ, которыхъ ни угрозы, ни мученія, ни самая смерть не могли удержать отъ исповѣданія вѣры во Христа. Но тотъ, который по доброй волѣ, безъ угрозъ, но съ явной опас-

ностію за жизнь, проповѣдуетъ Христа Распята въ страстную субботу, — развѣ не тотъ же мужественный исповѣдникъ его?

Въ наше какое-то злое, всепорицающее время, повидимому не вѣрящее въ самыя благородныя намѣренія, въ самыя чистыя побужденія чловѣческаго сердца, пожалуй найдутся и такіе, которые будутъ утверждать, что служеніе Иннокентіемъ въ памятную субботу, въ Севастополѣ, среди громовъ войны, произнесеніе имъ ободряющихъ поученій и т. д. могли выходить и изъ другаго источника: изъ честолюбія, изъ желанія выставить себя, какъ героя. Нашлись мыслители, которые прокричали на весь міръ, что Иисусъ Христосъ есть мнѣ. Но истина, которая такъ крѣпко стоитъ за свои права, возразила: а гдѣ доказательства на это, такъ противорѣчащее исторіи ученіе? Тоже мы можемъ сказать и относительно вышеизложеннаго лжетолкованія высокой личности Иннокентія. Но мы можемъ доказать противное другими фактами.

Мы уже приводили свидѣтельство почтеннаго о. протоіерея Г. Руднева, что „въ тяжкое для Россіи, и въ особенности для Крыма, время (т. е. въ крымскую войну), не смотря на самыя страшныя затрудненія въ сообщеніяхъ, высокопреосвященный Иннокентій неоднократно посѣщалъ Таврическій полуостровъ для преподаванія духовнаго утѣшенія и ободренія страждущей своей паствы“. Но это далеко не все, что дѣлалъ Иннокентій, посѣщая въ это время Крымъ. Покойный М. П. Погодинъ говоритъ: „Иннокентій являлся на всѣхъ бастионахъ, во всѣхъ лагеряхъ, во всѣхъ больницахъ, и не упускалъ ни одного случая, въ продолженіи роковыхъ трехъ лѣтъ, чтобы возбуждать вездѣ духъ, разносить всюду слова жизни, надежды и вѣры“.

Мы какъ-то не помнимъ, чтобы рассказывали о посѣщеніи бастионовъ Иннокентіемъ. Что онъ бывалъ на Сѣверной и видѣлъ адскій огонь осаждающихъ нашъ многострадальный, теперь впрочемъ такъ славно возрождающійся, Севастополь; видѣлъ падающіе снаряды въ бухту и даже перелетавшіе на сѣверную ея сторону; переѣзжалъ въ это время на южную, служилъ тамъ — это не подлежитъ никакому спору. Митрополитъ Макарій такъ рисуетъ образъ Иннокентія въ эту, по его выраженію, „грозную, кровавую эпоху“. „Его геройское, истинно-христіанское мужество и присутствіе духа во время облежанія и

бомбандированія Одессы непріятельскимъ флотомъ; его торжественныя службы и вдохновенныя рѣчи къ жителямъ Одессы въ эти страшные дни; его рѣчи и напутственныя молебствія воинамъ отправлявшимся въ Севастополь, сестрамъ Крестовоздвиженской общины, рѣчи при освященіи въ Одессѣ баттарей и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ; его путешествія въ Крымъ, гдѣ старался онъ словомъ вѣры и упованія успокаивать и подкрѣплять злосчастныхъ обитателей страны; его священнослуженія и рѣчи въ самомъ Севастополѣ среди громовъ войны:—все это озаряло имя Иннокентія новою, блистательною славою — славою высокаго патріота и великаго пастыря Церкви, исполненнаго самоотверженія и любви, готоваго положить за свою паству, или вмѣстѣ съ нею, собственную душу“. Но величіе духа, христіанская любовь, мужество Иннокентія еще въ большей силѣ обнаружилась въ посѣщеніи имъ страдалцевъ-воиновъ въ лазаретахъ (какъ временныхъ на Сѣверной, такъ и въ другихъ мѣстахъ: въ Бахчисараѣ, Симферополѣ и т. д.), гдѣ свирѣпствовали заразительный тифъ, и гдѣ можно было видѣть всю тяжкую скорбь, все страданія, порождаемая войною. И здѣсь-то мужественный, истинно-человѣколюбивый пастырь-отецъ являлся ангелемъ-утѣшителемъ страждущихъ, не боясь заразы и не отвращаясь отъ картинъ, способныхъ потрясти сердце человѣческое до самой глубины его. Неужели и здѣсь дѣло дѣлалось напоказъ, не изъ челоѣколюбія, а изъ пустаго тщеславія, изъ фарисейства: да видимы будемъ? Невольно возникаетъ вопросъ: или уже въ современномъ намъ челоѣчествѣ псыкла всякая благородная, честная любовь къ челоѣку? Неужели возвышенная любовь къ ближнему, возвѣщенная міру Евангеліемъ—мечта? или среди насъ царитъ одно общее, узкое себялюбіе? И почему оно присуще было именно такой свѣтлой личности, какою нельзя не признать личность именитаго архипастыря? Гдѣ основаніе, что такія-то личности и бывають одержимы духомъ презрѣнной гордыни? О, надобно имѣть большой запасъ смѣлости, чтобы благороднѣйшіе поступки ближняго толковать въ одну худую сторону, смотрѣть на нихъ глазами узкаго и грязнаго эгоизма! Тогда пришлось бы совершенно отказаться отъ вѣры въ добродѣтель и вѣрить въ одно нравственное зло. Мы не распространялись бы на эту

тему, если бы не были личными свидѣтелями худыхъ толковъ объ Иннокентіи, какъ о какомъ-то честолюбцѣ, желавшемъ, чтобы о немъ „трубили съ кровлей домовъ“. Узкіе себялюбцы, трусы, неспособные стать на извѣстную высоту христіанскихъ добродѣтелей — всегда мѣряютъ другихъ своею мѣрою и даже не могутъ понять, какъ можно быть и мужественнымъ, и великодушнымъ до самоотверженія изъ любви къ ближнему.

И неужели послѣ этого и все поученія именитаго витіи, согрѣтыя такою теплою любовію къ ближнему — были одни только слова честолюбія, выходящія не изъ чистаго теплаго источника, а изъ грязнаго, холоднаго — изъ духа сатанинской гордости? Но вотъ въ чемъ дѣло: мы можемъ указать на длинный рядъ поученій нашего витіи такихъ, въ которыхъ не могло говорить мелочное честолюбіе; напротивъ, мы не можемъ не убѣждаться, что тамъ говорить, ни кого и ни чего не страшась, правда, говорить служителю алтаря Господня, крѣпкій духомъ мужества, вѣрный своему высокому призванію. Я уже говорилъ объ одной подобной проповѣди предъ громкими земными именами; упомяну здѣсь и о другой, о которой я однажды и говорилъ въ печати, — это проповѣдь о десяти дѣвахъ, произнесенная Иннокентіемъ послѣ Альминской битвы. Я былъ единственный свидѣтель слѣдующаго разговора.

По одному случаю Иннокентій призывалъ меня къ себѣ, около 11 часовъ утра. Сидимъ мы, и Иннокентій указываетъ мнѣ на одну, найденную имъ въ изданіяхъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, статью, касающуюся бытности лѣсовъ на юго-востокѣ Россіи. Въ это время впопыхахъ входитъ А. Г. Тройницкій, бывшій въ то время редакторомъ Одесскаго Вѣстника и членомъ Совѣта Одесскаго Института благородныхъ дѣвицъ (а въ послѣдствіи товарищемъ М. В. Д. и членомъ Госуд. Совѣта) и вотъ съ какими словами обращается къ Иннокентію. Пусть припомнитъ благосклонный читатель, что эта исторія происходила при незабвенномъ Императорѣ Николаѣ Павловичѣ, который, любя и зная насъ, умѣлъ заставить насъ молиться: положи, Господи, храненіе устномъ моимъ.

— Владыко, что вы дѣлаете? говорить А. Г.

— А что?

— Вы сдали въ редакцію свою проповѣдь.

— Сдалъ.
— Да развѣ можно ее напечатать?
— А почему?
— Да вѣдь тамъ вы говорите о пяти юродивыхъ дѣвахъ¹⁾.
— Говорю.
— Да кто же эти дѣвы?
— Называйте сами.
— Вѣдь, пожалуй, придется поставить въ ряду ихъ главнокомандующаго князя Меньшикова?
— И поставьте.
— Но вѣдь это только одна дѣва, а ихъ было пять; и мы, пожалуй, такимъ образомъ доберемся до главнаго штаба, до военнаго министра?
— Да хоть бы и еще выше! Но вы вотъ что скажите мнѣ, Александръ Григорьевичъ: правду ли я говорю, или нѣтъ?
— Конечно, правду.
— Такъ кому же и говорить правду въ настоящія тяжкія времена, какъ не служителямъ алтаря Господня. Мы преемники Вассіановъ и Филипповъ. Эту правду я буду проповѣдывать и на Бѣломъ морѣ, въ Соловецкомъ монастырѣ. Здѣсь кровь Авелей вопіетъ на небо. Сердце болитъ объ этой невинной крови. Печатайте съ Богомъ! Я за все отвѣчаю.
А. Г. пожалъ плечами и выпелъ. Надо замѣтить, что Иннокентій и А. Г. Т. взаимно другъ друга искренно уважали и любили; были, какъ говорится, на дружеской ногѣ. Но Иннокентій, проводившій А. Г., не могъ удержаться, чтобы не сказать: „прекраснѣйшая душа у этого человѣка, но немного дышетъ соломеннымъ духомъ. А что дѣлать? Такъ поставлень весь нашъ, да и не только нашъ, а и вездѣ, чиновный міръ. Да и можетъ-ли быть онъ инымъ? Мы — монахи; намъ терять нечего“.

Какъ извѣстно, проповѣдь эта была напечатана въ „Од. Вѣд.“; обратили ли на нее вниманіе распорядители военныхъ судебъ, — мы не слышали. Но фактъ, доказывающій мужество

¹⁾ Юродивымъ дѣвамъ не достало масла, а намъ штуцеровъ Минье, которыми мы могли зацѣпиться ранѣе французовъ и англичанъ. Да, мы въ крымскую войну были хуже вооружены, чѣмъ наши противники; стало быть, дѣйствительно походили на юродивыхъ дѣвъ.

Авт.

Иннокентія, остается во всей своей силѣ. Впрочемъ, и гнѣваться-то на Иннокентія было не за что. Уже послѣ Альминскаго боя мы должны были сознаться, что Россія не была приготовлена къ войнѣ ни на, повидимому, защищенномъ сѣверѣ, ни на совершенно беззащитномъ югѣ.

Надобно умѣть говорить правду, чтобы она не слишкомъ колола глаза, и въ этомъ случаѣ нужно было учиться у Иннокентія. Онъ умѣлъ высказывать ее или растворяя шутками, или обставляя такими логическими доводами, что по неволѣ убѣдишься не только умомъ, но и сердцемъ. При этомъ не нужно выпускать изъ вида необыкновенную мягкость рѣчи Иннокентія и его умѣнье приспособляться къ слушателямъ. Съ мужичкомъ, какимъ-нибудь сельскимъ церковнымъ старостою, онъ заговоритъ такимъ орловцемъ, что тотъ, выйдя, только разведетъ руками: ну, ужъ и архіерей! этакая святая простота, точно нашъ братъ мужичекъ! И какъ чужды были для Иннокентія приемы, такъ часто повторяющіеся у высокопоставленныхъ лицъ! Дождиваетъ приема человѣкъ, положимъ и во образѣ старца сельскаго іерея; и часъ, и два, и слышитъ: „что тебѣ надо? говори проворнѣй! мнѣ некогда“. Но вотъ этотъ старецъ предъ Иннокентіемъ, который никогда не заставлялъ долго ждать себя; подходитъ къ нему владыка и съ отеческою ласкою спрашиваетъ: „что тебѣ, отче, надобно? да какъ ты живешь? съешь-ли хлѣбъ? Есть-ли у тебя коровенки и лошадки?“ и т. д. Но не для всѣхъ былъ такимъ Иннокентій. Умышленный проступокъ приводилъ его въ неудержимый гнѣвъ; онъ едва-ли въ это время владѣлъ собою, о чемъ мы и скажемъ нѣсколько словъ ниже.

IX.

Мнѣніе Иннокентія о графѣ А. Г. Строгановѣ. — Лаконизмъ послѣдняго объ Иннокентіи. — Взглядъ Иннокентія на Крымскую войну, на корень этого зла. — Его высокое мнѣніе о государѣ Николаѣ Павловичѣ. — Школа дѣвицъ духовнаго званія на взглядъ Иннокентія. — Злоязычіе.

Вотъ и къ концу подходятъ мои воспоминанія о приснопамятномъ іерархѣ Иннокентіи. Но столько ли могло бы быть написано, и написанное есть ли лучшее, что я слышалъ отъ

моего незабвеннаго въ нѣкоторомъ отношеніи наставника? Вопросы эти рѣшаются уже высказанными мною мыслями. И себя я причисляю къ тѣмъ, которые лѣнятся записывать черты изъ образа нашихъ историческихъ лицъ. Это во первыхъ, а во вторыхъ, и со мною повторилось то же, что такъ часто повторяется съ другими, именно: мы привыкаемъ къ личностямъ, неизмѣримо выше насъ стоящимъ по своимъ дарованіямъ и по своему служенію родной землѣ. Въ первое время бесѣдъ Иннокентія со мною, я съ жадностію ловилъ каждое его слово и слышанное или записывалъ съ буквальной точностію, или дѣлалъ довольно подробныя наброски; но впослѣдствіи, привыкнувши къ этимъ бесѣдамъ, я считалъ, можетъ быть, и самое цѣнное не имѣющимъ большой цѣнности, — а потому и не считалъ нужнымъ записывать. О, какъ теперь горько сожалѣю объ этомъ! И да послужить моя оплошность или правдивѣе — небрежность урокомъ для другихъ „да не и тѣи придуть на мѣсто“ моего горькаго раскаянія. Впрочемъ мнѣ кажется, я свое дѣло сдѣлалъ: я имѣлъ намѣреніе освѣтить такую сторону въ этомъ дивномъ мужѣ, которой другіе почти и не касались, освѣтить Иннокентія какъ „великаго русскаго гражданина, котораго, по словамъ М. П. Погодина, душа отзывалась на всѣ вопросы Отечества“. Другою задачею для меня было: лично на мнѣ показать доброту этого, по выраженію того же мужа науки, „друга человѣчества, который горячо желалъ ему вездѣ законнаго преуспѣянія“. Личность, не одаренную особенными силами души, совершенно Иннокентію неизвѣстную, взять подъ свое просвѣщенное руководство и направить къ труду: это могъ сдѣлать именно только другъ человѣчества, человѣкъ отзывчивый на всякое добро, на всякую помощь ближнему.

Иннокентій едва ли имѣлъ свободную минуту отъ своихъ занятій и конечно не могъ имѣть лишнихъ минутъ для выслушанія такихъ исторій, съ которыми даже и неловко бы ходить къ такой высокопоставленной и такъ много занятой особѣ. Но не таково было любвеобильное сердце Иннокентія. Вотъ случай, о которомъ я уже однажды говорилъ въ печати. „На первыхъ порахъ (по избраніи графа А. Г. Строганова президентомъ Императорскаго Общества сельскаго хозяйства

южной Россіи, на мѣсто умершаго свѣтлѣйшаго князя М. С. Воронцова) я (въ качествѣ секретаря этого Общества) невольно робѣлъ предъ графомъ и не думалъ, чтобы можно было привязаться къ нему всею душою, т. е. къ глубокому уваженію присоединить и искреннюю любовь сердца. Помню, послѣ одного изъ первыхъ собраній Общества подъ председательствомъ этого президента я счелъ потребностію моего сердца пріинести на графа жалобу почетному члену Общества, высокопреосвященнѣйшему Иннокентію. Выслушалъ мою челобитную Иннокентій и потомъ сказалъ: вы не знаете этого человѣка, но когда узнаете, то полюбите его всею душою и всѣмъ сердцемъ. Не смотрите на его не совсѣмъ любезное обращеніе, а помните, и помните твердо, что это среди людей и русскихъ вельможъ — алмазь первой величины, — замѣтите, я говорю, алмазь, а не искрящійся своими блестящими гранями брилліантъ; алмазь, повторяю, но алмазь первой величины“. Такъ высоко цѣнилъ преосвященный Иннокентій графа А. Г.; за то и графъ, бросивши горсть земли на гробъ безсмертнаго витія, сказалъ: Съ нимъ для меня былъ бы цѣлый міръ и въ Усть-Сысольскѣ¹⁾. Эти слова сказалъ не кто-нибудь, но смѣло можно сказать, одинъ изъ образованнѣйшихъ и благороднѣйшихъ вельможъ въ русскомъ царствѣ. Послѣ такого отзыва, сдѣланнаго такимъ глубокимъ знатокомъ сердца человѣческаго, я полюбилъ всею душою и всѣмъ сердцемъ моего президента, и видѣть его, быть въ его кабинетѣ или пріемной, слышать его умную рѣчь, а иногда странныя парадоксы, хитросплетенные софизмы и выходки, направленные иной разъ прямо на мою личность или на мою профессію, — было для меня праздникомъ. И теперь я люблю эту русскую, свѣтлую, прямую, честную душу всею полнотою моего сердца“.

Я уже выше сказалъ, что Иннокентій безъ сомнѣнія другимъ открывалъ большія глубины своего глубокаго ума. На меня, какъ на крота, обреченнаго рыться въ землѣ, онъ смотрѣлъ глазами Евангелія: могій вмѣстити да вмѣститъ. Я рѣдко слышалъ отъ него, въ бесѣдѣ одинъ на одинъ, что

¹⁾ На напечатаніе всѣхъ этихъ строкъ я имѣлъ позволеніе отъ самого графа А. Г. Строганова.

нибудь из области богословских или философских наук или политики, которой впрочем я и не считал для себя нужным касаться. Газет было тогда мало, а болтовни газетной еще меньше, и не кому было разжигать нашего воображения. Но припоминаю один случай, относившийся и до политики.

Однажды Иннокентій велѣлъ мнѣ придти къ нему въ назначенный день въ послѣобѣденное время, по одному дѣлу, о котором нѣсколько словъ скажется ниже.

Прихожу я, и это было именно въ тотъ день, наканунѣ котораго пришла въ Одессу роковая вѣсть о злополучной для насъ битвѣ на Черной. Иннокентій вышелъ ко мнѣ изъ своей спальни. Смотрю я на него и вижу страшную перемену: глаза какъ будто какіе-то мутные, блуждающіе; все лицо, какъ говорится, осунулось, измялось. — Давай немного походимъ, сказалъ Иннокентій. Прошлись мы по залѣ и разѣ, и два, и три. Иннокентій молчитъ; а я не смѣю начать разговора и нѣтъ-нѣтъ да посмотрю на его изможденное лицо. Наконецъ онъ оборачивается ко мнѣ и говоритъ: Ты что молчишь? Смотрить на меня пристально и продолжаетъ: на тебя какъ будто нѣкая мурысь нашла?

Чтобы скольконибудь развеселить моего возлюбленнаго владыку, видимо подавленнаго скорбною вѣстію изъ Крыма, я отвѣчаю:

— Я, владыко, крѣпкую думу думаю.

— А ну?

— Я хочу „перемѣнить родъ службы“.

— Ну куда тебя еще нелегкая несетъ?

— Да я хочу подать прошеніе на должность главнокомандующаго въ Крыму.

— Хуже, другъ мой, не будетъ, отвѣчалъ Иннокентій, тяжело вздохнувши, и нѣсколько крупныхъ капель слезъ покатались по морщинамъ его добраго лица.

Опять стали молча ходить. Ходимъ минуты три или четыре:

— Но ты знаешь, гдѣ корень зла?

— Не знаю, моя область—корни растительнаго царства.

— Я тебѣ скажу: корень зла въ нашей безпримѣрной,

истинно-христіанской честности. Ты помни, что исторія не представляетъ такого вѣнценосца, который могъ бы рядомъ стать съ нашимъ государемъ, по великодушію, по крѣпости царскаго слова, по рыцарской честности. Въ этомъ отношеніи онъ исполнилъ среди царей земныхъ всего міра и всѣхъ времянь. Благословенный братъ его связалъ себя царскимъ словомъ на Священномъ Союзѣ. Государь Николай Павловичъ повторилъ это слово и твердо рѣшился остаться вѣрнымъ завѣту этого союза, т. е. имѣть однихъ друзей и однихъ враговъ между тремя государствами. Вотъ вспыхнула во Франціи,—этомъ очагѣ адскаго пламени,—революція; разлилась она почти по всей Европѣ, а въ Австріи загла междоусобную войну: возстала Венгрія противъ законнаго правительства. Нашъ государь, вѣрный своему царскому слову, шлетъ туда свои войска и спасаетъ имперію Габсбурговъ. И вотъ гдѣ начало теперешняго нашего несчастья! Не усмири государь венгровъ своимъ оружіемъ, и Австрійская имперія распалась-бы, и намъ только оставалось-бы пользоваться плодами этого разрушенія. Divide et impera. Мы были-бы полными хозяевами на балканскомъ полуостровѣ; мы привлекли-бы въ свои родственныя объятія родныя намъ племена Австріи и Турціи. Ты знаешь, мы уже были на пути къ Цареграду, и дошли-бы далеко, если-бы въ тылъ нашъ не зашла спасенная нами Австрія. Какое коварство дружественнаго и спасеннаго нами правительства! Иуда искариотскій лобзаніемъ предаль своего божественнаго Учителя; а здѣсь тѣмъ-же іудинымъ лобзаніемъ преданъ спаситель имперіи Габсбурговъ. Но вѣренъ Богъ—„мститель“: придетъ время, когда онъ възвѣстаетъ кровь невинныхъ Авелей, павшихъ на высотахъ крымскихъ горъ. Да, възвѣстаетъ!—У Иннокентія опять навернулись слезы.—Пожалуй, произнесъ онъ, находятся краснобаи, конечно больше за границей, чѣмъ у насъ, которые говорятъ, что государь Николай Павловичъ въ венгерскую войну дѣйствовалъ по чувству самохраненія, боясь, какъ-бы не возстала пресловутая Польша и не проникла революція въ нѣдра самой Россіи. Какая близорукость! какое незнаніе Россіи! Польщизнѣ Государь могъ-бы указать на грозную цитадель, а обратясь лицомъ къ родной рус-

ской землѣ—молвить: дѣти! смирно. И это могучее отеческое слово какъ всепокоряющая сила пронеслась-бы отъ конца до конца великаго русскаго царства,—и все бы было спокойно при безграничной вѣрѣ въ мудрое отеческое водительство своего Самодержца, помазанника Божія. Венгерскую войну называютъ ошибкой въ славномъ царствованіи государя Николая Павловича, возведшаго Россію на небывалую степень могущества; голоса русскаго царя слушалась вся Европа; но можно ли назвать ошибкой то, что выходило изъ чистѣйшихъ побужденій сердца? и можно-ли было думать, что за безкорыстную помощь, за спасеніе, намъ отвѣтять гнуснымъ коварствомъ, неблагодарностію, примѣръ которой едва-ли найдется во всемірной исторіи? Но объ этомъ довольно. Я призвалъ тебя поговорить о дѣлѣ, которое занимаетъ меня съ самаго моего приѣзда сюда.

— Съ величайшимъ вниманіемъ буду слушать васъ, владыко, и всякое желаніе ваше для меня законъ, за который готовъ въ огонь и въ воду.

— „Ты можешь быть, не трусь, да глупъ“. Ужь и въ огонь, и въ воду? Вѣрю въ твою любовь ко мнѣ; но увѣренъ и въ томъ, что ты ради меня не прыгнешь въ огонь, и не бросишься въ бездну морскую. Перехватилъ, какъ иной разъ мой протодіаконъ! Вотъ въ чемъ дѣло: удѣли часа два въ недѣлю сироткамъ въ Михайловскомъ монастырѣ на чтеніе огородничества и садоводства. Это будетъ имъ очень полезно.

— Съ величайшею готовностію, ваше в—во, и конечно даромъ; но увѣряю васъ, что безъ практическихъ занятій это чтеніе ни къ чему полезному не доведетъ. Въ с. хозяйствѣ есть и теоретическая сторона, но для пониманія ея нужна подготовка другими науками—химіей, физикой, естественной исторіей, слѣдовательно эта часть не можетъ читаться въ женскомъ вашемъ училищѣ, гдѣ все обученіе ограничивается одними первоначалами. Затѣмъ, остается практическая сторона; но она непремѣнно требуетъ практики, наглядности.

— Это вѣрно, сказалъ Иннокентій. Стало бытъ надобно достать клочекъ земли и завести тамъ опытное поле?

— Да, владыко; это поле необходимо, если мы желаемъ достигнуть цѣли ¹⁾.

— Постои-же, я объ этомъ подумаю. Мнѣ хочется отыскать средства къ устройству настоящаго училища дѣвицъ духовнаго знанія. Если мнѣ это удастся, то въ программу занятій этого училища у меня войдутъ и садоводство, и огородничество, и шелководство, и пожалуй что нибудь другое. Судьба для самаго большаго числа этихъ дѣвицъ быть женами сельскихъ церковно-служителей: іереевъ, діаконѣвъ, причетниковъ, которые занимаются с. хозяйствомъ; а если жена помощница мужу, то конечно и въ томъ, что служить къ удовлетворенію первыхъ нашихъ потребностей.

Не мало мудрый владыко говорилъ объ образованіи дѣвицъ духовнаго званія; но все сказанное имъ можно выразить въ слѣдующихъ короткихъ словахъ: во первыхъ, воспитаніе и самое образованіе должны быть просты: первое—сколько возможно ближе стоять къ сельскому быту не только отцевъ, но и народа; второе не должно надмевать дѣвицъ небогатаго состоянія выспренностію, какими нибудь учеными замашками; во вторыхъ, и то, и другое должны быть поставлены такъ, чтобы физическая сторона развивалась какъ можно полнѣе, совершеннѣе, безболѣзненнѣе; ибо то будущія матери, отъ которыхъ рожденіе дѣтей и питаніе ихъ потребуетъ свѣжихъ, не изношенныхъ книгами силъ.

Въ третьихъ. Родное слово, и особливо свободное изложеніе на немъ собственныхъ мыслей, что особенно развиваетъ голову; Исторія и преимущественно отечественная; церковность и съ нею тѣсно-связанное знаніе славянскаго языка; за тѣмъ все, что входитъ въ обиходъ домашней сельской жизни: гигиена, руководствія, приготовленіе пищи, воздѣлываніе огородныхъ овощей, садъ, шелководство и т. п.; изъ изящныхъ искусствъ—рисованіе, пѣніе и, если возможно, музыка, для которой можно бы ограничиться одной скрипкой, какъ инструментомъ недорогимъ и полезнымъ при устройствѣ сельскихъ церковныхъ

¹⁾ Не съ этою-ли цѣлію Иннокентій купилъ на собственные деньги, близъ архіерейской дачи, болѣе 10 десятинъ земли, которая, по его смерти, братъ его подарилъ частному лицу. За какія услуги? Богъ вѣсть. Авт.

хоровъ: вотъ въ общихъ чертахъ программа такой школы. Не думаю, прибавилъ Иннокентій, чтобы знаніе иностранныхъ языковъ, напр. французскаго, могло принести какую нибудь пользу нашимъ дѣвицамъ духовнаго званія. Для дальнѣйшаго образованія женщины средняго состоянія и положенія достаточно и русскихъ книгъ, которыя легче достать, чѣмъ французскія. Да кромѣ того, такая школа едва-ли доведетъ своихъ питомицъ до свободнаго чтенія тѣхъ французскихъ сочиненій, которыя могли-бы принести существенную пользу; а ограничиться чтеніемъ французской болтовни, помѣщаемой въ романахъ, — болтовни нерѣдко и малонравственной — для этого даже грѣшно изучать чужой языкъ¹⁾. Одно убійство времени — и больше ничего. Правда изученіе иностранныхъ языковъ можетъ послужить къ развитію умственныхъ силъ, но если такъ, то пусть, по образу англичанокъ, изучаются въ подобныхъ школахъ древніе языки. Знакомство съ ними, хотя-бы и самое первоначальное, могло-бы пригодиться для приготовленія дѣтей въ духовныя школы, гдѣ эти языки имѣютъ несравненно высшее значеніе, чѣмъ новѣйшіе.

Вотъ взглядъ Иннокентія на школы дѣвицъ духовнаго званія, о которыхъ въ его время носились только желанія, теперь перешедшія въ такую отрадную дѣйствительность²⁾. Не знаю, остался-ли бы вѣренъ своему взгляду этотъ мудрецъ, если-бы дожилъ до открытія нынѣшнихъ епархіальныхъ училищъ, которыя не во всемъ согласуются съ этимъ взглядомъ. Мы имѣемъ основаніе сказать, что и богомудрый святитель Филаретъ также высказывалъ опасенія, чтобы эти школы не потеряли изъ виду небогатой сельской жизни. Но нечего грѣха таить, въ иныхъ изъ этихъ училищахъ ведется иначе дѣло. Вотъ что пишетъ мнѣ одинъ заслуженный ветеранъ науки (живущій на покой профессоръ университета): „Горько жалуются на свою судьбу тѣ наши батюшки, которые пожелали на дѣвицахъ мѣстнаго епархіальнаго училища; си-

¹⁾ М. б. въ прежнія времена Иннокентій и иначе смотрѣлъ на это дѣло, но въ позднѣйшее онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что надо намъ жить чисто-русскою жизнью и разрабатывать ея самобытныя начала. *Авт.*

²⁾ Впрочемъ, кажется, въ Харьковѣ уже было заведено Иннокентіемъ училище дѣвицъ духовнаго званія. *Авт.*

дять себѣ поджавши ножки, да романцы читаютъ; не то онѣ посмотрятъ, что въ печкѣ дѣлается, не то умѣютъ съ мужичкомъ поговорить; дѣтишки чумазья и бѣгаютъ безъ присмотра“. Не имѣемъ права не вѣрить сѣдинамъ этого почтеннаго ученаго мужа, и прибавимъ: назадъ тому года четыре приходилось намъ прочесть напечатанные отчеты трехъ епархіальныхъ училищъ, и диву дались мы, найдя, что по русскому языку образцами краснорѣчія служили только одни (да, только одни!) свѣтскіе писатели, а духовныхъ какъ будто никогда на русской землѣ и не существовало. Малъ квасъ все смѣшаніе квасить! Не менѣе надивились мы и тому, что въ общей сложности баллы по русскому языку, исторіи, даже въ одномъ училищѣ по Закону Божію, менѣе крупны, чѣмъ по французскому языку. Вонъ оно куда пошло!..

Именитый нашъ историкъ, М. П. Погодинъ въ своемъ „Вѣнкѣ на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія, архіепископа Таврическаго“, воздавши должную дань этому дивному мужу, между прочимъ говоритъ:

„Пороки и недостатки Иннокентія могли относиться къ его званію, къ привычкѣ властвовать, къ заведенному порядку, — желательно, чтобы всѣ они были скорѣе оглашены, тщательно излѣдованы и безпристрастно осуждены, да, читая ихъ, смиряемся мыслию, какъ слаба человѣческая природа, самая высшая; — да, читая ихъ, назидаемся, какъ осторожну и внимательну должно быть человѣку въ наблюденіи за собою, если и самые избранные, надѣленные Божьими дарами, такъ легко увлекаются и такъ скоро падаютъ. Высокая душа Иннокентія вѣрно сама будетъ рада такому обнаруженію, чтобы расчесться съ своими современниками и не получить отъ земли ничего лишняго. Друзьямъ Иннокентія, слѣдовательно, нечего бояться за его память, какъ бы ни были велики проступки, если были, — у него много останется еще въ запасѣ достоинствъ, за которыя должно намъ будетъ поминать имя его съ благодарностію во вѣки вѣковъ“.

Уважаемый историкъ открыто вызываетъ къ раскрытію для всеобщей извѣстности пороковъ и недостатковъ Иннокентія, признавая, что, какъ существо ограниченное, онъ также могъ падать, имѣть даже пороки и недостатки. Мы не знаемъ, что

напишутъ писатели объ этой свѣтлой личности; можетъ быть, основываясь на какихъ нибудь письмахъ или записяхъ нѣкоторыхъ лицъ, хотя-бы и сомнительныхъ, взведутъ на именинаго Иннокентія разнаго рода небылицы въ лицахъ, какъ сочинилъ грязнѣйшую исторію про нашего великаго Никона, въ „Великомъ расколѣ“, г. Морцовцевъ.

Когда говорятъ, что нибудь не доброе про дорогихъ нашему сердцу, мы или затыкаемъ уши, или просимъ не говорить. Это явленіе очень обычное. Благовѣя предъ этимъ дивнымъ во святителяхъ, любя его всѣмъ благодарнымъ моимъ сердцемъ, я не вслушивался, что говорила о немъ стоустая молва. И тогда я разсуждалъ и теперь разсуждаю такъ: въ жизни, среди людей, такъ много грязнаго, пошлаго, низкаго, зачѣмъ-же я буду лишать себя и послѣднихъ лучей, свѣтлѣющихъ среди ночнаго мрака? за чѣмъ я буду отравлять себя мыслию, что нѣтъ добра на землѣ, нѣтъ носителей высшихъ идей и чистой христіанской любви?

Но, съ другой стороны, я могъ-бы подвергнуться со стороны читателя моихъ замѣтокъ упреку въ пристрастіи, недостойномъ моихъ старческихъ лѣтъ. Живя въ теченіи почти семи лѣтъ въ одномъ городѣ, развѣ вы не могли слышать и о темныхъ сторонахъ этой свѣтлой личности? Такъ мнѣ могутъ возразить. Слышалъ, и слышанное сію-же минуту передамъ во всеобщую извѣстность.

Выше я сказалъ, что умысленные проступки или дѣянія подчиненныхъ приводили Иннокентія въ неудержимый гнѣвъ, онъ едва въ это время вполнѣ владѣлъ собою. Вспыльчивость, гнѣвъ Иннокентія всѣмъ были извѣстны и очень свойственны его горячему духу, „кипятку“ его сердца. Но какъ скоро этотъ кипятокъ остывалъ, и все забывалось! Это въ характерѣ всѣхъ вспыльчивыхъ людей, имъ чужда злопамятность. Чѣмъ-же выражался гнѣвъ нашего добрѣйшаго архипастыря? Въ гнѣвѣ Иннокентій не падалъ словъ, такъ свойственныхъ гнѣвающемуся человѣку... Этого архипастыря, кажется, ничто такъ не возмущало, какъ недостойное храма Божія служеніе и особливо безсмысленное или черезчуръ поспѣшное чтеніе. Горе провинившимся! Въ этомъ случаѣ Иннокентій дѣйствительно какъ будто не владѣлъ собою. Поч-

тнѣйшій о. протоіерей Г. Рудневъ, на сочиненія котораго я ссылаюсь и который доселѣ вспоминаетъ владыку Иннокентія со слезами благоговѣнія, уже въ санѣ священника отбилъ сорокъ земныхъ поклоновъ въ алтарѣ за чтеніе канона не такъ, какъ велѣлъ Иннокентій. Отъ этого-то почтеннаго пастыря церкви я слышалъ обычное наставленіе, которое Иннокентій давалъ, объѣзжая свою епархію: помните, приходская церковь не монастырь; здѣсь и беременная женщина стоитъ, у другой на рукахъ грудной ребенокъ, а этотъ дѣлуетъ недѣлю не разгибалъ спины, ходя за плугомъ. А потому я не требую, чтобы вы все вычитывали положенное по уставу; но требую строго, во имя Бога и пользы пасомыхъ вами, чтобы вы читали вразумительно и съ душою.

Но дерзнемъ-ли осудить великаго святителя нашей церкви за его гнѣвъ, хотя-бы и грубо выражавшійся?

Не назваль-ли самъ Агнецъ безгрѣшный, вземлющій грѣхи всего міра, книжниковъ и фарисеевъ гробами поваленными? Предтеча его—іудеевъ порожденіемъ ехидниннымъ? По свят. Евангелію, подлежить суду напрасно гнѣвающійся на брата своего (Мат. V 22); но не осуждается имъ справедливый гнѣвъ. Если взять сугубѣйшую ревность Иннокентія о славѣ Божіей, его пламенную душу: то составятся такіа смягчающія обстоятельства, что мы, земные судьи нашихъ ближнихъ, должны сказать: суди его Богъ, а не мы, грѣшныя. За то, какъ отличительную черту этой высокой и истинно христіанской души можно поставить, что ей чужды были такъ называемыя мелочи, пустыя придирки, капризы, доводящія иныхъ начальствующихъ лицъ до такого ослѣпленія и черствости, что они готовы согнать много подчиненнаго со всего вольнаго свѣта только за то, что „фізіономія не нравится“. Иннокентій былъ строгъ и гнѣвенъ, какъ я сказалъ, если видѣлъ небрежное служеніе, или если священнослужитель своимъ поведеніемъ, напр. чрезъ пьянство, ссоры, клеветничество съ прихожанами, унижалъ своей санъ. Но большею частію, самыя тяжкія прегрѣшенія ограничивались, какъ говорится, отеческими наказаніями. Иннокентій слишкомъ высоко цѣнилъ значеніе служителей церкви для народа: провинившагося, чистосердечно раскаявшагося и давшего слово

„къ тому не согрѣшати“, этотъ мудрый архипастырь старался — если только было возможно, обѣлить въ глазахъ пасомыхъ, переводя его, во избѣжаніе соблазна, въ другой приходъ и, для лучшаго надзора, поближе къ себѣ или подь смотрѣніе какого-нибудь болѣе строгаго благочиннаго. Гдѣ только, можно, онъ грудью стоялъ за своихъ пастырей, и въ угоду не переставлялъ ихъ, какъ пашки.

Таковъ былъ общій слухъ объ управленіи Иннокентіемъ херсоно-таврической епархіей: и этотъ архипастырь скорѣе оставилъ по себѣ память добраго, хотя по временамъ и строгаго отца, чѣмъ начальника. Онъ входилъ не только въ пастырскія обязанности подчиненныхъ ему служителей церкви, но въ самый бытъ, во внутреннюю жизнь ихъ. Горько доставалось тѣмъ сельскимъ батюшкамъ и даже матушкамъ, дома которыхъ оказывались, при посѣщеніи ихъ владыкою, грязно и неряшливо содержимыми! Помните слова апостола, говорили онъ, вы должны домъ свой добрѣ правити; вы должны быть примѣромъ чистой и порядочной жизни; ибо чистота и порядокъ домашней обетановки есть зеркало души и служатъ ступеню къ усиленному труду, на который и созданъ человекъ. Заботливость его о чистотѣ въ церквахъ не имѣла границъ, и онъ строго наказывалъ за находимую на мѣстѣ святѣ мерзость запустѣнія. Онъ въ непремѣнный долгъ ставилъ сельскимъ причтамъ — обсаживать церкви деревьями и укорялъ, если служители церкви не обсаживали ими и собственныхъ своихъ жилищъ. Требованіе это было настолько настоятельно и такъ привилось къ южно-русскимъ церквамъ, что едва-ли гдѣ есть на православной Руси столько церквей, обсаженныхъ деревьями и огороженныхъ, какъ въ этомъ краѣ, гдѣ притомъ такъ мало вѣрятъ въ лѣсоразведеніе. Я лично слышалъ одну угрозу собравшимся сельскимъ причтамъ: если вы не обсадите своихъ церквей и домовъ деревьями, я лишу васъ мѣсть.

Это и только-то о грѣхахъ Иннокентія! воскликнуть жаждущіе отыскивать и въ бѣломъ черное. — Нѣтъ, есть и другое... Во время оно находились злые люди, которые во всеуслышаніе говорили, что Иннокентій обираетъ церкви Божіи, и „промчесь злое слово сіе“ на югъ „даже до сего дне“. Вотъ случаи, которые дали пищу злему языку...

Однажды Иннокентій собирался въ С.-Петербургъ для заведеній въ Синодѣ; посмотрѣвъ въ своемъ ящикѣ и оказывается, что денегъ нѣтъ; призываетъ священнослужителей Одескихъ церквей и проситъ пособить нуждѣ, присовокупляя, что онъ ѣдетъ по дѣламъ церкви-же Божіей. Собрали двѣ или болѣе тысячи, принесли, и владыко принялъ ихъ съ благодарностью. Но не мало можно привести обстоятельствъ, смягчающихъ это дѣяніе архипастыря. Для безпристрастнаго судьи нѣтъ надобности въ перечисленіи этихъ смягчающихъ обстоятельствъ. Но мы только напомнимъ, что вкладами въ крымскія киновіи — (доходящими до 50 т. р.), отдано той же церкви Божіей несравненно больше, чѣмъ по крайней нуждѣ нѣкогда взято у нея. Взято было какъ-бы въ займы и отдано съ великою лихвою. Упомянуть-ли еще, что владыко Иннокентій былъ милостивъ къ нуждѣ другихъ. Вотъ что пишетъ о его добрѣйшемъ сердцѣ почтенный протоіерей г. Харькова, о. Г. ¹⁾.

„Высокопреосвященнѣйшій былъ милостивъ ко всѣмъ ищущимъ помощи, но особенно для своихъ духовныхъ (служителей той-же церкви Божіей!) и еще больше приближенныхъ къ нему, и чѣмъ нибудь одолавшихъ его. Преблагодарное, высокое было у него чувство! Услышавши изъ Одессы, что жена прежде бывшаго его докладчика по смерти мужа осталась десять тысячъ, по тогдашнему курсу, должною, списывается съ кредиторомъ и, удовлетворивъ его, съ разорваннымъ векселемъ пишетъ къ сѣтовавшей вдовѣ: „не скорби, толко молись! Ты и твое семейство подь рукою моею, пока меня Богъ поддержитъ!“ Другаго, служившаго при немъ, въ видѣ писмоводителя, когда осталась жена тоже вдовою съ малолѣтнимъ сыномъ, высокопреосвященнѣйшій тотчасъ писалъ къ ней изъ Одессы-же съ архипастырскимъ сердоболіемъ, и вызвалъ ее съ сыномъ въ Одессу. А то еще все семейство бывшаго при немъ подіакономъ и умершаго оставалось на всемъ полномъ его высокопреосвященства содержаніи и воспитаніи дѣтей! Рѣдкое совмѣщалось благородство въ этой высокой душѣ! Живо помню его слова: „одожаться однимъ бо-

¹⁾ Вѣнокъ на могилу Иннокентія, стр. 121—122.

юсь, дабы иногда не остаться предъ кѣмъ въ долгу. Неблагодарный человекъ въ глазахъ моихъ недостойное существо; боюсь себя уронить въ глазахъ своихъ!“

Иннокентію ставили въ укоръ, что онъ предлагалъ своему духовенству (черезъ благочинныхъ) пріобрѣтать для церквей его проповѣди. Одно генеральство (уже почившее), стоявшее во главѣ южнаго военнаго округа, во всеуслышаніе говорило, что оно всеподданнѣйше донесетъ на Иннокентія государю императору объ этомъ обирательствѣ церквей военныхъ поселеній. Можно-ли въ вину ставить это предложеніе, которое, пожалуй, и было равносильно приказанію, за не исполненіе котораго, впрочемъ, не преслѣдовалось? Если земледѣлецъ предлагаетъ купить у него хлѣбъ и за это никто не осуждаетъ его, хотя бы онъ и дорожился цѣной; то на какомъ основаніи осуждать продавца духовнаго хлѣба? А между тѣмъ, это осужденіе у насъ довольно распространено. Церкви наши только въ позднѣйшее время стали обзаводиться библіотеками, но Иннокентій давно видѣлъ крайнюю нужду въ этихъ библіотекахъ и настаивалъ на открытіи ихъ при церквахъ. Онъ зналъ цѣну своихъ поученій; и какъ же было не предложить церквамъ имѣть ихъ? Да и много-ли было лучшаго назадъ тому 30—40 лѣтъ изъ сочиненій этого рода? Если теперь нашу духовную литературу послѣднихъ десятилѣтій можно считать сотнями, если не цѣлыми тысячами томовъ, то тогда едва-ли можно было считать и десятками, — разумѣемъ литературу, пригодную для пастырей церкви. Иннокентій постоянно скорбѣлъ, что сельскіе пастыри грубѣютъ, „мужичатся“, мало что читаютъ, не освѣжаются, забываютъ и то, чему учились. Что же могло вдохнуть въ нихъ освѣжающее дыханіе, какъ не такое живое, согрѣтое всею теплотою христіанскаго чувства, слово именитаго богослова и витія? Нѣтъ, правъ былъ приснопамятный святитель въ этомъ дѣлѣ! Нужно было будить дремлющее, освѣжать засыхающее: это былъ его святой долгъ. Неужели онъ въ этомъ случаѣ тѣмъ только не можетъ быть оправданъ, что предлагалъ для церквей именно свои поученія, хотя и признанныя бессмертными.

Вотъ еще случай, въ свою очередь также послужившій къ

худой молвѣ про именитаго архипастыря, — случай, смѣемъ сказать, единичный.

При Одесскомъ Михайловскомъ женскомъ монастырѣ (замѣтимъ, очень бѣдномъ) находилось училище сиротокъ — двѣицъ духовнаго званія, которое въ то время ничѣмъ не было обезпечиваемо въ своемъ существованіи и иногда терпѣло крайнюю нужду въ самомъ необходимомъ. Разъ, за сколько-то недѣль предъ Пасхою, докладываютъ Иннокентію, что въ ономъ училищѣ нѣтъ даже капусты и хлѣба, и на Пасху нечѣмъ-будетъ разговѣться. У владыки на этотъ разъ своихъ денегъ не было — очень обычное явленіе; достать негдѣ; занимать какъ-то неловко, а помочь бѣдѣ — надо. И вотъ онъ призываетъ своего вѣрнаго слугу и наперсника о. Діонисія и говоритъ: кажется, время къ наградамъ представлять; составь списокъ, покажи мнѣ, а потомъ вызовешь представляемыхъ.

Являются эти представляемые. Я буду говорить здѣсь какъ велось дѣло; причѣмъ замѣчу, что владыко Иннокентій какъ умѣлъ по своему назидать виновныхъ, такъ умѣлъ съ подчиненными ему лицами обходиться, можно сказать, съ братскою простотою.

Вотъ входитъ къ нему іерей или протоіерей, имѣющій камлавку, кланяется (но не до земли). Владыко благословляетъ его и, слегка улыбаясь, говоритъ:

— Здравствуй, отче! давно не видѣлъ тебя; да какъ ты раздобрѣлъ! у тебя и грудь-то подалась впередъ, какъ будто готовится къ чему-то: не къ наперсному-ли?

— Какъ угодно будетъ вашему в—ву.

— А ты что дашь? пятьдесятъ рублей дашь? У тебя приходъ хорошій; ты столько можешь дать?

— Если прикажете, — съ величайшею готовностію.

— Хорошо; поди же напиши у о. Діонисія и отдай деньги; а то и самъ отнеси въ женское училище. Тамъ, другъ мой, щей не изъ чего сварить. А вѣдь то — ваши же дѣти.

Является другой отецъ, имѣющій только набедренникъ.

— Тебѣ, отче, думаю, холодновато ходить съ непокрытою головою, когда приходится идти въ облаченіи на открытомъ воздухѣ; да и волосы-то у тебя, кажись, рѣдковаты. Не покрыть-ли тебѣ голову чѣмъ-нибудь, этакъ въ родѣ скуфьи? Чего добраго можешь простудиться; а ты намъ нуженъ.

— Буду вѣчно благодарить за архипастырскую милость.

— Чего благодарить! На спасибо шубы не сошьешь; заплати чистыми денежками. Дашь 25 рублей? Я знаю, что ты легко можешь дать. Поди же напиши, отдай деньги; а куда онѣ пойдутъ—тамъ тебѣ скажутъ.

Я привелъ этотъ образчикъ разговора съ единственною цѣлю показать, какъ просто обращался владыко Иннокентій съ подчиненными ему, не смотря на свою духовную высоту и на данную ему власть. Конечно, злоязычіе находило, что бѣдное училище было только предлогомъ, что собираемыя деньги шли Иннокентію, якобы жившему расточительно, а отчасти и его наперснику. Доказывать безкорыстіе Иннокентія было бы даже грѣшно; но и безкорыстіе о. Діонисія было всеѣмъ извѣстно. Шила въ мѣшкѣ не утаишь. Не безъ самаго твердаго основанія мы можемъ сказать, едва-ли у о. Діонисія, по смерти Иннокентія, были не единственными деньгами 3000 рублей, которые далъ ему владыко за нѣсколько дней до своей кончины, сказавши: я знаю, у тебя денегъ нѣтъ; это тебѣ пригодится, когда меня не будетъ на этомъ свѣтѣ.

Мы готовы допустить и даже допускаемъ, что нѣкоторые изъ приближенныхъ къ Иннокентію лицъ (но не честнѣйшій о. Діонисій) и брали нѣчто въ родѣ взятокъ (за доклады не во-время, за узнаніе резолюцій и т. п.); но у многихъ-ли изъ нашихъ архипастырей (да у нихъ-ли только?) не было и нѣтъ подобныхъ приближенныхъ, во зло употреблявшихъ и употребляющихъ ихъ довѣріе?

Что-же? можно-ли поставить Иннокентію въ укоръ, если онъ собралъ деньги на бѣдное училище съ представляемыхъ къ наградамъ? Не знаю, кто рѣшится на этотъ укоръ; но мы можемъ указать, что въ настоящее время этотъ поборъ даже указанъ въ пользу нѣкоторыхъ епархіальныхъ женскихъ училищъ, напр. для харьковскаго. Разница только та, что тамъ дѣйствовала личная воля епископа, но воля эта знала—кто и что можетъ дать, что едва-ли не лучше узаконенности.

Мы выше привели примѣры щедрости Иннокентія на помощь бѣдности. И эта щедрость иногда его самого ставила въ довольно стѣсненное положеніе. И надобно замѣтить, что если бы не полученіе денегъ за сочиненія, и впоследствии не по-

мощь отъ двухъ монастырей, — то ему, пожалуй, и не чѣмъ было-бы жить. Какъ извѣстно, самое огромное большинство нашихъ епархіальныхъ епископовъ получаетъ скорѣе бѣдные чѣмъ достаточные оклады; въ этомъ отношеніи они далеко хуже поставлены нашихъ католическихъ бискуповъ, даже муфтіевъ, и конечно не было примѣра въ православной іерархіи, чтобы дали русскому православному архіерею пятитысячную пенсію, каковая дана бискупу, даже нѣкогда признанному за политическаго преступника. Вѣроятно у насъ такъ разсуждаютъ: зачѣмъ монаху деньги? Но вотъ чего не принимаютъ въ расчетъ: архіерею нужны книги; у него бываютъ приемы; къ нему первому обращаются за благотвореніемъ. Въ откровенной бесѣдѣ почившій архипастырь таврической Гурій говорилъ мнѣ, что его десница, даже безъ вѣдома шуйцы, въ годъ раздавала до 1000 руб., а въ иные годы и до 2000; и что иной разъ даже и нельзя было не дать или отдѣлаться какимъ нибудь рублемъ, когда въ глаза громко говорятъ, что ты архіерей, у тебя денегъ много; ты монахъ, дѣтей у тебя нѣтъ; копить деньги не кому и т. д.

Но замѣчательно, что чѣмъ выше стоитъ данное лицо по своимъ дарованіямъ, по своему положенію, и даже по своему образованію надъ людскою толпою, тѣмъ охотнѣе эта толпа отыскиваетъ на немъ черныя пятнышки, и если отыщетъ ихъ, то увеличиваетъ ихъ какъ сильный микроскопъ незримыя простымъ глазомъ крупинки. Мы сдѣлаемъ вопросъ: что лежитъ въ основаніи такой строгости людской толпы надъ лицами, выше стоящими по дарованіямъ, образованію и т. п.? Зависть-ли здѣсь орудуетъ? наклонность-ли къ осужденію ближняго, къ злословію, столь присущая тому міру, который, по слову Писанія, весь „во злѣ лежитъ?“ Пожалуй, можно согласиться и съ такими предположеніями, но мы думаемъ, что у толпы людской есть и другое основаніе строже судить возвышающихся надъ нею лицъ, — судить или сознательно, или по нѣкому, такъ сказать, чутью. „Ему-же много дано, много и възыщется“...

X.

Преемники Иннокентія—архіепископы Дмитрій и Гурій.—Сравненіе послѣднихъ между собою.—Дарованія и доброта Дмитрія.—Императоръ Николай Павловичъ и о. ректоръ Кіевской Духовной Академіи Дмитрій.—Заключеніе.

Я выше сказалъ, что отдѣлившаяся Таврическая епархія имѣла достойнаго преемника намѣреній и трудовъ именитаго Иннокентія, въ лицѣ приснопамятнаго архіепископа Гурія, и привелъ на это данныя. Но и Херсонская епархія была осчастливлена такимъ святителемъ, который во все время будетъ почитаться столпомъ и украшеніемъ Православной Церкви. Мы разумѣемъ приснопамятнаго архіепископа Дмитрія. Болѣе счастливаго раздѣленія наслѣдія послѣ іерарха Иннокентія и желать было нельзя. Въ одной половинѣ наслѣдія, въ отдѣлившейся Таврической епархіи, какъ новой и состоящей изъ болѣе разноплеменнаго населенія, нужно было многое создать, на многое бросить здоровыя сѣмена, а тѣ сѣмена, которыя брошены рукою именитаго предшественника, возрастить: на это нуженъ былъ творческій и такъ сказать хозяйственный геній, которымъ и обладалъ приснопамятный архіепископъ Гурій. Это подтверждается тѣми фактами, которые были приведены нами выше. Благоговѣя предъ памятью дивнаго въ святителяхъ Дмитрія, мы можемъ, не обинуясь, сказать, что онъ не обладалъ творчествомъ,—не въ области науки, а именно въ церковномъ домостроительствѣ, и онъ едва ли сдѣлалъ бы для Таврической епархіи то, что сдѣлалъ Гурій, уступавшій ему во многомъ другомъ. Архіепископъ Гурій, изучившій китайскій языкъ, какъ родной, переведшій на этотъ языкъ Евангеліе и нѣкоторыя богослужебныя книги (которыми теперь пользуется наша и Японская миссія), знавшій въ совершенствѣ французскій языкъ, частію нѣмецкій, англійскій, даже итальянскій, не говоря уже о древнихъ языкахъ, въ томъ числѣ и о еврейскомъ,—обладалъ массою самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній; онъ могъ на память цитировать и Гумбольдта, и Дарвина, и Молешота и т. п.; но онъ, вслѣдствіе недоконченности своего образованія въ Академіи (С.-Петербургской,—его послали въ Китай по окончаніи перваго курса) не обладалъ

глубинами богословскихъ и философскихъ знаній (хотя за сочиненіе и получилъ, по возвращеніи изъ Китая, степень магистра), подобно Дмитрію, а потому послѣдній болѣе былъ умѣстенъ въ Одессѣ, этомъ центрѣ лицъ высшаго образованія, съ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, съ большимъ приливомъ сюда иностранцевъ и путешественниковъ. Кромѣ того Херсонская епархія, какъ давняя, была уже устроена, и въ ней оставалось только достойно и „право править слово Евангельской истинны“. И воистину, право править это слово приснопамятный святитель Дмитрій, оставившій по себѣ навсегда имя богомудраго и кроткаго изъ кроткихъ архипастырей. Да, именно такового, но едва ли онъ оставилъ по себѣ память опытнаго, строгаго, взыскательнаго, энергическаго главы въ церковномъ домостроительствѣ ввѣренной ему епархіи.

Имѣвши счастье пользоваться добрымъ расположеніемъ ко мнѣ и приснопамятнаго Дмитрія, я хочу закончить мои воспоминанія о его именитомъ предшественникѣ воспоминаніями и о достойнѣйшемъ преемникѣ—о высокопреосвященномъ Дмитріѣ.

Первѣе всего я запишу здѣсь два случая, изъ которыхъ одинъ можетъ засвидѣтельствовать о мощности его духовныхъ силъ даже въ дни начавшейся для него старости и тѣлесныхъ недуговъ; а другой—объ удивительномъ благодушіи и истинно ангельской кротости этого архипастыря.

Запелъ какъ-то разговоръ о томъ, что нѣкоторые изъ православныхъ были противъ выдачи Одесскому кафедральному собору пособія на приведеніе его въ лучшій видъ, и рѣчь (это было за вечернимъ чаемъ, за которымъ насъ всего было трое: два святителя—Дмитрій и Гурій и я) склонилась къ оцѣнкѣ общаго направленія умовъ, начавшагося съ нашихъ реформъ, или съ 60 годовъ. Много было высказано глубокомысленнымъ владыкою Дмитріемъ замѣчаній объ этомъ состояніи, многое было имъ предсказано, что впоследствии и сбылось и что, можетъ быть, ожидаетъ насъ впереди отъ охватившей насъ распушенности и самоуправства. Не могу припомнить всего сказаннаго; а что и припоминаю, едва ли можетъ быть передано печатно, да и не умѣста будетъ. Рисуя мрачную картину современныхъ глашатаевъ, величающихъ себя передо-

вымъ слоемъ русскаго народа, архипастырь Димитрій съ такою болью сердца говорилъ, что нельзя было не замѣтить наворачивавшихся слезъ на выразительныхъ, дышащихъ притомъ удивительною кротостію, глазахъ святителя. Замѣтивъ, что слова его вызываютъ морщины на лицахъ собесѣдниковъ, владыка Димитрій вдругъ перемѣняетъ рѣчь и обращается ко мнѣ съ вопросомъ: вы помните стихи нашего современнаго поэта графа Толстаго, котораго по нѣкоторымъ произведеніямъ нельзя не поставить выше самаго Пушкина?

— Какіе, владыка? спросилъ я.

— Это тѣ, гдѣ мы—какъ въ зеркалѣ,—Русь отъ начала до сего дня.

— Я читалъ ихъ.

— Увѣренъ, что читали, такихъ вещей нельзя не читать, но помните ли вы это дивное и правдивое произведеніе?

— Помню содержаніе, но не могу прочесть наизусть ни одного стиха.

— А вы помните, владыко? обратился Димитрій къ Гурію.

— Припоминаю, но не помню.

— А я помню.

Сказавши помню, владыка Димитрій прочиталъ намъ почти всю вторую половину стихотворенія „Потокъ—богатырь“, и во время чтенія заливался самымъ добродушнѣйшимъ смѣхомъ, къ какому способны только чистыя и младенчески-простыя души.

— Какъ это, владыка, нашлось у васъ времени, чтобы выучить эти стихи? спросилъ я.

— Выучить? да развѣ такіе стихи надобно учить, достаточно и прочесть разъ, много два.

— Но вѣдь они были напечатаны, хорошенько не припомню, кажется, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, назадъ тому два или три года; времени прошло не мало,—можно и забыть.

— Хорошія вещи, Ив. Устиновичъ, не забываются.—И это говорилъ мужъ, вступившій въ предѣлы старости!.. Мудрено ли, послѣ этого, согласиться съ тѣми бывшими питомцами Кіевской Духовной Академіи, которые говорили о своемъ ректорѣ Димитріи, что это была живая бібліотека Академіи, въ бібліотекѣ которой онъ чуть только не жилъ.

Перехожу къ другому случаю, свидѣтельствующему о дивномъ благодушіи этого дивнаго святителя. Безкорыстіе и щедрость его получили всеобщую извѣстность, но жаль, что въ подтвержденіе ихъ приводятъ одинъ только пакетъ съ деньгами, который онъ передалъ просительницѣ, не распечатывая его ¹⁾. Это ли одно можно привести въ доказательство его щедрости? Приспомятанный владыка положительно отдавалъ просящему послѣднюю копейку и вѣчно былъ безъ денегъ.

Во время голода, посѣтившаго финляндцевъ, я, желая кое-что собрать въ пользу голодающихъ и на что, по своему положенію, имѣлъ нѣкоторую возможность, прихожу съ книгою ко владыкѣ Димитрію и прошу благословить на доброе дѣло.

— Да что, братъ, благословенія одного мало, надо дать что нибудь, но повѣрите-ли: гроша нѣтъ за душой; приходите перваго числа, и я что нибудь дамъ. Взявши книгу, онъ написалъ въ ней 25 рублей, которые я и получилъ перваго числа.

— И то—что, братъ, захватилъ—сказалъ владыка, отдавая мнѣ деньги,—пошли-бы на уплату моихъ долговъ, изъ которыхъ какъ-то не выпутаюсь я. При этомъ и засмѣялся со всею искренностію сердца. Но это не тотъ случай, который я намѣтилъ, и который еще болѣе можетъ охарактеризовать дѣтскую кротость и благодушіе этого дивнаго мужа.

Идя по Софійской улицѣ, на которой стоитъ архіерейскій домъ, встрѣчаю покойнаго Ив. Матв. Знаменскаго, каедральнаго протоіерея, который, замѣчу, во всю свою жизнь пользовался общимъ глубокимъ уваженіемъ. Онъ—магистръ Московской Духовной Академіи.

Отецъ Знаменскій только-что вышелъ отъ преосвященнаго Димитрія и, встрѣтивши меня, вѣроятно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что видѣннаго и слышаннаго, не могъ удержаться, чтобы не сказать: что за дѣтски-простая душа у нашего владыки!

— А что?

— Покончивши со мною дѣла по консисторіи, владыко обращается ко мнѣ съ самою умоленною просьбою: о. Іоаннь, дайте мнѣ до перваго числа рублей пятьдесятъ въ займы, приходятъ, просятъ, а въ карманѣ и гроша мѣднаго нѣтъ.

¹⁾ Полученный за погребеніе купца А. М. Посохова.

— Я съ удовольствіемъ дамъ вамъ, владыко, но у васъ должны быть деньги; возвратившись изъ С.-Петербурга (изъ засѣданій въ Св. Синодѣ) вы еще хвалились, что привезли съ собою много золотыхъ, даже показывали намъ ихъ.

— Были, о. Іоаннь, и золотые, и серебряные, да всѣ сплыли.

— Да куда же они уплыли отъ васъ въ такое короткое время?

— Право, не знаю; я положилъ ихъ въ этотъ ящикъ (при чемъ владыка выдвинулъ одинъ изъ ящиковъ своего письменнаго стола), замѣчалъ, что ихъ становится меньше; а нынѣ хватился—ни одного нѣтъ; вѣрно пѣвчурки мои все растащили; ребятки молодые: то орѣшковъ, то пряничковъ захочется.

— Но вы бы, владыко, запирали ящикъ съ деньгами.

— Даразвѣ, о. Іоаннь, такія нужныя для всѣхъ вещи запираются? сказалъ владыка и засмѣялся своимъ добрымъ смѣхомъ.

— Конечно, продолжалъ о. Іоаннь, я отнесу ему 50 рублей; но надолго-ли?

Вотъ ужъ если кто помнилъ слова Спасителя: просящему у тебя дай, то приснопамятный Димитрій. Говорятъ, что для выѣзда изъ Тулы нѣсколько разъ собирали ему деньги на дорогу, что соберутъ, онъ все отдастъ просящимъ, и снова не съ чѣмъ отправиться въ путь. Разъ, выѣзжая изъ Кіева, онъ обратился къ митрополиту дать ему на дорогу 400 рублей; митрополитъ далъ 200, сказавши, что другіе „пришлетъ въ вагонъ“,—и прислалъ. Приѣзжалъ онъ однажды изъ Кіева въ Орель по одному возложенному на него порученію, оттуда захватилъ на свою родину въ Рязанскую губернію и отдалъ тамъ все, что было, забывши—какъ доѣдетъ до Кіева. Благо, изъ этой бѣды выручилъ его бывший въ то время кафедральный протоіерей о. Евфимій Остромысленскій (магистръ Кіевской Академіи), отъ котораго мы эту исторію и слышали.

Но вотъ случай, бывший съ преосвященнымъ Дмитріемъ, который, сколько намъ извѣстно, нигдѣ не былъ записанъ, можетъ быть и не запишется другими,—случай, замѣчу, неподлежащій и малѣйшему сомнѣнію. Надѣюсь, что читатель тѣмъ охотнѣе прочитаетъ нижеслѣдующія строки, если я пред-

варю, что въ разсказываемой исторіи главное дѣйствующее лицо нашъ незабвеннѣйшій и истинно великій царь и хозяинъ Русской земли—императоръ Николай Павловичъ. Но предположимъ нашему разсказу нѣсколько словъ.

Святитель Димитрій и до старости имѣлъ величественный видъ. Но что это была за неописанная мужественная красота, когда онъ только что достигъ возраста мужа! Я съ моими товарищами имѣли честь представиться Димитрію, когда онъ былъ еще ректоромъ академіи, т. е. въ 40 годахъ, въ Кіевѣ, куда мы приѣзжали поклониться святынямъ. Когда онъ вышелъ къ намъ, мы были поражены величавою и вмѣстѣ красивою статью этого мужа, и я невольно подумалъ, едва-ли Адамъ, непосредственно вышедшій изъ рукъ Творца, былъ надѣленъ лучшею царственною красотою, былъ лучшимъ человекомъ. Но когда эта поразившая насъ мужественная красота заговорила съ нами, насъ поразила другая внутренняя красота этого мужа—доброта и нѣжность сердца. Не на насъ только, въ первый разъ видѣвшихъ Димитрія, видъ его производилъ такое впечатлѣніе; но и тѣ, которые каждый день его видѣли, не могли наглядѣться на него, зная, притомъ, его чудную душу. Между прочимъ, владыка Димитрій, въ пору своего возмужалаго возраста, имѣлъ такую великолѣпную бороду, которая такъ шла къ его величественно-мужественному стану, къ правильнымъ до крайности чертамъ лица его и высокому росту, что невольно обращали на себя общее вниманіе. Слышали мы тогда въ Кіевѣ, будто-бы митрополитъ Филаретъ, который такъ любилъ и уважалъ Димитрія, однажды, смотря на него, улыбаясь, сказалъ: ну, о. Димитрій, всю Россію извѣздилъ, а такой почтенной бороды не видывалъ, да и есть-ли другая такая на свѣтѣ?

Но—къ разсказу намѣченнаго случая. Благосклонный читатель пусть представитъ себѣ говорящимъ самаго Димитрія.

„Во единъ изъ 40 годовъ,—разсказывалъ Димитрій,—получается въ Кіевѣ бумага, что такого-то числа Государь Императоръ изволитъ прибыть въ Кіевъ, что останавливаться въ немъ не будетъ и встрѣчь какихъ-нибудь особенныхъ быть не должно. Но такъ какъ этотъ истинно-благочестивѣйшій Государь никогда не проѣзжалъ матери городовъ русскихъ, чтобы не поклониться ея святынямъ, хотя бы проѣздъ случился и

въ полночныя часы, — то митрополитъ Филаретъ, взявши съ собою только намѣстника Лавры и меня, приготовился встрѣтить Императора. Встрѣтилъ. Государь посѣтилъ даже одинъ изъ пещерныхъ храмовъ, усердно молясь и прикладываясь къ св. мощамъ и, видимо сѣша, направился къ ожидавшей его дорожной коляскѣ. Онъ отправлялся, какъ мы послѣ узнали, на югъ, на смотръ войскъ.

— Ну, благослови меня, отецъ, сказалъ Государь, обращаясь къ митрополиту; молись за меня, за вся христіаны, за мою семью. Митрополитъ благословилъ. Желая, вѣроятно, сказать и намъ (т. е. намѣстнику и мнѣ) — прощайте, Государь взглянулъ на насъ, но ничего не сказавши намъ, вдругъ спрашиваетъ митрополита: это кто у тебя? указавши на меня.

— Это ректоръ здѣшней духовной академіи, о. архимандритъ Димитрій.

— А! — сдѣлавши этотъ короткій звукъ, государь окинулъ меня своимъ истинно царскимъ, орлинымъ взоромъ и потомъ пристально посмотрѣлъ на мою статью. И самъ я, какъ говорится, дѣтина дюжій; но чувствовалъ отъ этого взора, отъ величаваго вида русскаго царя, что какая-то дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу, я не вынесъ этого орлиного взгляда и невольно опустилъ свои очи долу.

Государь еще разъ слегка поклонился намъ и еще разъ повторилъ: молитесь за насъ, святые отцы, и сѣль въ коляску. Она тронулась; но государь паки обернулся къ намъ съ легкимъ наклоненіемъ своей царственной главы.

Черезъ мѣсяць или около того, неожиданно — негаданно митрополитъ Филаретъ получаетъ бумагу отъ оберъ-прокурора Св. Синода, въ коей пишется, что, по повелѣнію государя императора, ректоръ кievской духовной академіи, архимандритъ Димитрій, вызывается въ С.-Петербургъ. Коротко, но не ясно.

Призываетъ меня владыко, показываетъ бумагу, и я чувствовалъ, какъ на меня напала какая-то робость.

— Зачѣмъ и почему? — спрашиваю я митрополита.

— Не знаю, о. Димитрій, но думаю, смѣясь сказалъ владыко, что тебя хотятъ сдѣлать всероссійскимъ патріархомъ: ты такъ похожъ на патріарха Никона, котораго, крѣпко любивши царь Алексѣй Михайловичъ, пригласилъ быть патріархомъ. Не даромъ государь императоръ такъ пристально по-

смотрѣлъ на тебя. Но шутки въ сторону; робѣть и беспокоиться нечего; ни за тобой, ни за твоей академіей грѣховъ нѣтъ; вѣроятно же всего, что тебѣ дадутъ какую-нибудь работу. Когда ты намѣренъ отправиться?

— Да нынѣ же.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; — сказалъ владыко и простился со мной, благословивши на дорогу.

Дѣйствительно, взявши съ собою келейника, я пустился въ дорогу ночью того же числа и нигдѣ не останавливаясь, даже для малыхъ роздыховъ, прибылъ въ столицу.

Можно сказать, прямо съ дороги, даже голодный, я немедленно отправился къ гр. Протасову. Къ великому своему горю, я не засталъ графа дома, воротился въ лавру, кое-что перекусилъ изъ братской трапезы, взялъ книжку и легъ на диванъ, чтобы сколько-нибудь отъ дороги отдохнуть. Дремота одолѣла меня, и я заснулъ, какъ говорится, богатырскимъ сномъ. Но не прошло и двухъ часовъ, какъ слышу сильный стукъ въ мою дверь; я вскочилъ, хотѣлъ отпереть дверь, но она оказалась запертою на замокъ. Кто тамъ? спрашиваю. — Я, графъ Протасовъ. — Простите великодушно, ваше с—во; очевидно, что келейникъ заперъ меня и ключъ взялъ съ собою.

— Постарайтесь поскорѣе быть у меня, — сказалъ графъ и немедленно удалился крупными шагами: ясный признакъ, что онъ былъ недоволенъ.

Къ вечеру мой келейникъ, въ волю нагулявшись по Питеру, возвратился и вывелъ меня изъ заключенія. Я немедленно отправился къ графу и на сей разъ засталъ его дома. Принялъ онъ меня добродушно, но помня свое графское достоинство и свою силу въ Св. Синодѣ. Краткую свою рѣчь графъ закончилъ слѣдующими словами: завтра, къ 12 часамъ дня, пріѣзжайте ко мнѣ и я отвезу васъ во дворецъ. Государь императоръ повелѣлъ представить васъ его величеству. — Смѣю спросить ваше с—во: для какой пѣли? — Совершенно не знаю; то воля государя.

Мы простились, и я возвратился въ лавру. Къ бевсоннымъ ночамъ, проведеннымъ въ дорогѣ, прибавилась новая, также не совсѣмъ сонливая; вопросъ: зачѣмъ? не отставалъ отъ меня.

Къ 12 часамъ я былъ у графа и отправился съ нимъ въ

его каретѣ во дворецъ. Здѣсь графъ сдалъ меня дежурному генералу, а самъ удалился. Генераль необыкновенно ласково принялъ меня и сказалъ, что сейчасъ же доложитъ о мнѣ Его Величеству. Оставивъ меня одного и возвратившись сказалъ: чрезъ пять минутъ Государь Императоръ изволитъ выйти къ вамъ; пойдите со мною. Мы пошли, онъ ввелъ меня въ одну залу и откланялся.

Дѣйствительно прошло не болѣе 5 минутъ, какъ отворяется одна изъ дверей и я увидѣлъ одного изъ величественныхъ царей земныхъ.

Здравствуй, отецъ Дмитрій, благослови меня. Садись.— Видя мою нерѣшимость, Государь снова повторилъ: садись рядомъ со мною. Едва успѣлъ онъ спросить о здоровьи митрополита, о моемъ путешествіи, какъ является Государыня Императрица.—Это моя жена,—сказалъ Государь; благослови и ее. Я благословилъ. Садись съ нами. Я сѣлъ; съ одной стороны меня Государь, съ другой Государыня. Признаюсь мнѣ припоминалась поговорка: сидѣть какъ на иглахъ. И сидѣть было какъ-то страшно, и встать боялся. Благо, Государыня Императрица видя, что я какъ будто самъ не свой, ободряла меня своимъ ласковымъ взоромъ. Немного прошло времени въ распросахъ—какъ и что въ Кіевѣ, который, видимо, Государь и Государыня любили,—какъ начали входить то изъ одной, то изъ другой двери члены царственной семьи; каждый изъ нихъ подходилъ ко мнѣ, и Государь обыкновенно говорилъ: благослови, о. Дмитрій; одного принесли на рукахъ; Государь велѣлъ и его благословить и обступила меня эта Богомъ благословенная царственная семья и каждый изъ членовъ ея пристально всматривался въ мои крупныя, конечно не дышавшія нѣжностію, черты лица. Но здѣсь случилась одна забавная исторія. Одинъ изъ малютокъ царственной семьи подошелъ ко мнѣ; какъ говорится, вплотную, и вѣроятно его особенно занимала моя борода, въ которую онъ и вѣспился своими ручками, да такъ, что и выпутаться не могъ. Государь, увидѣвъ это, улыбнулся и сказалъ: видишь, о. Дмитрій, какъ мы привязались къ тебѣ, что и развязаться не можемъ, и собственными руками освободилъ узника изъ сѣтей, разставленнымъ моею бородою.

Давши насмотрѣться мнѣ на свою семью, Государь ска-

залъ: теперь прощайте, времени нѣтъ, благословите насъ всѣхъ, молитесь за насъ, я вѣрю въ молитвы служителей Божіей церкви. Окончательно прощаясь со мною Государь Императоръ спросилъ: долго ли я пробуду въ столицѣ? Я отвѣтилъ, что никакихъ дѣлъ не имѣю и прибылъ, чтобы исполнить волю Вашего Величества.—И хорошо вы сдѣлали, погостите у насъ; посмотрите городъ, рѣдкости его, императорскую бібліотеку, эрмитажъ; повидайтесь со своими знакомыми, которые, вѣрно, найдутся здѣсь; а тамъ и съ Богомъ! не забудьте отъ меня поклонъ нашему молитвеннику—митрополиту.

Кто только зналъ глубокую русскую душу въ Бозѣ почившаго архипастыря Дмитрія, тотъ пойметъ, что печаль его въ несказанную радость претворилась; за страхъ, за бессонныя ночи онъ чувствовалъ себя совершенно вознагражденнымъ, имѣя счастье видѣть царя и всю царственную семью. Впрочемъ, мы убѣждены, что это счастье болѣе чувствовалось послѣ, по удаленіи отъ источника счастья. Надо замѣтить, что почившій архипастырь Дмитрій до самой кончины своей сохранилъ въ себѣ какую-то дѣвственную застычивость, въ кругу близкихъ къ нему—это была душа общества, рѣчь его лилась неудержимымъ потокомъ,—рѣчь постоянно умная, но не рѣдко растворяемая такимъ юморомъ, что невольно заставляла смѣяться. Владыка и самъ любилъ смѣяться среди близкихъ ему, говоря, что онъ не задолго до кончины шутилъ и смѣялся. Что это была за глубокая и дѣтски-простая душа!

Не разъ мнѣ случалось рассказывать только что рассказанную исторію съ Дмитріемъ, и не разъ приходилось слышать замѣчаніе: можно-ли вызывать, отрывать отъ дѣла такую почтенную личность, какъ ректоръ Академіи, и для чего? чтобы какъ на диво посмотрѣть на него. Объ этомъ прежде всего слѣдовало-бы спросить самого Дмитрія, но мы можемъ положительно сказать, что случившееся съ нимъ онъ считалъ великимъ счастьемъ. Другая сторона: не падаетъ-ли здѣсь какая нибудь тѣнь на покойнаго Госудая Николая Павловича? Можно сказать, что едва-ли кто изъ русскихъ царей такъ зналъ свой народъ, такъ вѣрилъ въ его безграничную преданность священной особѣ Царя и, добавимъ, едва-ли кто изъ нихъ былъ такъ обаятеленъ для народа. Государь Николай Павловичъ

очень хорошо знать, что видѣть его для его подданныхъ великое счастье; онъ знаетъ, что съ этою цѣлю русскіе люди приходятъ даже изъ глубины Россіи. Покойный, извѣстный Москвѣ своею благотворительностію, В. Н. Рукавишниковъ, будучи молодымъ и бѣднымъ человѣкомъ, изъ далека (если не изъ Сибири, то изъ прилегающаго къ ней края Европейской Россіи) приходилъ въ Красное Село съ единственною цѣлю видѣть батюшку-царя. Когда Государю доложили объ этомъ, онъ позвалъ къ себѣ В. Н., обласкалъ его и показалъ ему всѣхъ бывшихъ тутъ членовъ своей царственной семьи. Это мы лично слышали отъ покойнаго В. Н. А съ другой стороны, почему не видѣть въ исторіи съ о. Димитріемъ и другаго побужденія со стороны Государя къ вызову его въ столицу? Государь желалъ дать человѣку, посвятившему себя наукѣ и отказавшемуся отъ свѣта, развлечься и увидѣть свѣтъ, хотя-бы для сравненія съ тѣмъ свѣтомъ, котораго никакая тьма не обниметъ и которому посвятилъ себя этотъ мужъ всеосвѣщающей науки.

Вотъ каковъ и по внутреннимъ и по внѣшнимъ качествамъ былъ преемникъ именитаго Иннокентія. Жаль, что неисчерпаемую доброту его, его величавую благостную душу не всѣ достойно цѣнили, и даже во зло употребляли ангельскую кротость его сердца. Но онъ все прощалъ, молчалъ напоминая того агнца, котораго стригутъ. Не намъ судить, таково-ли должно быть начальствующее лицо, достаточно-ли для него водиться одною кротостію и всепрощеніемъ. Не намъ судить и тѣхъ, подчиненныхъ владыкѣ Димитрію, изъ за которыхъ онъ долженъ былъ промѣнять югъ на сѣверъ, который усилилъ его ревматизмъ и окончательно сломилъ уже надломленные силы.

Херсонскую епархію, по всей справедливости, можно назвать счастливою. Иннокентій и Димитрій до самыхъ отдаленныхъ временъ будутъ почитаться украшеніемъ Православной Церкви не только въ Россіи, но и во всемъ Православномъ мірѣ. Въ настоящее время эта епархія имѣетъ достойнѣйшаго преемника пламеннаго Иннокентія и смиренномудраго Димитрія, въ лицѣ преосвященнаго Никанора, который какъ-бы унаследовалъ духъ своихъ славныхъ предшественниковъ: твердую ревность Иннокентія и глубину ума смиренномудрствовавшаго Димитрія. Не упоминаемъ о другихъ епископствовавшихъ здѣсь

въ позднѣйшее время, т. е. по смерти приснопамятнаго Иннокентія, по кратковременности служенія ихъ Херсонской церкви.

Этимъ кончаю свои воспоминанія о приснопамятномъ архипастырѣ Иннокентіи.

Благосклонный мой читатель, если таковой находится, конечно замѣтилъ, что именитый нашъ ученый мужъ не вель со мною разговоръ о какихъ-нибудь отвлеченныхъ предметахъ изъ области богословія или философіи, къ чему я, какъ сказано выше, не былъ достаточно подготовленъ. Конечно, изъ подобныхъ разговоровъ вѣрнѣе можно бы заключать о высотѣ и глубинѣ возрѣній Иннокентія; но смѣю думать, что мои замѣтки освѣтятъ эту личность съ другой стороны, именно со стороны теплаго сочувствія Иннокентія ко всему доброму или полезному. Я такъ позволяю себѣ объяснить то вниманіе, которымъ имѣлъ счастье пользоваться со стороны этого именитаго мужа. Здѣсь будетъ небольшое повтореніе уже сказаннаго мною; но надѣюсь, мнѣ простятъ его: цѣль моя выяснитъ дивный образъ этого мужа, показать, что то, что въ глазахъ другаго представлялось мелочью, онъ понималъ иначе. Иннокентій очень хорошо знаетъ, что основаніе нашего благосостоянія и богатства—земля, сельское хозяйство; видѣлъ онъ также своими свѣтлыми глазами, что въ этой основной нашей промышленности господствуетъ рутинная, приемы самые грубые, движеніе идетъ по узкой колеѣ, пробитой стопами безграмотной старины. Вотъ является человѣкъ, хоть не много приготовленный наукою къ лучшимъ приемамъ, и для Иннокентія достаточно было, чтобы приблизить его къ себѣ, расширить его кругозоръ, помогать ему совѣтами, и поддерживать гдѣ нужно. Если,—такъ вѣроятно думалъ онъ,—хоть едва мерцающій лучъ свѣта попадетъ въ мрачную среду,—то и на томъ спасибо. А отсюда съ полною естественностію мы должны придти къ заключенію, что мощная душа Иннокентія была самая благожелательная. Любовь къ родной землѣ по истинѣ у него не имѣла границъ; и хотя бы чѣмъ-нибудь, хотя бы и самымъ малымъ послужить ей,—было потребностію, завѣтомъ его пламенной души. То была истинно русская душа. Науки, образованіе Запада Европы занимали его до послѣднихъ дней жизни; но—первый вопросъ: какъ приложить и что приложить изъ нихъ къ родной землѣ, и чего не слѣ-

дуетъ пускать въ нее, чтобы не нарушить самостоятельно, вѣками сложившагося строя народной русской жизни. Я не помню ни однѣхъ бесѣдъ Иннокентія, въ которыхъ выпускалась бы изъ вида родная земля; хотя подь конецъ, но рѣчь сведется на православную Русь. Ясность взгляда Иннокентія на данный предметъ и слово, въ которое онъ облакалъ мысль, были поразительны. Я зналъ лицъ, которыя, выслушавши въ церкви проповѣдь этого неподражаемаго витія, могли повторить ее почти отъ слова до слова; таковъ былъ напримѣръ покойный профессоръ М. Гребинскій. Мудрено ли было и мнѣ запомнить разговоры Иннокентія и притомъ о такихъ житейскихъ предметахъ. Конечно, я не могу сказать, что мною записано слово въ слово говоренное мнѣ именитымъ мыслителемъ; но смѣю сказать, что смыслъ и тонъ его рѣчи выдержаны, и многія выраженія приведены съ буквальною точностію. Нельзя не замѣтить, что въ приведенныхъ бесѣдахъ есть какая-то отрывчатость, своего рода скачки, безсвязность. Конечно, не легко все припомнить и записать; а потому скачки могли быть очень естественны; но съ другой стороны они и въ духѣ Иннокентія. Назвать ключевую воду холоднымъ кипяткомъ могъ только тотъ, у котораго душа была своего рода кипяткомъ, мгновенно измѣняющійся и переходящій изъ одного вида въ другой. Иннокентій поражалъ быстротою переходовъ отъ одного предмета къ другому. Для него ничего не стоило, ведя бесѣду о безсмертіи души, вдругъ перейти къ какому-нибудь бездушнѣйшему веществу, напр. къ камню. Переходъ озадачивалъ собесѣдника; но на такіе переходы способенъ былъ только Иннокентій, который могъ связать духъ съ матеріею, и все это было такъ просто и такъ естественно. Съ этой стороны Иннокентія можно охарактеризовать собственными его словами: „Сынъ на небо, а Мать къ намъ“. Такъ началъ онъ свою проповѣдь въ день Вознесенія Господня въ Херсонѣ, куда къ этому дню была принесена чудотворная икона Касперовской Божіей Матери. Могъ ли кто ожидать подобныхъ словъ, которыя, пожалуй, и не выдерживаютъ строгой критики; они отзываются какой-то особенной, какъ бы недостойной величія предмета, простотой. Но это было въ духѣ Иннокентія, и, можетъ быть, такія слова вырвались изъ глубины сердца, непонятной намъ.

Такъ я закончилъ мои воспоминанія объ именитомъ святителѣ нашей православной церкви, архіепископѣ Иннокентіи, 2 декабря 1885 г. Теперь, въ началѣ 1888 г. вижу, что заключеніе мое вышло какое-то вялое, блѣдное, холодное, — коротко-недостойное глубокаго мыслителя, пламеннаго витія и гениальнаго художника роднаго слова. Но какъ же это случилось? Благосклонный читатель простить мнѣ, если я покаюсь передъ нимъ въ одной моей слабости, увы! столь присущей нашей славянской крови. Я, какъ и превеликое множество русскихъ людей, если не вся поголовно наша св. Русь, или умѣемъ ничего не дѣлать, предаваясь сладко-дремлющей лѣни, или, взявшись за дѣло, работаемъ безъ отдыха, конечно мѣстами „какъ нибудь“, „на авось“. Да, при работѣ мы не любимъ отдыхать; мы готовы истратить всѣ силы, принести ради работы какия угодно жертвы. Всмотритесь во всю широту нашей русской жизни: мы, русскіе люди, иной разъ поднимаемся какъ буря, ломаемъ, крошимъ, превращаемъ въ прахъ самыя грозныя твердыни, ставимыя намъ, на нашей исторической дорогѣ, — и потомъ, даже не очистивши этой дороги отъ нашего бурелома, превращаемся всею своею жизнію въ тихое дремлющее озеро, или, сообразно нашей ширинѣ, въ безпредѣльную, какъ бы застывшую гладь какого нибудь великаго океана, съ легкою рябью: „авось“, „какъ нибудь“, „сойдетъ съ рукъ“, „живетъ“. Всматриваясь въ частныя явленія нашей жизни, мы не можемъ не видѣть отраженія того же нашего строя или склада: за новизну или за какое нибудь новое дѣло мы принимаемся съ жаромъ, и потомъ, мало помалу, холодѣемъ къ нимъ, забываемъ нашу же родную поговорку: конецъ—всему голова, *finis coronat opus*. Намъ не достаетъ терпѣнія, настойчивости, твердости, кропотливости или, какъ обычно на этотъ разъ выражался архипастырь Иннокентій, „тягучести“. Мудрено-ли послѣ этого сознать ту истину, что мы доселѣ плохіе двигатели общечеловѣческаго труда и въ области науки, и въ области промышленности, между тѣмъ какъ, по своимъ богатымъ дарованіямъ, могли бы идти въ уровень съ другими народами, а пожалуй и опережать ихъ. Не мало кое-чего изобрѣтено русскимъ гениемъ; но по недостатку настойчивости мы не доводили своихъ изобрѣтеній до

конца, бросали ихъ, а другіе или пользовались ими, или изобрѣтали то, что было нами изобрѣтено ¹⁾).

Во истину намъ не достаетъ настойчивости, тягучести ²⁾), — не достаетъ даже тамъ, гдѣ преслѣдуются вопросы народно-государственной жизни. Но правду ли я говорю? Не возстаетъ ли во всемъ своемъ величавомъ смиренномудріи св. Русь съ словами укоризны: посмотри на меня, раскинувшуюся отъ отроговъ Карпатъ до Великаго Океана, отъ Ледовитыхъ морей Европы и Азіи до Арарата и „стѣнь недвижнаго Китая“: могла ли я безъ терпѣнія и настойчивости вырасти въ такого исполина, русскаго чудо-богатыря, съ такою мощною силою и властію покоривши подъ ноги свои чуть не цѣлую шестую часть свѣта? — Въ самомъ дѣлѣ, не умаляю ли я, родная земля, твоего разума, твоей крѣпости и силы? Нѣтъ, не умаляю: если кто, то ты должна изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ повторять: не намъ, не намъ, а имени Твоему. Если ты не распалась и выросла въ такого исполина, то благодаря тому, что главу твою осѣнялъ православный крестъ Христовъ. Свидѣтель — вся твоя девятисотлѣтняя исторія. „Если бы, однажды сказалъ мнѣ незабвенный Иннокентій, наша православная

¹⁾ Первообразъ удобнѣйшаго смертоноснаго оружія, — скорострѣльнаго ружья хранится въ Московской оружейной палатѣ; его изобрѣлъ русскій человекъ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, но русскіе люди и позабыли о немъ. Первую въ свѣтѣ паровую машину выдумалъ нашъ сибирякъ, она работала, но русскіе люди не обратили на нее вниманія. Чудо современныхъ лѣтъ — телеграфъ — тоже наше русское изобрѣтеніе; первая искра электрическаго освѣщенія тоже наша; удобнѣйшій способъ извлеченія красокъ изъ продуктовъ каменнаго угля принадлежитъ нашему русскому химику, покойному Зинину, и т. д. и т. д.; но мы, русскіе люди, не доводили своихъ открытій до конца; они прошли мимо нашихъ «на все гораздыхъ рукъ».

²⁾ Въ подтвержденіе приведу слова одного изъ самыхъ почтенныхъ представителей русскаго ученаго міра, Н. Ив. Пирогова. На одномъ обѣдѣ, данномъ въ честь Н. Ив. Пирогова, по случаю его приѣзда изъ имѣнія въ Одессу, между собравшимися профессорами университета и докторами зашла рѣчь именно о недостаткѣ тягучести русской среди ученой братіи. Во время этого разговора ветеранъ науки, извѣстный ученому міру Ф. К. Брунъ сказалъ: «я недавно былъ за границей и еще нашелъ на кафедрахъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ профессоровъ, которыхъ слушалъ въ качествѣ студента». Это говорилъ покойный Брунъ уже по выходѣ въ отставку, послѣ 25-лѣтней или даже болѣе службы. — «А я, — сказалъ Н. Ив. Пироговъ, — былъ радъ, когда мнѣ мою севастопольскую службу, во время крымской войны, засчитали мѣсяцы за года, и я могъ оставить свою кафедру. Да, у насъ, русскихъ, нѣтъ терпѣнія и настойчивости въ нашихъ работахъ». — И это сказалъ истый жрецъ науки — Пироговъ! Но и онъ былъ также русскій человекъ.

Русь не пѣла велимъ гласомъ, т. е. отъ всей глубины души своей: Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресеніе Твое славимъ; то нѣтъ и малѣйшаго сомнѣнія, что она еще нѣсколько вѣковъ кланялась бы „басмѣ“; или на нее иной кто наложилъ бы ярмо потяжелѣе монгольскаго, и она, пзнемогши подъ нимъ, не воскресла бы для міровой жизни. Вообрази, что бы было съ русскимъ народомъ, если бы онъ пѣловалъ туфли папы, или висѣлъ бы надъ нимъ мечъ германскихъ императоровъ: сохранила бы наша святая Русь свою самобытность, тѣ начала жизни, которыя только ей одной присущи, и которыя, Богъ дастъ, будутъ имѣть міровое значеніе? ⁴⁾.

Но добрый мой читатель спросить: какъ же все это вяжется съ заключеніемъ, которое составитель „Воспоминаній“ назвалъ и вялымъ, и блѣднымъ, и холоднымъ, — коротко — недостойнымъ воспоминаемаго имъ великаго мужа? Отвѣчу словами, которыя такъ часто самъ онъ повторялъ: я усталъ какую-то чувствую. Эту усталъ я на себѣ и испыталъ. Началъ я писать „Мои воспоминанія“ съ 5-го ноября 1885 г., а 2-го декабря того же года кончилъ ¹⁾). Конечно, къ этой работѣ былъ подготовленъ весь матеріалъ и многое пришлось только переписывать. Однако, подъ конецъ я дѣйствительно сталъ чувствовать усталъ. Отложить бы и послѣ отдыха отъ усталости приняться за работу; но я уже сказалъ, чего мнѣ, какъ и многому множеству русскихъ людей, не достаетъ, или что господствуетъ въ его работахъ: „сойдетъ“.

Но почему бы теперь не поправить этого дѣла, т. е. не сдѣлать заключенія, достойнаго памяти приснопамятнаго іерарха православной нашей церкви? Постараюсь, но чувствую, что едва-ли смогу, съумѣю.

Если вы, мой читатель, — для убоженія васъ назову — мой

¹⁾ Свою спѣшную работу я во многомъ могъ бы исправить и пополнить; но на первыхъ порахъ она подверглась нѣкому искусству. Заручившись отъ покойнаго М. Н. Каткова, что «Мои воспоминанія» будутъ помѣщены въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ 1886 г. я поспѣшилъ перенести ихъ и къ марту того же года они были сданы въ редакцію этого журнала. Съ каждымъ новымъ мѣсяцемъ мнѣ давали обѣщаніе приступить къ печатанію, и такъ дотянули до декабря 1886 г. Въ это время я сказалъ послѣднее мое слово: если съ января 1887 г. не начнется печатаніе, я беру рукопись. Приступили, набрали до 3 листовъ; но помѣщеніе набраннаго оставили до февральской книжки. Я остался вѣренъ себѣ, взялъ рукопись и передалъ ее въ нашъ почтенный духовный органъ — въ «Странникъ».

добрый, мой благосклонный, — принадлежите къ пишущей братіи, то понимаете, какъ нужно дорожить минутами настроенія или воодушевленія; пропустишь эти минуты, и ужъ выходить не то; кажись, та же и голова на плечахъ, то же и сердце въ груди, — тѣ же, да не тѣ. Прошу моего благосклоннаго Читателя повѣрить моей 70-лѣтней совѣсти въ слѣдующей исповѣди сердца. Самъ сознаю, что „Мои воспоминанія“ и блѣдны, и односторонни, а мѣстами — и мелочны¹⁾; но я писалъ ихъ съ такою горячею любовію къ дивному во святителяхъ, съ такимъ воодушевленіемъ, что, ей! я какъ будто чувствовалъ дыханіе медоточивыхъ устъ безсмертнаго витіи, будто въявь слышалъ его дивную рѣчь. Увлечение доходило до того, что иной разъ невольно останавливался предъ вопросомъ: не живу-ли бесѣду веду я съ незабвеннымъ Иннокентіемъ? не сижу-ли „при ногу“ великаго учителя? не живой-ли онъ передо мной? Да, живой, живетъ и будетъ жить, пока жива душа моя, — жить въ моемъ преданіи и благодаріи ему сердцемъ. Въ уцѣлѣвшихъ моихъ наброскахъ, въ иныхъ мѣстахъ были одни намеки на сказанное, одно-два слова; но достаточно было и ихъ, чтобы возстановилось цѣлое изрѣченіе или мысли дивнаго мужа.

¹⁾ Я самъ болѣе, чѣмъ кто другой, сознаю малоцѣнность и малоцѣтностъ своихъ воспоминаній объ именитомъ архипастырѣ нашей церкви, и никогда не думалъ выпускать ихъ на свѣтъ Божій. Но когда судьба заставила меня переселиться изъ Крыма въ Москву, и здѣсь я болѣе, чѣмъ тамъ, могъ увидѣть — какъ подбираются самыя мелкія крупички отъ роскошной трапезы жизни великихъ людей русской земли, — рѣшился и мною собранныя крупички отъ трапезы едва-ли чѣмъ умаленнаго отъ самыхъ лучшихъ сыновъ ея — передать на память о немъ почитателямъ его славнаго имени. Не то бы было, если-бы я умѣлъ сберечь всѣ нѣкогда подобранныя крупички: не мало изъ нихъ брошено или умышленно, или неумышленно, какъ написанное на лоскуткахъ. Въ этомъ случаѣ я похожъ на многихъ присныхъ мѣ по крови, и между прочимъ на приснопамятнаго архипастыря нашей церкви, архіепископа Гурія. Живя лѣтъ 18 въ Китаѣ, онъ собралъ столько матеріала о «срединной» имперіи, о нашихъ соприкосновеніяхъ или отношеніяхъ къ ней, что, по словамъ почившаго святителя, изъ собраннаго матеріала могло-бы составиться два большахъ тома, гдѣ не мало было бы новаго для читателей. И этимъ дѣломъ хотѣлъ заняться почившій архипастырь, какъ только удалится на покой, о которомъ, послѣ истинно неусыпныхъ трудовъ своихъ, онъ такъ сладко мечталъ. Почивъ сномъ праведника святитель Божій, а собранный имъ драгоценный матеріалъ постигла участь оберточной бумаги или подтопки печи; да и благо сдѣлал! «Послѣ меня, говорилъ мнѣ этотъ трудолюбецъ, никто ничего не разберетъ: тамъ только одни наброски, намеки, да притомъ на клочкахъ бумаги». Русскій былъ человекъ и этотъ смиренномудрый мужъ.

Свою посредственность, на этотъ разъ, я приравняю къ одной гениальности. Живши нѣсколько лѣтъ въ Θεодосіи въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ съ нашимъ именитымъ художникомъ Ив. К. Айвазовскимъ, я часто былъ свидѣтелемъ его гениальнаго творчества. Иной разъ видишь, онъ готовится писать картину; предъ нимъ набросокъ, сдѣланный назадъ тому нѣсколько лѣтъ, — набросокъ самый легкій, однѣ мало понятныя для посторонняго кривыя линіи, и невольно спрашиваешь: какъ же здѣсь явятся тѣ переливы свѣта, та гладь или волнистость водной поверхности, та бездонная прозрачность воздуха, или та дивная лазурь неба, по которой, какъ-бы живыя, плывутъ облака, — коротко то, что по своей естественности и правдѣ сдѣлало кисть нашего художника безсмертною? Спрашиваешь, и слышишь отвѣтъ: для меня этого наброска достаточно: чѣмъ дольше работаетъ кисть, тѣмъ яснѣе становится для меня нѣкогда видѣнное, и дѣло доходитъ до того, что я какъ будто и теперь наяву вижу эту картину природы. — Никто не имѣетъ права сказать, что и для посредственныхъ дарованій иногда при одномъ припоминаемомъ словѣ воскресаетъ цѣлая рѣчь, сказанная лицомъ имѣвшимъ неотразимое вліяніе на слушателя. Надобно быть Иннокентіемъ, чтобы слово врѣзывалось до неизгладимости въ памяти того, кто дорожилъ его каждымъ словомъ. Отъ почтенныхъ его учениковъ, съ которыми я имѣлъ честь и истинное удовольствіе служить вмѣстѣ, о. прот. М. К. Павловскаго и І. Гр. Михневича, я слышалъ, что они и состарѣвшіеся могутъ дословно повторить нѣкоторыя выраженія Иннокентія, слышанныя ими въ академіи, въ бытность студентами. Я приведу здѣсь одно своеобразное, столь свойственное Иннокентію изрѣченіе, правда взятое мною не изъ первоисточника; но это, въ свою очередь, показываетъ живучесть словъ этого приснопамятнаго мужа. Призываетъ къ себѣ Иннокентій (во время своего ректорства въ академіи), студента Аскоченскаго (личность очень даровитую, въ послѣдствіи сдѣлавшуюся извѣстною по изданію одного для многихъ памятнаго журнала) и говоритъ ему: „ты долженъ изучить польскій языкъ; я, можетъ быть, открою въ академіи кафедру его“. Аскоченскій возражаетъ, что онъ ни слова не знаетъ попольски, и этотъ трудъ будетъ ему не подъ силу. На это Иннокентій отвѣчаетъ такъ: „вотъ нѣ полковому

командиру привели съ забранными лбами новобранцевъ; командиръ смотритъ на нихъ и говоритъ: ты въ строй, ты туда-же и ты, и ты... а ты будь барабанщикомъ, ты играй на фоготъ. Ну, и съ Богомъ!" — Мѣсяца чрезъ три-четыре Иннокентій снова призываетъ Аскоченскаго и говоритъ: „я получилъ одинъ польскій манускриптъ и никакъ не могу разобрать его; не прочитаешь-ли ты?“ Здѣсь Иннокентій, конечно, притворялся, потому что польскій языкъ онъ зналъ въ совершенствѣ. Аскоченскій беретъ и свободно читаетъ. „О, да ты, братъ, отлично можешь играть на этомъ инструментѣ, спасибо!“ сказалъ Иннокентій, улыбувшись своею неподражаемо-чарующею улыбкой.

Въ наше мало во что вѣрующее, все подозрѣвающее, все порицающее время, конечно, и меня заподозрять въ вымыслѣ, въ навязываніи великому мужу такихъ словъ, которыхъ онъ, можетъ быть, никогда и не говорилъ. Могутъ мнѣ и не вѣрить, хотя я и могу сослаться на не малое количество не только изрѣченій, а цѣлыхъ рѣчей, которыя дошли до насъ изъ самыхъ темныхъ временъ и сдѣлались достояніемъ исторіи. Но я все-таки думаю, что какъ-бы ни смотрѣли на приведенныя мною мысли Иннокентія, выраженные его собственнымъ словомъ, не могутъ не признать, что „Мои воспоминанія“ прибавляютъ какія нибудь блески къ тому свѣту, которымъ свѣтилъ этотъ мужъ, такъ богато одаренный „искрами божества“. Приведу на этотъ разъ подходящія мысли нашего бессмертнаго историка Н. М. Карамзина: „Исторія, говорятъ, наполнена ложью: скажемъ лучше, что въ ней, какъ въ дѣлѣ человѣческомъ, бываетъ примѣсь лжи; однако-же характеръ истины всегда болѣе или менѣе сохраняется; и сего довольно для насъ, чтобы составить себѣ общее понятіе о людяхъ и дѣяніяхъ“ (Предисл. къ Исторіи Госуд. Рос.).

Впрочемъ, едва-ли я не напрасно привелъ эти строки нашего именитаго бытописателя, какъ бы въ нѣкое обѣденіе моей личности. Въ своихъ воспоминаніяхъ я писалъ о такихъ обѣденныхъ предметахъ, впрочемъ, входившихъ въ кругъ моей научной дѣятельности, что и выдумывать было нечего. Передавая взглядъ на нихъ Иннокентія, я только хотѣлъ подтвердить, что было не разъ говорено объ немъ людьми высшихъ дарованій и вѣдѣній, именно, что Иннокентій, какъ мужъ такъ

ярко свѣтившійся свѣтомъ истины и правды, и какъ чистокровнѣйшій сынъ земли родной, отзывался со всею горячностію сердца на все вопросы русской жизни. Какъ мужъ науки, онъ далъ самое сильное движеніе въ области богословскихъ наукъ; сложилась поговорка: Иннокентій роди Дмитрія, Дмитрій же роди Макарія, а за Макаріемъ, какъ мы видимъ, идутъ богомудрые Сильвестры. Какъ духовный витія, Иннокентій признается бессмертнымъ. Но едва-ли не выше всѣхъ этихъ высокихъ достоинствъ въ Иннокентіи стоитъ его „человѣчность“, его отзывчивое сердце, проникнутое самою горячею любовью ко всему доброму, высокому, честному и прекрасному. Правда, онъ не былъ тѣмъ воплощеннымъ добродушіемъ, тою всепрощающею, истинно неподражаемою кротостію, каковы были достойнѣйшіи преемники его кафедры архіепископъ Дмитрій. Иннокентій, по горячности своего духа, не щадилъ лжи, направленной въ чей бы то ни было вредъ; онъ обличалъ неправду, хотя бы она и прикрывалась тогою мнимой учености или высокаго сана, — обличалъ, если обличеніе могло приносить пользу. Но все это выходило именно изъ его глубокой, горячей человѣчности, изъ сознанія, что онъ не можетъ и не имѣть права быть безучастнымъ членомъ семьи человеческой и частнѣе — родной своей — русской. Да, для Иннокентія было дорого все, что носить на себѣ печать истины, добра или любви къ ближнему, паче же къ приснымъ.

Въ Одессѣ, среди тамошняго духовенства и учащей духовной братіи, которые ближе, чѣмъ другіе члены тамошняго общества, стояли къ Иннокентію и могли чаще другихъ слышать его дивныя рѣчи, составилось убѣжденіе, что дивный во святителяхъ земли русской былъ проникнуть и духомъ, и словомъ „Учителя языковъ“. Благоговѣнное къ нему воображеніе доходило до того, что иные въ самомъ виднѣшемъ складѣ или стати Иннокентія, въ его приземистомъ ростѣ, въ нѣкоторой сутуловатости, въ отраженіи глубокаго и живаго ума во всѣхъ чертахъ чисто-русскаго благороднѣйшаго лица, находили сходство съ верховнымъ апостоломъ, къ которому такъ пламенѣлъ его духъ, и жизнь котораго онъ изобразилъ въ одномъ изъ своихъ бессмертныхъ твореній. — Не мелочь я сообщаю, мой благосклонный читатель: изъ одного приравненія Иннокентія къ великому Учителю языковъ легко заключить, какимъ

глубокимъ уваженіемъ, какимъ обаяніемъ онъ пользовался въ окружающей его средѣ, — той средѣ, которая лучше, конечно, знала внутреннюю жизнь этого мужа высшихъ дарованій, чѣмъ болѣе отдаленная отъ него.

Но вотъ и послѣднія строки „Моихъ воспомнаній“, — обѣщанное заключеніе, которое, надѣюсь, будетъ достойно богомудраго іерарха православной нашей церкви. Разъ я прихожу къ нему по окончаніи литургіи въ его крестовой церкви, гдѣ служилъ новопоставленный имъ діаконъ, который и пришелъ принять отъ своего архипастыря благословеніе и напутствіе. Иннокентій благословилъ и говоритъ: „У тебя грудь хорошая, голосъ свѣжій, пріятный; не кури и не пей, и онъ надолго тебѣ послужитъ и будетъ служить знакомъ свѣжести и чистоты души твоей. Ты читалъ нынѣ о блаженствахъ — самую благу въѣсть, возвѣщенную Евангеліемъ всему міру; читалъ понимая глубокое значеніе словъ нашего Спасителя. Хвалю тебя въ особенности за то, что ты не растягивалъ словъ, чрезъ что теряется вниманіе предстоящихъ, и они болѣе слѣдятъ за голосомъ читающаго, чѣмъ за смысломъ читаемаго. Я не могъ не замѣтить, что ты приготовился къ чтенію. И впредь положи себѣ за неизмѣнное правило: какъ-бы ты твердо ни зналъ „положеннаго“ Евангелія, но прочитай его и разъ, и два, а мало тебѣ знакомое — и того болѣе, пока божественныя слова не проникнутъ во всю глубину твоего сердца, до мозговъ костей твоихъ. А чтобы читать тебѣ съ должнымъ благоговѣніемъ и въ назиданіе предстоящимъ, во спасеніе душъ ихъ, помни и помни твердо, что ты читаешь передъ Богомъ и устами твоими грѣшными говоритъ Самъ Богъ. Прошу тебя именемъ Бога: запечатлѣй въ своей памяти послѣднія слова мои, именно: *благословенникъ святаго Евангелія въ храмъ читаетъ предъ Богомъ и устами самаго Бога*“.

О, да пронесутся эти глубокосодержательныя слова богомудраго іерарха отъ конецъ до конецъ широкаго православнаго русскаго царства, и да будетъ за нихъ хвально имя его отъ востока солнць до западь!

1943

7390

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І. І. МЕЧНИКОВА

НАУКОВА БІБЛІОТЕКА ОНУ ім. І. І. МЕЧНИКОВА